

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ



**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**



**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 2(28)

апрель – июнь

2020



Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10

Философия информационного общества

Роль, место и время революций в постиндустриальном обществе <i>Б. А. Исаев</i>	12
Самодвижение, управление и концепция диалектики в информационном обществе <i>С. В. Орлов</i>	27
Экологическое мышление и экологическое поведение <i>Н. О. Костин</i>	47

Теория и история культуры

Мурал-арт как способ коммуникации в современной культуре <i>В. А. Гриднев</i>	56
--	----

Социология и политология

Имперская легитимность и антитеррористическая война <i>К. Г. Мальцев, Л. Л. Ломако</i>	67
«Мягкая сила» культуры политического протеста: теоретико-методологические основания исследования <i>В. А. Франц</i>	92
Необходимость построения новых социальных институтов для снижения негативного влияния информационных технологий <i>А. А. Федорова</i>	102
Может ли социология быть точной наукой? <i>А. М. Китенко</i>	112

Из истории отечественной науки

Психофизиологические воззрения Ф. Ницше в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности. По страницам книг «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону добра и зла». <i>О. Н. Забродин</i>	121
--	-----

Объявления

Прием в аспирантуру ГУАП по направлению «Философия науки и техники» в 2020 году	146
Прием в бакалавриат и магистратуру ГУАП по направлению «Политология» в 2020 году.	147

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	148
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10

Philosophy of Information Society

The Role, Place and Time of Revolutions in Postindustrial Society <i>B. A. Isaev</i>	12
Self-Movement, Control and Conception of Dialectics in Information Society <i>S. V. Orlov</i>	27
Environmental Thinking and Environmental Behavior <i>N. O. Kostin</i>	47

Theory and History of Culture

Mural Art as a Way of Communication in Modern Culture <i>V. A. Gridnev</i>	56
---	----

Sociology and Political Science

Imperial Legitimacy and Anti-Terrorism Warfare <i>K. G. Maltsev, L. L. Lomako</i>	67
“Soft Power” of the Culture of Political Protest: Theoretical and Methodological Foundations of the Study <i>V. A. Franz</i>	92
The Necessity of Creating New Social Institutions to Reduce the Negative Impact of Information Technology <i>A. A. Fedorova</i>	102
Could Sociology be an Exact Science? <i>A.M. Kitenko</i>	112

From the History of the Science of Our Country

Psychophysiological Views of F. Nietzsche in the Aspect of V. S. Deryabin’s Teaching on Affectiveness. Paging Through the Books “Thus Spoke Zarathustra” and “Beyond Good and Evil”. <i>O. N. Zabrodin</i>	121
---	-----

Announcements

Admission to the Postgraduate School of SUAI in 2020 (Programme “Philosophy of Science and Technology”).	146
Admission to the Bachelor’s degree and Master’s Degree of SUAI in 2019 (Programme “Politology”).	147

Article Presentation Rule

Article Presentation Rules.	148
-------------------------------------	-----

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

- 09.00.00 – философские науки;
- 23.00.00 – политология;
- 24.00.00 – культурология.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, Евразии и устойчивого развития Северо-Западного института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России) (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Второй выпуск журнала за 2020 год открывает статья доктора социологических наук, профессора **Б. А. Исаева «Роль, место и время революций в постиндустриальном обществе»**. В ней известный политолог дает оценку современного состояния революционных настроений. По его мнению, революционный энтузиазм по сравнению с индустриальной эпохой сейчас снизился, но революции не исчезли, а изменили формы проявления, снизили радикализм и переместились из социально-политической сферы общественной жизни в культурную, коммуникационную, информационную и другие. Доктор философских наук, профессор **С. В. Орлов** в статье **«Самодвижение, управление и концепция диалектики в информационном обществе»** пытается определить, какие изменения происходят в традиционной концепции диалектики в специфических условиях информационного общества. С его точки зрения, классическое понимание процессов развития как самодвижения и саморазвития сейчас дополняется и уточняется за счет раскрытия диалектических механизмов процессов управления и программирования в природе и обществе. В работе магистранта **Н. О. Костина «Экологическое мышление и экологическое поведение»** проанализированы некоторые позитивные сдвиги в повседневном поведении и общественном сознании по отношению к экологическим проблемам, намечающиеся в идеологии современных молодежных движений.

Рубрика «Теория и история культуры» представлена публикацией магистранта **В. А. Гриднева «Мурал-арт как способ коммуникации в современной культуре»**. Данное направление уличного искусства, сложившееся в XX веке, несет в себе сложный комплекс идей, связанных с современной системой ценностей, эстетическим восприятием мира, политикой и идеологией.

Наиболее широко в этом выпуске журнала представлена рубрика «Социология и политология». Доктор философских наук, профессор **К. Г. Мальцев** и аспирант **Л. Л. Ломако** публикуют статью **«Имперская легитимность и антитеррористическая война»**, в которой рассмотрены различные версии имперской идеологии, порождавшей и порождающей многочисленные международные конфликты, в том числе вооруженные. Кандидат политических наук, доцент **В. А. Франц** начинает работу по гранту над актуальной темой **«Когнитивный код “soft power” как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи»**. Первые результаты этой работы представлены в статье **«“Мягкая сила” культуры политического протеста: теоретико-методологические основания исследования»**. Автор формулирует основные методологические принципы исследования и алгоритм, необходимый для оценки культуры политического протеста. Бакалавр **А. А. Федорова** в статье **«Необходимость построения новых социальных институтов для снижения негативного влияния информационных технологий»** затрагивает проблему изменения системы межличностных коммуникаций. С ее точки зрения, в настоящее время

формируются новые социальные движения и институты, компенсирующие недостаток живого эмоционального общения в эпоху Интернета. К ним относятся, например, молодежные пространства, форумы и фестивали, волонтерские организации. Магистрант **А. М. Китенко** в работе **«Может ли социология быть точной наукой?»** обращает внимание на новые возможности цифровых технологий, позволяющих сейчас собирать подробную информацию о деятельности каждого отдельного человека и на основе этого огромного массива данных приблизиться к осуществлению мечты О. Конта о превращении социологии в точную науку.

В разделе «Из истории отечественной науки» постоянный автор нашего журнала, доктор медицинских наук **О. Н. Забродин** выступает со статьей **«Психофизиологические воззрения Ф. Ницше в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности. По страницам книг “Так говорил Заратустра” и “По ту сторону добра и зла”»**. В публикации анализируется неожиданная черта творчества Ницше: развивая мысль, что в формировании философских понятий принимает участие не только абстрактное мышление, но и эмоционально-волевая сфера, он высказал ряд идей, совпадающих с положениями учения об аффективности, которое значительно позже разрабатывали в СССР представители школы И. П. Павлова.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.324.8

Роль, место и время революций в постиндустриальном обществе*

Исаев Борис Акимович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, профессор, доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

Email: isaevboris@yandex.ru

SPIN: 6726-1385

Авторское резюме

Состояние вопроса: Основные позиции ученых по вопросу о роли, месте и времени революций в постиндустриальном обществе можно свести к революционной, признающей необходимость политического переворота и назревших реформ, и контрреволюционной, отрицающей функциональность революций. Главным отличием постиндустриальных революций от индустриальных является снижение их интенсивности и осуществление революций в отдельных сферах или даже субсферах общества. Наиболее вероятными и характерными для постиндустриального общества сегодня выступают технологические, коммуникационные, информационные революции, революции в культурной сфере.

Результаты В постиндустриальном обществе изменились формы и процесс протекания революций, которые начинаются в какой-либо одной сфере или даже субсфере, а затем распространяются на другие сферы и субсферы. В отличие от эпохи индустриализма, для которой были характерны социально-политические, охватывающие все общество революционные перевороты, постиндустриальные революции обычно начинаются именно в отдельной сфере или даже субсфере и не выглядят как всеохватные и всепроникающие. Постиндустриальные революции чаще всего происходят в техносфере, а также в культурной, коммуникационной и информационной сферах и субсферах, оказывая при этом влияние на другие компоненты социальной системы.

Выводы: Революционный энтузиазм, основанный на реальной возможности осуществления революций, учитывая огромный перевес революционных сил над контрреволюционными, быстрой смены власти и радикальной ломки социальных и политических институтов в постиндустриальном обществе существенно уменьшился по сравнению с обществом индустриальным. Но это не означает, что революции как радикальные формы перестройки общественной жизни совершенно ушли из политического процесса. Революции в постиндустриальном обществе изменили

* © Б. А. Исаев, 2020.

формы проявления, снизили радикализм, перешли из социально-политической и в другие сферы и субсферы общественной жизни – такие, как культурная, коммуникационная и информационная.

Ключевые слова: революции; постиндустриальное общество; роль, место и время революций в постиндустриальном обществе; сферные и субсферные революции; революции в технологической, культурной, коммуникационной и информационной сферах.

The Role, Place and Time of Revolutions in Postindustrial Society

Isaev Boris Akimovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Professor, Doctor of Sociology, Saint Petersburg, Russia.

Email: isaevboris@yandex.ru

Abstract

Background: The main scientific concepts of the role, place and time of revolutions in postindustrial society can come to revolutionary, recognizing the need for a political coup and overdue reforms, and counter-revolutionary, denying the functionality of revolutions. The main difference between postindustrial and industrial revolutions is the reduction of their intensity and the implementation of revolutions in certain spheres or even sub-spheres of society. The technological, communication, information and cultural revolutions are the most probable and characteristic of contemporary postindustrial society.

Results: In postindustrial society, the forms and process of revolutions have changed, which begin in any sphere or even sub-sphere, and then spread to some other spheres and sub-spheres. Unlike the era of industrialism, which was characterized by sociopolitical, inclusive revolutions, postindustrial revolutions usually begin in one sphere or even sub-sphere and are not encompassing and pervasive. Postindustrial revolutions are most common in the technosphere, as well as in the cultural, communication and information spheres and sub-spheres, while having an impact on other components of society.

Conclusion: Revolutionary enthusiasm based on the real possibility of revolutions, having the huge preponderance of revolutionary forces over counterrevolutionary ones, the rapid change of power and the radical breakdown of social and political institutions in postindustrial society, has significantly decreased compared to industrial society. Nevertheless, this does not mean that revolutions, as radical forms of social life reconstructing, have completely ceased to exist in the political process. Revolutions in postindustrial society have changed the forms of manifestation, reduced radicalism, moved from the sociopolitical and other spheres and sub-spheres of public life – such as cultural, communication and information.

Keywords: revolution; postindustrial society; the role, place and time of revolutions in postindustrial society; sphere and sub-spheric revolutions; revolution in the technological, cultural, communication and information spheres.

1 Разные позиции в вопросе о роли, месте и времени революций

Разные ученые отводят разную роль революциям в человеческой истории. Одни подчеркивают исключительно позитивное значение революций, отдают им главную роль в историческом процессе, в преобразовании обществ – роль исключительно позитивной силы, переносящей общества на более высокую ступень развития. Время революций, по К. Марксу, приходит, когда старые производственные отношения становятся оковами, препятствующими развитию производительных сил. Революции занимают важное место в историческом процессе, они завершают старую и начинают новую историческую эпоху, создают новые производственные отношения, открывают новые возможности развития производительных сил. Маркс называл революции «локомотивами истории», отдавая им роль ускорителей исторического процесса, подчеркивая их исключительно прогрессивное значение [см.: 1, с. 86].

Другие ученые, наоборот, подчеркивают исключительно негативное воздействие революций на общество, отмечая их стихийность, анархичность, аномичность (Э. Дюркгейм [см.: 2, с. 223–225]), разрушительный характер для сложившихся и устоявшихся социально-политических институтов (Э. Берк [см.: 3, с. 91–95]), ценностей и норм, на которые опираются люди в своем поведении. Революции, по мнению де Местра, совершают большее зло, чем то, которое хотят исправить [см.: 4, с. 38].

Важно понимать, какие критерии мы вводим при анализе революций. Если следовать критерию прогресса и развития общества, ускорения социально-политических и экономико-культурных преобразований, изменению самого человека, то революции с их коренной ломкой старого и насильственным внедрением нового, радикальными перестройками социума, безусловно, несут в себе позитивные, креативные и прогрессивные функции.

Если же за главный критерий взять стабильность общественных связей, ценностей, норм, законов, обычаев и традиций – в общем, неизменность и устойчивую цикличность социальной, политической, экономической, культурной, религиозной жизни, то революции, бесспорно, выступают как нарушители общественного порядка, как разрушители устоявшихся общественных институтов, как бури, превращающие спокойное течение жизни в бурлящий поток, переворачивающий спокойно плывущую лодку – общество.

Все, что сказано о роли революций в историческом процессе, касается и их места и времени. С точки зрения революционеров и вообще всех недовольных общественным устройством социальных слоев и индивидуумов, революции как очищающая сила общества необходимы и их надо всячески приближать. С точки зрения правящего класса и «молчаливого большинства», для которого традиции и стабильность важнее любых перемен, путь даже сулящих «золотые горы», революции вредны, ибо они нарушают «общественное спокойствие», социальный порядок, разрушают нормально функционирующие общественные институты и т. д. и, конечно, революциям надо всячески противостоять. Революции, с точки зрения нереволюционного большинства общества, не только неуместны, но и всегда происходят не ко времени.

Время революций наступает, когда элита теряет «волю к власти», когда правящая верхушка удаляется от интересов большинства, когда резко сужается социальная поддержка правящего класса, когда в обществе формируется «революционное большинство» – достаточно широкая коалиция социальных слоев, выступающая за революционные перемены.

Время революций наступает, если правительство затягивает назревшие реформы, «кормит» общество обещаниями. Революция в этом смысле есть быстрая, концентрированная реализация несостоявшихся вовремя или не доведенных до логического завершения реформ.

Местом революции революционеры чаще всего выбирают столицу, ибо в ней находится правительство, подлежащее свержению. Но так как революция – это не только рациональное и спланированное событие, но и стихийный процесс, то начало революции может произойти и в другом месте. Например, революция 1918 г. в Германской империи началась на военно-морской базе Киль, а затем уже перебросилась в Берлин, Американская революция имела своим началом «Бостонское чаепитие», а революция в Нидерландах началась с погромов католических церквей, организованных протестантами сразу во многих городах и поселениях.

Очевидно, революции, как и все подобные им сложные и неоднозначные социально-политические, экономико-культурные явления, имеют как позитивные, так и негативные для общества функции, происходят в определенное время и в определенном месте, хотя заранее определить это время и место весьма нелегко.

2 Сферные и субсферные революции

Если принять сферную теорию общественного устройства, согласно которой общество состоит из политической, экономической, социальной, культурной (духовной) сфер, включающих в себя еще и субсферы, то можно сделать вывод о том, что революции начинаются в какой-либо одной сфере, а затем распространяются на другую или другие. Современные революции часто начинаются даже не в одной из сфер общества, а только в ее небольшой части – субсфере.

Феномен субсферных революций часто остается незамеченным обществом, так как революционные изменения в какой-либо субсфере быстро распространяются на всю сферу, и революция приобретает сферный характер. Субсферные революции – это характерная черта современных быстро меняющихся обществ, в которых лидирующую роль играют наука и экономика. Но в науке и экономике, как лидирующих и революционизирующих сферах современного общества, существуют свои быстро меняющиеся субсферы, которые оказывают революционизирующее влияние на соседние субсферы и сферу в целом.

В современной экономике такими локомотивными субсферами, «тащащими» вперед промышленность и способствующими прогрессу всего общества, выступает субсфера опытно-конструкторских разработок (ОКР), структурно входящая в сферу экономики. Субсферу ОКР часто объединяют с

такой отраслью науки, как научные исследования (НИ), в единую субсферу, которая занимает пограничное место между сферами науки и экономики, а точнее включена в обе эти сферы. Объединенная субсфера научных исследований и опытно-конструкторских разработок или НИОКР в наше время находится на самом острие научно-технологического прогресса.

В современной культурной сфере, несмотря на ее не вполне революционное положение в структуре общества, под воздействием новаций в революционизирующих общество сферах также происходят революционные изменения. Начинаются эти мини-революции в субсферах – отдельных частях культурной сферы, таких как: кинематограф, театр, балет, литература, архитектура, музейное дело и т. д. Учитывая развитую коммуникационную среду современного общества, повышенную скорость распространения информации, взаимозависимость всех стран на планете, изменения, возникающие в одной из субсфер культуры, быстро распространяются на другие субсферы и культуру в целом, на все сферы общества. Например, революция импрессионистов в живописи как субсфере культуры быстро охватила другие жанры искусства, в том числе настенную живопись, скульптуру, литературу, производство набивных тканей, обоев, портьер, расписной посуды, модной одежды, дизайн помещений, рекламу и т. д. При этом изменения, происходившие во французской живописи, быстро распространились на другие страны и континенты.

3 Техносферный подход к анализу общества и роли, места и времени революций

Техносферный подход к анализу революционных изменений является сегодня наиболее распространенным и востребованным как современной наукой, так и современной экономикой.

Одним из ярких представителей этого подхода к исследованию революций является американский теоретик Элвин Тоффлер¹. По Тоффлеру, общество состоит из следующих сфер:

- техносферы,
- социосферы,
- информационной сферы – инфосферы,
- властной сферы.

Ведущую роль в этой сферной системе играет техносфера, при этом в эпохи индустриализма и постиндустриализма ее ведущая роль существенно возрастает, так как техносфера не только производит, но и участвует в распределении жизненных благ, в техносфере зарождаются и развиваются наиболее существенные, революционные изменения, которые затем распространяются на социосферу, инфосферу, властную сферу, а также на психосферу (состояние психики и личные взаимоотношения живущих на Земле

¹ Его теория технологических революций изложена в работах «Шок будущего» (1972), «Третья волна» (1980), «Метаморфозы власти» (1990) и других книгах, ставшими мировыми бестселлерами.

людей) и биосферу (все живое окружение людей, с которым непосредственно взаимодействует человеческое общество).

Зарождение и распространение изменений происходит с разной скоростью. Бывают периоды, когда изменения происходят и распространяются особенно быстро, вздымаясь, словно океанские волны, накатывающиеся на пологий берег. Волны, как все увеличивающееся число новаций, зарождающихся в техносфере общества и перетекающих в другие сферы, изменяют все сферы и все общество в целом – это и есть, по Тоффлеру, **технологические революции**.

Тоффлер считает, что развитие общества не является линейным процессом. Оно осуществляется путем обострения и разрешения социальных конфликтов. Периодическое чередование конфликтного и ламинарного течения общественной жизни образует волны, которые Тоффлер сравнивает с волнами океана, воздействующими на все суда, вовлекающими в процесс революционных изменений всех людей и общества в целом. Движущей силой всех изменений и новаций в обществе выступают технологические революции, которые и определяют сущность возникающей на их основе цивилизации.

В истории человеческого общества, по Тоффлеру, были три великие революции, кардинально преобразившие все сферы человеческой жизни и деятельности и окружающую общество природу.

Первая или аграрная технологическая революция началась 10 тыс. лет назад с овладения людьми в регионе Восточного Средиземноморья и Междуречья Тигра и Евфрата способом посадки злаков, в частности пшеницы, ржи и проса, которые произрастали там в диком состоянии. Это изменило образ жизни первых земледельцев с кочевого на оседлый, образ деятельности с собирательства случайно находимых злаков, плодов и корней, с охоты на случайно обнаруживаемых диких животных на выращивание урожая на определенных полях и домашнего скота в загонах по определенному плану. По времени происхождения (в период нового каменного века – неолита) эту сельскохозяйственную по сути революцию называют еще неолитической.

Неолитическая или аграрная революция позволила скачкообразно поднять производительность сельского труда, создавать запасы продуктов и сырья для производства одежды, обуви, предметов домашнего обихода. У людей появилась возможность строить постоянные жилища, создавать постоянные семьи, для повышения безопасности возводить стены вокруг поселений, создавать постоянные отряды профессиональных воинов, содержать профессиональных чиновников и жрецов, наконец, создать государство.

Итогом аграрной технологической революции с точки зрения развития человеческого общества явилась гигантская волна сельскохозяйственной цивилизации.

Вторая или индустриальная технологическая революция началась с промышленного переворота в Англии в середине XVII – начале XVIII века, в ходе которого кроме аграрного сформировался новый, намного более производительный индустриально-фабричный и индустриально-заводской тип производства, в результате которого началось не только производство

отдельных высокопроизводительных машин, но создание целых поточных линий и автоматизированных систем, которые производили новые машины. Произошел новый скачок в производительности труда, в развитии массового производства и массового распределения товаров. Массовый характер деятельности и отдыха проник во все сферы общества, вызвав в них такие неоднозначные явления, как гигантизм и стандартизацию, которые, с одной стороны, двигали общество вперед к новому знанию и новому стилю жизни, с другой – создавали проблемы отчуждения и распада социальных связей, проблемы неравномерного распределения производимой продукции и социальной несправедливости. Результатом этой революции, по Тоффлеру, стала вторая гигантская волна, сформировавшая новую, индустриальную цивилизацию.

«Начиная с этого времени, – утверждает Тоффлер, – Первая волна утратила свою движущую силу, тогда как Вторая волна набирала мощь. Индустриальная цивилизация, производное этой Второй волны, стала доминировать на нашей планете, пока и она не дошла до своего гребня. Эта исторически последняя точка поворота достигла Соединённых Штатов в период, начавшийся примерно в 1955 году, – в том десятилетии, когда впервые количество “белых воротничков” и работников сферы обслуживания стало превышать число “синих воротничков”. Это было то самое десятилетие, которое стало свидетелем широкого внедрения компьютеров, доступных путешествий на реактивных самолётах, таблеток-контрацептивов и многих других высокозначимых нововведений. Именно в этом десятилетии Третья волна начала наращивать свои силы в Соединённых Штатах Америки. Впоследствии она достигла (в различные сроки) большинства других индустриальных стран, в том числе Великобритании, Франции, Швеции, Германии, Советского Союза и Японии. В наши дни все страны, обладающие высокими технологиями, страдают от коллизии между Третьей волной и устаревшими, отвердевшими экономикой и учреждениями Второй волны» [5, с. 40].

Третья или информационная технологическая революция началась во второй половине XX века с широкого распространения компьютеров, лазерной техники, биотехнологий, генной инженерии, информатики, электроники, теле- и видекоммуникаций. На их основе возникает новая космическая техника, получающая энергию непосредственно от Солнца и позволяющая начать заселение других планет солнечной системы, новые транспортные системы, позволяющие связать самые удаленные районы Земли, перевозить гигантское количество грузов и пассажиров, передвигаться с неслыханными ранее скоростями, новое конструирование, производство новых «умных» машин, производящих, в свою очередь, еще более «умные» машины.

Именно в этих, вышеуказанных отраслях производство и потребление сегодня лавинообразно нарастает, образуя гигантскую Третью волну трансформаций. Главным двигателем этих революционных сдвигов становится информация, творчество и интеллектуальные технологии.

На смену пролетариату эпохи Второй волны появляется «когнитариат» – интеллектуальный работник, обладающий не только мастерством, но и информацией и новыми технологиями, позволяющими более эффективно работать, чем в индустриальную эпоху. С другой стороны, внедрение инновационных технологий позволяет сократить число занятых работников и ведет к увеличению безработицы. Кроме того, информационная технологическая революция, увеличивая отрыв стран Третьей волны от стран Второй и Первой волн, создает все увеличивающуюся пропасть в уровне развития и уровне жизни, на краях которой формируются мировой полюс богатства и мировой полюс бедности.

Третья волна Тоффлера – это и есть третья технологическая революция, состоящая из перемен и новаций, которые приобретают перманентный характер, разрушают отжившие структуры индустриального и сельскохозяйственного общества и формируют новые структуры нарождающегося из этой волны-революции, из этих разрушений и созиданий, из этих столкновений и перемешиваний, из этого хаотичного, турбулентного, не всегда предсказуемого процесса формирования нового постиндустриального общества.

Тоффлер отмечает: «Многие из сегодняшних перемен взаимосвязаны и неслучайны. Например, разрушение малой семьи, глобальный энергетический кризис, распространение “культов” и кабельного телевидения, рост работы со скользящим графиком и соглашений о дополнительных льготах, появление сепаратистских движений на пространстве от Квебека до Корсики, – всё это может казаться лишь отдельными явлениями. Однако верна иная точка зрения. В действительности все эти явления представляют собой компоненты одного гораздо более крупного феномена – гибели индустриализма и роста новой цивилизации... Эта новая цивилизация столь глубоко революционна, что она бросает вызов всем нашим старым исходным установкам. Старые способы мышления, старые формулы, догмы и идеологии, несмотря на то, что в прошлом они процветали или были весьма полезными, уже не соответствуют больше фактам. Мир, который возникает с огромной скоростью из столкновения новых ценностей и технологий, новых геополитических отношений, новых стилей жизни и способов коммуникации, требует совершенно новых идей и аналогий, классификаций и понятий» [5, с. 20–22].

Третья гигантская волна, вызванная информационной технологической революцией, дала начало постиндустриальному и информационному обществу.

4 Революции в культурной сфере (субсфере ценностей) и ее значение в модернизации общества

По мнению других авторов, революционные сдвиги происходят не в технотронной, а в культурной сфере, точнее *в субсфере ценностей*, на которые ориентируются люди и, в первую очередь, молодежь. Кеннет Кенистон, например, утверждает, что значительная масса молодежи современных развитых стран стремится к «поиску мира, расположенного по ту сторону материализма, к отказу от карьеризма и стяжательства» [6, с. 128].

Рональд Инглхарт обращает внимание на революционный переход от ценностей модерна к ценностям постмодерна. Он убежден, что в постиндустриальном обществе «преобладающими становятся ценности постмодерна, неся с собой ряд разнообразных социетальных перемен, от равноправия женщин до демократических политических институтов и упадка государственно-социалистических режимов» [7, с. 6–23].

Революция ценностей в эпоху постмодерна по своему значению в жизни общества соизмерима с индустриальной революцией. Изменились не только общественные и экономические организации гражданского общества. Большие изменения происходят также в государственных структурах и политических партиях. Повсюду через механизм поколенных перемен проникают новые идеи, новые ценности, новые отношения и правила поведения. Общество постепенно, от поколения к поколению переходит от индустриальной и материалистической системы ценностей к постиндустриальной и постматериалистической. Современные, так называемые развитые общества, по мнению Инглхарта, как раз находятся в процессе такого перехода.

Как видим, у данной группы авторов сложилось убеждение, что источником современных революционных изменений выступает культурная сфера общества, а именно ее ценностная субсфера. *Основным содержанием ценностно-структурного сдвига в ходе революции в сфере культуры, является переход от материалистических ценностей к ценностям постматериальным.* Движущими силами этой ценностно-культурной революции является механизм межпоколенных изменений ценностей.

Следует подчеркнуть, что в обществах с авторитарной политической культурой постиндустриальные революции и принесенные ими изменения системы ценностей и индивидуального образа жизни в общем ведут к демократизации, но в обстановке повышения мобильности и спада в экономике – к неуверенности в завтрашнем дне и проявлениям ксенофобии, в демократических обществах – к развитию демократической культуры по пути развития политического и общественного участия.

5 Коммуникационные революции и сетевое общество

Важной субсферой современного общества стала коммуникация. Ален Турен среди всех сфер и субсфер по степени революционизирующего воздействия на общественные изменения выделяет сферу коммуникации. Поэтому современное общество, следующее за индустриальным, он называет коммуникационным, так как в его основе, определяющей направление его развития, находятся системы информации и коммуникации.

Если в индустриальную эру индивиды были вовлечены в «управляемые системы коллективной организации» только в сфере экономики и в меньшей мере – в социальной сфере (точнее – субсфере занятости), то в постиндустриальном, программированном обществе появились всеохватывающие, мобилизующие централизованные системы управления в самых различных сферах и субсферах: информационной, образовательной, научно-исследовательской, потребительской, здравоохранительной.

Эти системы могут создавать долгосрочные программы, программировать развитие всех сфер и субсфер общества. Постиндустриальное общество становится социумом, развивающимся по заранее составленным, научно обоснованным программам, постоянно корректируемым в связи с изменением внешних обстоятельств и состояний самого социума. Не следует думать, что постиндустриальное, программируемое общество идет по пути усиления государственного идеологического контроля, унификации социальных отношений и централизации принятия решений, по пути тоталитаризма. Программируемое общество не уменьшает, а, наоборот, существенно увеличивает возможности выбора, количество коммуникаций индивидов.

Если в индустриальном обществе основой политического процесса была идея справедливости или достижение общей удовлетворенности, то в постиндустриальном, программированном обществе такой основой станет идея счастья, «основанного на учете потребностей индивидов и социальных групп» [8, с. 410–430].

Другой не менее важной подструктурой современного общества становятся сети. Не только социальные сети, организованные по большей части для индивидуального общения, с которыми мы сталкиваемся ежедневно, но и сети в широком смысле, как необходимая часть общественной структуры, как узлы, сплетения и переплетения коммуникаций. Коммуникационные узлы и линии и выступают главными компонентами коммуникационных сетей.

Сети становятся не только необходимой структурой нового общества, они, по мнению Мануэля Кастельса, определяют формирующееся на наших глазах постиндустриальное, информационное общество. **Сетевая структура общества** представляет собой комплекс узловых пунктов, связанных коммуникациями. К этим пунктам относятся: рынки ценных бумаг, финансовые учреждения, сырьевые и производящие товары организации, государственные структуры, серые и преступные организации, занимающиеся отмыванием денег и т. д. Пункты или узлы этой глобальной финансово-экономической сети связаны линиями-коммуникациями: потоками финансов, ценных бумаг, товаров, рабочей силы, сырья, наркотиков и др. Сети национальные и интернациональные сливаются, в конце концов, в единую глобальную финансово-экономическую и информационно-коммуникативную сеть. У этой глобальной сети, в отличие от сетей национальных, нет правительства, она развивается по сетевым закономерностям. На национальные сети национальные правительства имеют лишь ограниченное влияние. Сети – это структуры, с одной стороны, очень гибкие и живучие, с другой – плохо поддающиеся управлению, особенно когда речь идет о прямом контроле и жестких командах.

Поэтому формирующееся сетевое общество выступает также в качестве фактора будущей весьма опасной перекройки всех властных отношений. Подсоединенные к сетям «рубильники» (например, когда речь идет о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств массовой информации, влияющей на политические процессы) выступают в качестве

орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью [см.: 9, с. 499–501].

6 Информационные революции и их роль в преобразовании современного общества

Еще одна группа авторов, исследуя черты постиндустриализма, делает упор на такой его быстро разрастающейся субсфере, как информация. Некоторые из них прямо называют следующее за индустриальным обществом информационным.

Джон Нейсбит обнаружил среди главных тенденций современности такой мегатренд, как движение от индустриального общества к обществу, в основе которого лежит производство и распределение информации [см.: 10, с. 8–9].

В наши дни постиндустриальное общество вследствие развернувшейся **информационной революции**, то есть быстрых и коренных изменений в субсфере производства, классификации, хранения и распространения информатизации, которые оказывают существенное, порой определяющее влияние на развитие и трансформацию других сфер, все чаще называют информационным обществом. Как утверждает Питер Дракер, проследивший историю развития информационной субсферы, сегодняшняя информационная революция, вообще говоря, – четвертая информационная революция в истории человечества.

Первая информационная революция – это изобретение письменности, которое произошло в Месопотамии пять-шесть тысяч лет назад.

Вторая информационная революция произошла в результате изобретения рукописной книги в Китае, вероятно, около 1300 г. до н. э.

Третья информационная революция произошла после изобретения в Германии Иоганом Гутенбергом печатного пресса и наборного шрифта между 1450 и 1455 гг.

Резкий рост производительности труда печатников привел к существенному падению цен на печатные книги. Если до изобретения печатного станка рукописные книги были привилегией состоятельных людей, то с появлением большого количества типографий печатные книги стали доступными многим.

Революции в приеме, обработке, подаче и хранении информации всегда оказывали влияние на изменение социальной структуры общества. Третья информационная революция в печати, например, быстро создала инфраструктуру печатных станков и целых печатных цехов и типографий и сформировала новый класс специалистов-печатников. Одним из первых, кто наладил выпуск недорогих печатных книг хорошего качества большими, неслыханными до этого тиражами – до тысячи экземпляров, стал венецианский печатник Алдус Магнус (1449–1515). Кроме того, для расширения круга покупателей он организовал переводы книг с латыни на итальянский и начал издавать не только классику, но и современных авторов. Всего за годы своей активной деятельности Магнус издал более тысячи наименований книг. Похожая судьба сложилась у другого участника третьей информационной

революции, голландца Кристофа Платтена (1520–1589), создавшего крупнейшую в Европе печатную кампанию, наладившую выпуск иллюстрированных книг массовыми тиражами [см.: 10, с. 239].

Но не всех рядовых печатников ждала судьба Магнуса и Платтена. Дальнейшее развитие печатного дела и большие прибыли привели к формированию социальной группы издателей – владельцев и организаторов печатного дела, сформировав также социальные группы наемных работников: наборщиков, переплетчиков, иллюстраторов, рабочих типографий. Отдельно сформировалась социальная группа авторов – креативных людей, регулярно издающих свои произведения за гонорар.

Революция в книгопечатании оказала влияние и на другие сферы и субсферы общества. В частности, в европейских странах были созданы новые университеты, рассчитанные не на теологические диспуты, а на изучение светских наук. Фактически была создана новая система образования. Именно книгопечатание стояло у начал протестантизма и сделало возможной реформацию церкви. Религиозные споры, которые имели место и до третьей информационной революции, благодаря последней переросли в религиозную революцию – Реформацию, ставшую важной эпохой развития человеческого общества. Не менее важно влияние третьей информационной революции, позволившей публикацию карт и лоций, описаний мореплаваний значительными тиражами, на развитие географии и мореплавания, знаменовавшее эпоху Великих географических открытий.

Четвертая информационная революция началась с изобретения компьютера. Кроме того, она имела одной из главных причин неудовлетворенность руководства крупных коммерческих фирм и государств поставляемыми им учетными данными бухгалтеров, статистов и чиновников. Требовалось не просто увеличение объема и скорости передачи данных, но новая концепция информации. Первой новой концепцией информации (в 1920-х гг.) стал *учет экономических цепочек (economic-chain accounting)*, который позволил проследить издержки по всей экономической цепи от поставщика до конечного потребителя. Около 1980-х годов появился кооперационный учет (*activity-bases accounting*), с помощью которого можно было сосредоточиться не на снижении затрат, а на создании большей стоимости продукции [см.: 11, с. 227–229]. При этом все специалисты по информации стали использовать персональные компьютеры и программирование. Возникли целые информационные системы (ИС) и информационные технологии (ИТ). Появились новые возможности по сбору и организации данных для управления не только отдельными предприятиями и транснациональными корпорациями (ТНК), но и государствами и даже – через систему ООН, в какой-то мере – глобальными проблемами.

Четвертая информационная революция началась в экономической сфере, захватив затем и социальную сферу. Изменения в технологиях вызвали изменения в структуре образования. Уже сегодня во многих странах, в том числе в России, действует система образовательного туризма и система телевизионных образовательных программ. В здравоохранении четвертая

информационная революция приведет к смещению акцентов с лечения болезней и борьбы с эпидемиями на профилактику заболеваний и поддержание физического и психического здоровья людей. Как выразился Дракер, в образовании и здравоохранении акцент в ИТ (информационные технологии) все больше будет смещаться от «Т» к «И» [см.: 11, с. 235].

Четвертая информационная революция, как и предыдущие, также изменила социальную структуру общества, сформировав несколько социальных групп людей, профессионально связанных с производством, продажей, эксплуатацией и обслуживанием новой техники: производителей электронно-вычислительной техники, программного обеспечения и других сопутствующих товаров, продавцов, программистов, ремонтников и т. п. Однако и здесь на лидирующие позиции вышли владельцы фирм, создатели все новых поколений компьютерной техники и организаторы ее массового производства и продажи. Таким образом, массовое использование компьютеров в производстве и в быту не только изменило социальную структуру общества, но и оказало влияние на повседневную жизнь широких масс.

В наше время четвертая информационная революция кроме экономической и социальной распространяется и на все другие сферы общества: политическую, культурную, военную и такие важные субсферы, как финансовая, субсферы отдыха и развлечений, туризма, спорта и т. п. [см.: 12, с. 91–92].

Революционный энтузиазм, основанный на реальной возможности осуществления революций, учитывая огромный перевес революционных сил над контрреволюционными, быстрой смене власти и радикальной ломке социальных и политических институтов, характерный для индустриальной эры, в постиндустриальном обществе существенно уменьшился. Но это не означает, что революции как радикальные формы перестройки общественной жизни совершенно ушли из политического процесса. Революции в постиндустриальном обществе изменили формы проявления, снизили радикализм, перешли из социально-политической в другие сферы и субсферы общества – такие, как технологическая, культурная, коммуникационная и информационная.

Список литературы

1. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Том 7. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 5–110.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
3. Берк Э. Размышления о революции во Франции. – М.: Рудомино, 1993. – 144 с.
4. Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. – М.: РОССПЭН, 1997. – 387 с.
5. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: Издательство АСТ, 1999. – 784 с.
6. Keniston K. Youth and Dissent: The Rise of a New Opposition. – New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971. – 403 p.

7. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. –1997. – № 4. – С. 6–23.

8. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 410–430.

9. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 494–505.

10. Нейсбит Д. Мегатренды. – М.: АСТ, Ермак, 2003. – 380 с.

11. Дракер П. Следующая информационная революция // Информационное общество: экономика, власть, культура. Хрестоматия: в 2-х т. Т. 1. – Новосибирск: НГТУ, 2004. – С. 227–238.

12. Исаев Б. А. Понятие и типология политических режимов // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 3. – С. 88–97.

References

1. Marx K. The Class Struggles in France, 1848 to 1850 [Klassovaya borba vo Frantsii s 1848 po 1850 g.]. K. Marx, F. Engels. Sochineniya. Tom 7 (K. Marx, F. Engels. Works. Vol. 7). Moscow: Gospolitizdat, 1956, pp. 5–110.

2. Durkheim E. Suicide: a Study in Sociology [Samoubiystvo: Sotsiologicheskiiy etyud]. Moscow: Mysl, 1994, 399 p.

3. Burke E. Reflections on the Revolution in France [Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii]. Moscow: Rudomino, 1993, 144 p.

4. Mestre J. de. Considerations on France [Rassuzhdeniya o Frantsii]. Moscow: ROSSPEN, 1997, 387 p.

5. Toffler A. The Third Wave [Tretya volna]. Moscow: Izdatelstvo AST, 1999, 784 p.

6. Keniston K. *Youth and Dissent: The Rise of a New Opposition*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1971, 403 p.

7. Inglehart R. Postmodern: Changing Values and Changing Societies [Postmodern: menyayuschiesya tsennosti i izmenyayuschiesya obschestva]. Polis (Polis. Political Studies), 1997, № 4, pp. 6–23.

8. Touraine A. From Exchange to Communication: The Birth of Programming Society [Ot obmena k kommunikatsii: rozhdenie programmirovannogo obschestva]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* (New Technocratic Wave in the West). Moscow: Progress, 1986, pp. 410–430.

9. Castells M. The Formation of a Society of Network Structures [Stanovlenie obschestva setevykh struktur]. *Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. Antologiya* (New Post-Industrial Wave in the West. Anthology). Moscow: Academia, 1999, pp. 494–505.

10. Naisbitt J. Megatrends [Megatrendy]. Moscow: Izdatelstvo AST; Ermak, 2003, 380 p.

11. Drucker P. Next Information Revolution [Sleduyuschaya informatsionnaya revolyutsiya]. *Informatsionnoe obschestvo: ekonomika, vlast, kultura*.

Khrestomatiya: v 2 t. T. 1 (Information Society: Economy, Power, Culture. Reader. In 2 vol. Vol. 1). Novosibirsk: NGTU, 2004, pp. 227–238.

12. Isaev B. A. The Concept and Typology of Political Regimes [Ponyatie i tipologiya politicheskikh rezhimov]. *Sotsialno-gumanitarnye znaniya* (Social and Humanitarian Knowledge), 2009, № 3, pp. 88–97.

УДК 316.324.8; 116

Самодвижение, управление и концепция диалектики в информационном обществе*

Орлов Сергей Владимирович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

Email: orlov5508@rambler.ru

SPIN: 6519-6360

ORCID: 0000-0002-8505-7852

ResearcherID: AAI-6212-2020

Авторское резюме

Состояние вопроса: Философская концепция развития исторически меняется в ходе эволюции науки и практической трудовой деятельности человека. Крупные изменения, происходящие в современном обществе, закономерно приведут к разработке более глубокого понимания диалектики. Однако в настоящее время задача раскрытия специфики концепции развития в эпоху информационного общества почти не привлекает внимание философов.

Результаты: В информационную эпоху традиционные представления философского материализма о самодвижении материи дополняются пониманием процессов управления как противоположности самодвижения. Управление в природе и обществе достигает высшей ступени развития, когда оно включает в себя механизмы программирования. Соединение концепций самодвижения, управления и программирования позволяет не только лучше раскрыть философский смысл информационных процессов, но и глубже, на новом уровне описать фундаментальные черты материального мира, которые выражают категории материи, сознания, самодвижения и саморазвития.

Выводы: В информационном обществе формируется необходимая эмпирическая база и социальный запрос на углубление классических представлений о диалектике и разработку ее идей и подходов, которые в прошлые эпохи оставались в тени. Изменения в теории развития связаны в первую очередь с осмыслением информации и разнообразных информационных процессов, механизмов самодвижения, управления и программирования, с поиском аналогов и прототипов компьютерных технологий в живой и неживой природе.

Ключевые слова: теория диалектики; информационное общество; самодвижение и саморазвитие; управление; компьютерная программа; программирование.

* © С. В. Орлов, 2020.

Self-Movement, Control and Conception of Dialectics in Information Society

Orlov Sergey Vladimirovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: orlov5508@rambler.ru

Abstract

Background: The philosophical concept of development changes in the course of science evolution and human activity. The major changes taking place in modern society will naturally result in the development of a deeper understanding of dialectics. At present, however, the task of revealing the specifics of the concept of development in the epoch of information society hardly attracts the attention of philosophers.

Results: In the information epoch, the traditional ideas of philosophical materialism about the self-movement of matter are complemented by an understanding of control processes as the opposite of self-movement. Control in nature and management in society reach the highest stage of development when they include programming mechanisms. The unity of the concepts of self-movement, control and programming makes it possible not only to reveal the philosophical meaning of information processes, but also to describe at a new level the fundamental features of the material world, which express the categories of matter, consciousness, self-movement and self-development.

Conclusion: The emergence of information society creates the necessary empirical base and social demand for promoting classical ideas on dialectics and developing its notions and approaches, which remained in the background in the past. They are primarily associated with the comprehension of information and various information processes, mechanisms of self-movement, control, management and programming, the search for analogues and prototypes of computer technology in the spheres of organic and inorganic nature.

Keywords: dialectic theory; Information society; self-movement and self-development; control; management; computer program; programming.

Концепция изменения и развития окружающего мира появилась в европейской философии во времена Гераклита и с тех пор совершенствуется в глубокой взаимосвязи и взаимодействии с наукой и общественной практикой. Логично предположить, что формирование постиндустриального, информационного общества неизбежно приведет к усложнению философской концепции развития, появлению или выходу на передний план каких-то новых ее аспектов. Можно предположить также, что эти новые формы проявления диалектики уже замечены в естествознании, общественных и технических науках и для их глубокого осмысления требуется философская интерпретация и обобщение. Попробуем проанализировать представления о развитии,

формирующиеся в науке информационного общества, и сопоставить их с более ранними, классическими интерпретациями теории диалектики. Само собой разумеется, что в настоящее время возможно обозначить только некоторые существенные аспекты этой проблемы, ее целостное исследование остается пока делом будущего.

Представители различных наук примерно одинаковым образом описывают особенности информационного общества. Для раскрытия механизмов его эволюции важны, в частности, идеи М. Кастельса о перестройке системы общественных отношений на основе сетевых структур [см., напр.: 1, с. 77] и о главном отличии этого типа общества от предыдущих ступеней развития цивилизации: информация становится одновременно сырьем, предметом труда и продуктом труда [см.: 1, с. 77, с. 82]. Видный специалист по теории информации К. К. Колин так характеризовал кардинальные изменения во всех сферах человеческой деятельности: «Эти изменения столь масштабны и глубоки, а их влияние на жизнедеятельность общества столь значительно, что можно вполне обоснованно говорить о формировании на нашей планете принципиально новой информационной среды обитания – *автоматизированной инфосферы*» [2, с. 3]. «Другими словами, информационная революция означает переход общества на использование принципиально новых средств информатики и на качественно новый уровень развития процессов информационного взаимодействия» [2, с. 30]. «В ближайшем будущем информация станет не только результатом труда подавляющего большинства населения нашей планеты, но и объектом этого труда» [2, с. 34]. Последствия подобных изменений информационных процессов для научного познания и для корректировки существующих принципов объяснения мира удачно формулировал известный петербургский специалист в области кибернетики и робототехники М. Б. Игнатъев. «Картина мира в каждую из эпох формируется на основе синтеза всех достижений во всех сферах человеческой деятельности, – отмечал он. – В эпоху расцвета механики сформировался механицизм, в эпоху развития компьютерной техники естественно ожидать формирования компьютеризма. Так называемый реальный мир – это один из миров виртуальных... При описании Вселенной напрашиваются биологические аналогии и самоорганизация с внешним и внутренним управлением. Неклассические науки привнесли в картину мира наблюдателя, постнеклассические – управителя» [3, с. 238]. «Люди в основном пользуются моделями XIX в., когда господствовала механика, а самой распространенной машиной были механические часы с пружинами, колесиками и маятниками. В наше время самая распространенная машина – это компьютер... Компьютер – это не только машина для вычислений и обработки информации, это еще и модель мира. Понимание мировоззренческого значения компьютера еще только начинается» [3, с. 240]. Управитель – это человек, все более сложно и глубоко преобразующий реальность с использованием информационных технологий. Наука, отмечал М. Б. Игнатъев, благодаря компьютерной технике получила возможность перейти от простейших законов природы, открытых во времена механицизма и выражаемых буквально тремя

символами (второй закон Ньютона, закон Ома и т. п.) к раскрытию сложных стохастических закономерностей, действующих в больших многоуровневых системах. Философское осмысление этого усложнения механизмов научного познания будет, с нашей точки зрения, включать в себя углубление и переосмысление ряда фундаментальных философских понятий, раскрытие их глубинной структуры.

Идея *управления*, непосредственно связанная с концепцией информации, еще недостаточно осмыслена на философском уровне. Она не обсуждается в традиционных курсах философии. В общем виде управление определяется, например, как «элемент, функция организмов. систем различной природы (биологических, социальных, технических), обеспечивающая сохранение их определ. структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программы, цели деятельности» [4, с. 704]. Между тем представления об управлении носят не просто математический или кибернетический характер, а имплицитно заложены в содержание фундаментальных философских понятий – таких, как материя и сознание, движение, взаимодействие, самодвижение, саморазвитие. Можно привести аналогию: как отражение, по мнению В. И. Ленина, является всеобщим свойством материи, по существу родственным с ощущением, сознанием, так и управление не возникает в обществе неожиданно и без всяких предпосылок. Некие примитивные, зачаточные и, конечно, бессознательные процессы и формы управления, не содержащие еще ни программы, ни цели деятельности, зарождаются в более простых формах материи. Может быть, их было бы правильнее обозначить особым термином – например, «протоуправление», зачаточное управление и т. п.

Место этих зачаточных форм управления в философской концепции бытия можно определить следующим образом. Важнейший атрибут *материи* – *движение (развитие)* проявляется, в частности, как *взаимодействие*. Одна из сторон взаимодействия оказывает влияние на другую сторону. Таким образом, вторая сторона взаимодействия способна существовать и изменяться либо самостоятельно (это *самодвижение, саморазвитие*), либо под внешним воздействием. Повсеместно встречается такое *внешнее воздействие*, при котором *состояние объекта (системы) существенно изменяется не в результате его самодвижения, обусловленного внутренними факторами, а в зависимости от содержания и состояния другого объекта (другой системы)*. Это воздействие можно, с нашей точки зрения, охарактеризовать как простейшую форму *управления*. С самого начала управление оказывается процессом, противостоящим самодвижению и имеющим свое собственное специфическое содержание. «Процесс, основное содержание которого определяется внутренними детерминантами, в своем результате выступает как самодвижение», – отмечал специалист по концепции самодвижения Ф. Ф. Вяккерев [5, с. 317]. «К тем процессам, основное содержание которых определяют внешние детерминанты», он предлагал применять понятие движения в узком смысле этого слова [там же]. Нам представляется, что в информационную эпоху будет логично рассматривать такие процессы как

управляемые, то есть разворачивающиеся под внешним управлением, а не в результате самодвижения.

Понятие управления не является в данном случае просто «изменением номенклатуры», не затрагивающим смысла философских проблем. Дело в том, что идея управления уже в античной философии широко применялась для разграничения материалистического и идеалистического понимания мира. Платон и Аристотель использовали идею управления не только при описании государства, но и для характеристики отношений между миром вещей и миром идей, материей и формой. У них, у Анаксагора и у ряда более поздних мыслителей духовный мир является источником активности, управляет материальными вещами, которые не обладают самодвижением и поэтому не могут породить то многообразие окружающего мира, которое наблюдается эмпирически. Представление об управлении материальным миром со стороны духовного развивалось далее не только в христианском вероучении, но и в трудах классиков идеалистической философии. Так, Дж. Беркли выражал недоумение: почему материалисты отказываются признавать основой мира дух, «который один может действовать» [6, с. 196]? Неудивительно, что в полемике с идеалистами материалисты нового времени подчеркивали наличие у материи фундаментального свойства – «существенной активности», «самодвижения» [7, с. 110]. «Никакая часть материи, – развивал эту мысль Д. Толанд, – не лишена своей собственной внутренней энергии, хотя всякая часть определяется соседними частями в большей или меньшей степени, смотря по силе своего сопротивления, а эти соседние части модифицируются, в свою очередь, каким-нибудь другим способом, ближайшими к ним» [7, с. 110–111]. Таким образом, уже в XVIII веке философам материалистам становится ясно, что материя в целом находится в процессе самодвижения (учитывая более поздние уточнения – саморазвития), ничем не управляется извне, но в рамках материального мира процессы самодвижения сосуществуют с явлениями внешнего воздействия, то есть управления. В рассуждениях П. А. Гольбаха о возникновении религии прямо критикуются представления, что природа «должна быть сама разумной или управляться разумной причиной», «для которой человек был и будет всегда образцом» [8, с. 45]. На самом же деле такой внешней управляющей причины нет, мир существует по своим собственным законам, и даже человек своей деятельностью не может изменить этот порядок: «...у человека нет никаких оснований считать себя каким-то привилегированным существом природы; он испытывает те же изменения, что и все другие произведения её» [8, с. 56].

Можно заметить, что в результате жесткой полемики с идеалистическим направлением философии материалисты разрабатывали прежде всего идею самодвижения материи, а вся концепция управления в целом в результате отказа от утверждения об управляющем воздействии духовной субстанции на материальный мир стала рассматриваться как нечто менее существенное, не заслуживающее специального исследования. Такая недооценка внешнего воздействия и управления в процессах развития сохранялась в традициях советской философской мысли даже в конце XX века. Так, в фундаментальном труде «Материалистическая диалектика. В 5-ти т.» отмечается: «В принципе

возможен такой тип развития (например, процесс, ведущий к повышению уровня организации), который определяется преимущественно внешними детерминантами» [5, с. 317]. Однако подробного анализа механизмов развития путем внешнего воздействия, внешнего управления обычно не пытались дать – этот тип материальных процессов оставался на периферии внимания философии вплоть до эпохи информационного общества.

Механизмы развития, формирующиеся в процессах управления, начали привлекать к себе внимание ученых в первой половине XIX века. В 1834 г. Андре Мари Ампер в работе «Опыт философских наук или аналитическое изложение естественной классификации всех человеческих знаний» предсказал возникновение в будущем особой науки об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах. Эту науку будущего он назвал «кибернетика». Десятилетием позже в концепции материалистического понимания общества по существу закладывается философский фундамент трактовки развития как внешнего управления.

По-видимому, общей философской основой объяснения природы управления стало раскрытие сущности человеческого труда. Сначала Поль Анри Гольбах понимал человека как часть природы, отмечая, «что человек, подобно прочим существам, есть продукт природы, похожий на них в некоторых отношениях и подчиняющийся тем же законам, что и они, но отличающийся от них в других отношениях и подчиняющийся сверх того специальным законам, вытекающим из различия его строения» [8, с. 52]. Согласно Гольбаху, люди в обществе способны «доставлять» другим предметы, в которых те нуждаются, и благодаря этому получать помощь в удовлетворении своих собственных потребностей [8, с. 192]. Спустя несколько десятилетий Г. В. Ф. Гегель гораздо точнее проясняет смысл этих «специальных законов» и способов «доставлять» другим людям необходимые им предметы: «...человек в своем потреблении имеет отношение преимущественно к произведениям *людей* и он потребляет именно такие человеческие усилия... Человеческий пот и человеческий труд добывают для человека средства удовлетворения его потребностей» [9, с. 222]. Наконец, Карл Маркс, развивая идеи трудовой теории стоимости, рассматривает труд как универсальную деятельность человека, основу всей общественной жизни, материальный «процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [10, с. 188]. В рамках материалистической концепции общества становится ясно: развитие цивилизации необходимо включает в себя управленческие воздействия на природу. Следовательно, среди специфических законов социальной формы материи могут существовать особые законы управления, которые конкретизируют общие, универсальные законы развития. В применении к самому обществу необходимость научно обоснованного управления была убедительно показана теоретиками менеджмента конца XIX – начала XX века. Современный российский исследователь достаточно удачно лаконично формулирует их кредо: «Именно он, человек, – единственный создатель законов и механизмов управления, и только с их помощью можно

упорядочить этот мир и придать ему необходимую человеку организованность» [11, с. 30].

Не требует особых доказательств признание Чарльзом Дарвином управляющего воздействия на биологический вид большого набора биогенных и абиогенных факторов. Споры о степени влияния на эволюцию внешних и внутренних условий породили, как известно, такую концепцию, как номогенез (Л. С. Берг).

Большой класс внешних воздействий, изменяющих природные и социальные процессы на Земле, был открыт А. Л. Чижевским, который на эмпирическом материале показал реальное управляющее воздействие на общество изменений, происходящих на Солнце. В известной работе «Земное эхо солнечных бурь» он делал вывод: «Нет, и человек и микроб – существа не только земные, но и космические, связанные всей своей биологией, всеми молекулами, всеми частицами своих тел с космосом, с его лучами, потоками и полями» [12, с. 331].

С развитием как управлением вплотную столкнулся В. И. Вернадский при разработке концепций биосферы и ноосферы. Новизна этой области исследования заключалась, помимо всего прочего, в том, что ученым пришлось иметь дело, конечно, не со сверхъестественными силами, управляющими природой или отдельными ее областями, но и не с ее собственным самодвижением или саморазвитием. В. И. Вернадский неоднократно фиксирует, что процессы изменения в природе или ее отдельных сферах идут не по схеме самодвижения через развертывание и разрешение внутренних противоречий, а через управление. В этих случаях последовательность процессов в системе развивается не по собственной внутренней логике, а под внешним воздействием других систем и процессов, часто отличающихся по уровню сложности и по характеру проявляющихся в них законов. Так, если «химический состав живых естественных тел является функцией их собственных свойств», то *«химический состав косных естественных тел является функцией свойств окружающей среды, в которой они создаются»* [13, с. 545]. «Лик планеты – биосфера – химически резко меняется человеком сознательно, и главным образом бессознательно. Меняется человеком физически и химически воздушная оболочка суши, все ее природные воды» [13, с. 550]. Вернадский неоднократно отмечал, что ноосфера создается не просто как какая-то сфера мысли – ее целенаправленное формирование является материальным трудовым процессом, приносящим нечто новое как в природу, так и в общество: «Мне кажется, что начавшееся создание ноосферы человеческой мыслью и трудом меняет всю обстановку его истории, не позволяет просто сравнивать прошлое с настоящим, как это было допустимо раньше» [14, с. 33]. «На наших глазах биосфера резко меняется. И едва ли может быть сомнение в том, что проявляющаяся этим путем ее перестройка научной мыслью через организованный человеческий труд не есть случайное явление. Его корни лежат глубоко и подготавливались эволюционным процессом, длительность которого исчисляется сотнями миллионов лет» [14, с. 19]. Помимо идеи, предвосхищающей антропный принцип, ученый высказывает

здесь важную для нашей темы мысль: с эволюцией природы, а потом человека и человеческого труда отношение управления усложняется и его роль в развитии материального мира возрастает.

Крупнейшей революцией в понимании управления стало создание *технологий программного управления, программирования*, использующего компьютерную технику. Оно породило новый подход к механизмам саморазвития и управления в природе, который М. Б. Игнатъев назвал компьютеризмом (см. выше). Логично возникает вопрос: являются ли компьютерные программы от начала и до конца изобретением человека, или же в природных процессах уже существовал какой-то их более простой прообраз – некое бессознательное программирование, то есть развитие, управляемое естественно возникающей программой?

Самым очевидным природным аналогом компьютерной программы является *генетический код*. Наука о наследственности к настоящему времени подробно исследовала закономерности его функционирования и показала его способность передавать информацию и управлять развитием организма – функции, во многом похожие на функции компьютерной программы, управляющей процессами материального производства. Простое и очевидное отличие генетического кода от компьютерной программы состоит в том, что он возникает естественным путем с появлением биологической формы материи и существует объективно, независимо от сознания и без вмешательства человека. Работу генетического кода можно было бы назвать *естественным программированием*. Попытки религии и идеалистической философии обосновать сверхъестественное, внеприродное происхождение генетического кода являются сейчас, образно говоря, одним из участков фронта полемики материализма и идеализма. Интересно отметить: как человеческий труд стал принципиально новым механизмом развития материи, так и искусственное, созданное человеком компьютерное программирование сильно отличается от стихийно сформировавшегося в природе. В то же время оба эти способа развития имеют глубокое сходство. Химические субстраты, достигнув наивысшего для химии уровня сложности (открытые каталитические системы) [см.: 15, с. 227] уже не могут больше усложняться на основе старых, химических механизмов, и над химической формой материи надстраивается биологическая, развивающаяся путем матричного копирования, происходящего по определенной программе. Аналогичным образом при возникновении социальной формы материи трудовая деятельность человека потребовала создания еще более сложной, идеальной мысленной программы, материализующейся в эпоху информационного общества через компьютерное программирование.

Открытие механизмов развития через управление и естественное программирование (генетический код) стало крупной вехой в истории биологии, позволившей объяснить ранее непонятные проявления жизни – например, ставившие в тупик Ч. Дарвина сцепленное наследование и так называемый «кошмар Дженкина». Их объяснение было дано только благодаря внедрению в биологию новой парадигмы – описания биологической эволюции

с помощью учения о наследственности. Оно предполагало действие естественной программы и управление сборкой молекул белка со стороны носителей этой наследственной программы (нуклеиновых кислот). «Попытки сформулировать законы наследственности помимо Менделя и менделизма оставались бесплодными», – констатирует известный российский генетик С. Г. Инге-Вечтомов [16, с. 547]. Появление в живом веществе объективно существующего механизма программирования приводит к тому, что развитие жизни не удается адекватно описать без сознательной фиксации и исследования этого механизма. Разум не создает и не корректирует, а только открывает механизмы развития природы, и не может объяснять явления в обход этих законов, до их открытия.

Современное компьютерное программирование почти полностью опирается на физические приборы и очень мало пока использует химические, биологические или социальные процессы. Его развитие закономерно порождает следующий вопрос: не существует ли каких-то природных механизмов программирования и в добиологических формах материи – в физической и химической? Ведь абстрактно можно, например, предположить, что сам Большой Взрыв был результатом действия какой-то гипотетической программы. Эта мысль давно высказывается как западными фантастами, так и учеными. Профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего Яннис Папаконстантину пишет: «Попытаемся представить себе, каково наше место в этом космосе. Мы можем быть на пути к превращению в божественную силу благодаря развитию наших недавно открытых компьютерных технологий. Или мы можем уже существовать в мыслях и вычислениях мирового суперкомпьютера, как предположил Айзек Азимов. Или имеет место то и другое одновременно. Не важно, какой точки зрения мы придерживаемся – запомним слова великого провидца Кларка: *Истина окажется гораздо удивительней*» [17, с. 38]. Раскрывая идею компьютеризма, М. Б. Игнатъев так формулирует проблему: «Существует несколько гипотез относительно устройства нашего мира. Одна из них – наш мир конечен и все сценарии его развития записаны в памяти сверхкомпьютера Вселенной. Тогда для того чтобы предсказать будущее событие, нужно получить доступ к этой памяти, и некоторым – пророкам – это удается» [3, с. 238].

На первый взгляд, мировой суперкомпьютер напоминает идею бога, создающего Вселенную и управляющего ею не с помощью святого духа, а посредством информационных технологий. Проще всего увидеть в такой постановке проблемы новый виток противостояния науки и религии, материализма и идеализма. Действительно, религия и церковь стараются давать свои интерпретации всех крупных научных открытий. Так, в свое время Папа Римский в одной из энциклик отмечал, что теория Большого Взрыва хорошо подтверждает христианскую концепцию креационизма, поскольку развертывание всей Метагалактики из небольшого (даже по земным масштабам) облачка материи – это и есть сотворение мира практически из ничего. Тем не менее нельзя исключить, что в развитии космических объектов действительно обнаружатся какие-то формы бессознательного

программирования, имеющие нечто общее с работой искусственно созданных информационных систем. Они потребуют серьезного научного исследования, а не просто религиозных интерпретаций и абстрактных предположений. Мы не обсуждаем в данной работе полемику между наукой и религией, но считаем важным сосредоточиться на чисто научной, философской проблеме: *не требуют ли современные технологии управления и программирования постановки неких новых проблем теории развития, какой-то модификации и уточнения традиционного содержания диалектики?* Представляется, что современная философия – философия информационного общества – должна будет ответить на этот вопрос утвердительно.

Попытаемся сформулировать некоторые новые идеи, возникающие в теории развития в результате исследования явлений самодвижения, управления и программирования.

1. *Взаимодействие материального и духовного в процессах человеческой деятельности.*

В классическом марксизме, а затем в российской философии советского периода взаимодействие материального и духовного было раскрыто достаточно подробно. В процессе познания происходит распредмечивание, при котором свойства и характеристики материальных объектов становятся компонентами человеческого знания, отражаются в нашем сознании. В трудовой деятельности происходит опредмечивание наших мысленных образов, то есть человек пытается в материальной практической деятельности с помощью орудий труда воплотить свои замыслы в предметы реального мира, которые существуют и будут дальше существовать по законам природы. В информационном обществе диалектика опредмечивания и распредмечивания не «отменяется», но значительно усложняется. Между человеком и миром вещей теперь оказываются не только традиционные орудия труда и машинная техника индустриальной эпохи, но и новый компонент, требующий специального философского осмысления – виртуальная компьютерная реальность. Она существует на материальном субстрате специальной вычислительной техники и состоит из компьютерных программ и контента файлов. Эту реальность относят или к материальной, или к духовной, или к особому – не материальному и не духовному – типу реальности. Ранее мы пытались обосновать точку зрения, что виртуальная реальность – это особая, качественно новая область объективной реальности, обладающая специальными свойствами (квазиидеальность и квазисубъективность), которые делают виртуальную реальность внешне похожей на реальность субъективную. Тем самым усложняется и совершенствуется взаимодействие объективной и субъективной реальности [см., например: 18, с. 12–25]. Теперь процесс опредмечивания идеальных образов включает в себя дополнительную переходную ступень: их материализация происходит сначала на особой материальной модели – в компьютерных продуктах (прежде всего, программах, контенте файлов), а уже потом, через этого посредника, воздействует на классическую, «традиционную», предметную объективную реальность. Компьютерная виртуальная реальность – это специфическая часть объективной реальности,

которая строится как бы «на матрице» реальности субъективной, похожа на последнюю больше, чем любая другая сфера объективного мира и поэтому совершенствует взаимодействие двух реальностей, делая разрешимыми новые классы задач, которые были ранее недоступны более примитивному человеческому труду эпохи индустриального общества. Можно показать подробнее, что объективная и субъективная реальность не должны теперь рассматриваться как два противоположных друг другу монолита: в них выделяются особые области, или зоны, которые находятся между собой в сложных, разнообразных и, главное, не одинаковых отношениях.

2. Взаимосвязь материального и идеального в информационных процессах вообще, в управлении и программировании – в частности.

Концепции информации, управления, программирования пока слабо увязаны с фундаментальными философскими концепциями материи, развития, человека. Достаточно широко распространены спорные концепции, согласно которым информация – это нематериальное явление [см., например: 19, с. 5; 20, с. 142], а даже в процессах простейшего механического отражения информация преобразуется таким образом, что происходит переход материального в идеальное и обратно [см.: 21, с. 142]. Этот подход нуждается в более глубоком анализе, так как исследование информационных технологий убедительно показывает: ни в процессоре компьютера, ни на жестком диске, ни на флэшке не замечено никаких психических процессов, духовных явлений. Тем более идеальное не может возникать во взаимодействии простых физических объектов. (Мы не рассматриваем тут концепцию Э. В. Ильенкова, которая, вопреки представлениям психологии и физиологии высшей нервной деятельности, допускает существование идеального вне человеческого мозга и, конечно, может быть отдельно рассмотрена и переосмыслена с учетом опыта современных информационных технологий). Связь материального и идеального в информационных процессах гораздо более сложная и опосредованная.

Представляется достаточно важным также философский вопрос: компьютерная программа – явление материальное или идеальное? В распространенных определениях программы указываются и те, другие ее черты. Так, в Интернете дается популярная характеристика: **«Компьютерная программа — это последовательность инструкций, которая предназначена для исполнения вычислительной машиной. Образ программы, чаще всего, хранится в памяти машины (например, на диске) как исполняемый модуль (один или несколько файлов). Из образа на диске с помощью специального программного загрузчика может быть построена исполняемая программа уже в оперативной памяти машины»** [22]. В программе, таким образом, выделяется сконструированное человеком духовное содержание (последовательность инструкций) и форма его материального воплощения – запись на диске (в том числе съёмном) и совокупность команд, введенных в оперативную память компьютера. Определяя программу как объект авторского права, Гражданский кодекс РФ (гл. 70, ст. 1261) акцентирует внимание на объективной, то есть материальной форме ее существования: «Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и

команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определённого результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения» [23].

При сопоставлении компьютерной программы с фундаментальными понятиями философии следует прежде всего отметить: на разных этапах разработки и функционирования она меняет свою природу. *На первом этапе*, в виде замысла и мысленных образов в человеческой голове, всякая программа является набором идеальных образов, понятий, и поэтому по своей форме всецело идеальна (хотя по содержанию, как известно, любая истинная мысль отражает черты объективного мира). *На втором этапе* программа записывается на бумаге с помощью языков программирования. С точки зрения соотношения материального и идеального, объективного и субъективного, это уже первый, но еще не окончательный этап материализации программы. С одной стороны, она является записью с помощью материальных знаков (объективная форма) и безусловно может служить объектом авторского права наравне с книгой, нотами музыкального произведения и т. п. С другой стороны, материализация программы еще не завершена. Как и книга, программа несет информацию, которая может быть считана, декодирована и понята познающим субъектом. Материализация знаний в форме книги на этом заканчивается. Книга никак не может непосредственно повлиять, например, на технологический процесс материального производства – для этого нужен человек, который прочитает ее и использует полученную информацию в своей материальной трудовой деятельности. Запись программы на бумаге тоже еще не может участвовать в технологических процессах, но она способна перейти на следующий уровень материализации. *На третьем этапе* программа записывается в память и операционную систему компьютера и приобретает новую способность, которой не могло быть у книжного текста – непосредственно управлять процессом материального производства. Она становится действующей, объективно существующей технической системой (приспособлением). Такое понимание компьютерной программы представляется возможным интерпретировать как современную форму реализации отмеченной Карлом Марксом тенденции – знание, наука превращается в непосредственную производительную силу. В автоматизированных технологических процессах программа действует как своеобразный микроскопический материальный инструмент, в чем-то похожий на молоток, пилу, плоскогубцы и т. п. Магнитные диполи, носители информации, и электромагнитные поля по законам физики через компьютер воздействуют на рабочую машину, а через нее – непосредственно на предмет труда. Никаких духовных процессов тут уже не протекает. Наконец, *на четвертом этапе* процесс опредмечивания человеческих планов и идеальных образов завершается. Предмет труда в случае успешного завершения всего процесса принимает ту форму, которую запланировал человек. Теперь содержание компьютерной программы материализовано в продукте труда, хотя ни грамма ее информации в этом продукте найти нельзя – точно так же, как в

товаре, по выражению К. Маркса, нельзя найти ни грамма стоимости. Исходя из концепции Э. В. Ильенкова можно, конечно, попытаться интерпретировать идеальное не как свойство мозга, а «как аспект культуры, как ее измерение, определенность, свойство» [24, с. 266], однако нам, как и многим исследователям феномена идеального, представляется, что такой подход размывает грань между материальным и идеальным, только препятствуя раскрытию их реальной диалектики.

Компьютерная программа, таким образом – это особая создаваемая человеком реальность, в которой сложно сочетаются, взаимодействуют и переходят друг в друга материальные и духовные явления.

3. *Усложнение диалектики вещи, свойства и отношения в информационную эпоху.*

Трудности возникают не только при описании диалектики материального и идеального в управлении, информации, компьютерной программе. Не до конца ясен сам онтологический статус этих явлений. Так, необходимо уточнить, что такое информация или программа – вещь, явление, процесс, свойство, отношение или что-то еще?

Рассмотрим подробнее феномен компьютерной программы. Как мы показали, на разных этапах функционирования в ней по-разному сочетается материальное и идеальное содержание. Становится ли материализованная программа вещью? Очевидно – нет, так как вещи, на которых она обычно записывается – магнитные диполи или знаки специального языка – являются не самой программой, а только ее носителем. На одну и ту же флэшку можно записать разные файлы и программы. Можно ли считать программу отношением? Видимо, тоже нельзя. Она скорее проявляется в отношении. Программа, с нашей точки зрения, существует, передается и функционирует как *свойство*. Передача программы с одного носителя на другой – это передача свойств одного материального субстрата другому. Носитель информации (вещь) при записи программы приобретает новые свойства, которые она проявляет в отношении с другими вещами. Это свойство состоит в хранении информации, кодирующей знания, в структурировании ее и структурном анализе (насколько анализ возможен без сознания и понимания содержания), в способности передавать на рабочую машину информацию в виде пакета команд, управляющих процессами материального производства. Тут обнаруживается важное сходство компьютерной программы (а, следовательно, содержащейся в ней информации, контента файлов) с человеческим сознанием, идеальным, психикой. Согласно представлениям современной науки, психика, идеальное – это не предмет, не вещь (вещи), а особое *свойство*, принадлежащее высокоорганизованной материи. Следовательно, и компьютерная программа с содержащейся в ней информацией, и психика, идеальное – *свойства* материальной субстанции. Важное направление исследования искусственного интеллекта, участвующего в процессах управления и программирования – это, видимо, сопоставление его как свойства материальных субстратов с сознанием, идеальным, психикой как более сложным свойством более сложных материальных субстратов. Современная искусственно созданная компьютерная

программа обладает интересным свойством, в каком-то смысле нарушающим закон необходимого разнообразия У. Эшби. Физические процессы, которые заведомо проще химических, биологических и социальных явлений, могут адекватно выражать без потери качества, записывать в виде текста состояния и законы поведения качественно более сложных систем. Объяснение этому в общем виде, вероятно, состоит в том, что содержание информации, записанной в памяти компьютера в виде файлов, ни в какой мере не задается физическими частицами, а закладывается в физическую систему человеческим сознанием, то есть социальной формой материи. Субстрат носителя информации иногда предлагают характеризовать как новый, искусственно созданный тип материальных объектов – «абстрактные материальные структуры» [25, с. 223]. Современная форма компьютерного труда превращается в производство особых необычных объектов – абстрактных материальных структур, способных записывать информацию о любых познанных человеком явлениях материального мира. В случае использования в процессах материального производства абстрактные материальные структуры могут быть запрограммированы и наделены свойствами, позволяющими управлять технологическими процессами. Интересно, что в экономике информационного общества переход от ведущей роли производства товаров к ведущей роли сектора услуг тоже связан с глобальной переориентацией на изменение не вещей, а свойств: если товары – это прежде всего вещи, то услуги – это в основном деятельность по изменению и восстановлению свойств вещей (хотя понятно, что вещи и свойства неразрывны и всегда взаимодействуют). Таким образом, в условиях информационного общества не только в теории, но и в материальном производстве возникают новые, более сложные формы проявления диалектики вещи, свойства и отношения.

4. Управление, программирование и конкретно-всеобщая концепция развития.

Как было показано в российской философии советского периода, в частности – в работах школы научной философии Пермского университета, в теории диалектики существует особый глубинный слой, пласт или подход – так называемая конкретно-всеобщая концепция развития [см., например: 26; 27; 28]. Она опирается на идеи Гегеля, Ф. Энгельса и ряда известных российских философов (Б. М. Кедров [см.: 29], А. А. Бутаков [см.: 30]), однако не была в полной мере оценена российской философской мыслью XX века и не входила в учебники философии. Между тем в приведенных работах достаточно убедительно показано, что уровню современной науки соответствует именно такая, углубленная трактовка теории развития.

В рамках конкретно-всеобщей концепции диалектики уже со времен Гегеля началось исследование закономерностей, описывающих взаимосвязь низших и высших форм материи в процессах развития. Сейчас предлагается выделять пять таких закономерностей: *возникновения* высшего из низшего, *включения* низшего в высшее, *сохранения* низшего в виде *среды* высшего, *подчинения* низшего высшему, *интегральной природы* (качества, сущности) высшего [см., например: 28, с. 178]. В материальном мире по определенным

законам происходит взаимодействие процессов управления, протекающих в высших и низших формах материи, и взаимодействие организующих эти процессы программ. С использованием этой концепции развития в начальный период информационной эпохи философы выделили два главных способа построения системы власти и управления в обществе: *слабо иерархизированная система* с движением информации снизу и команд сверху, и *хорошо иерархизированная система* с распределением полномочий между всеми уровнями организации [см.: 31]. Политическая власть и политическая борьба в любом обществе строится вокруг проблемы выработки конкретной эффективной модели сочетания этих принципов управления. Модель эта зависит от множества обстоятельств и постоянно корректируется. Так, в текущем 2020 году во время пандемии коронавируса Президент Российской Федерации специально объявил о делегировании большого объема полномочий по борьбе с пандемией субъектам федерации. Всевозможные комментарии о политических мотивировках такого шага (которые мы в данной статье не обсуждаем) не меняют сути дела: реально возникла ситуация, при которой жесткий контроль из центра становится неэффективным и успешное решение управленческих задач требует перераспределения полномочий между центральными и местными органами власти.

Развитие информационного общества привело к обнаружению еще одного фундаментального принципа организации системы власти и управления – *сетевой структуры* [см., например: 32]. Этот принцип широко применяется в информационном обществе. М. Кастельс (см. выше) подробно описал механизмы функционирования сетей и новые возможности программирования и управления, которые они предоставляют. Они позволяют также внедрять методы управления материальным производством, научно-исследовательской и общественной деятельностью, связанные с технологиями программирования – это инсорсинг, аутсорсинг, краудсорсинг и ноосорсинг [см.: 33, с. 76].

Наконец, конкретно-всеобщую концепцию развития по существу начал применять В. И. Вернадский при описании биосферы и ноосферы. В сложных социоприродных системах в полной мере проявляются не только традиционные законы диалектики, но и закономерности конкретно-всеобщей концепции развития. Это стало особенно заметно в эпоху компьютерного программирования. Специфика взаимодействия природных систем в биосфере состоит в том, что постоянно возникают управляющие и программирующие воздействия между объектами разных уровней сложности, относящихся к физической и химической (косное вещество, по Вернадскому) и биологической (живое вещество) формами материи. Эти связи отличаются от взаимодействий между объектами одного и того же уровня сложности. В ноосфере к ним добавляются еще взаимодействия с социальной формой материи, которые в настоящее время часто организуются человеком на основе методик программного управления. Одна из закономерностей взаимодействия низшего и высшего – объединяющая, интегрирующая роль высшего, наиболее сложного уровня организации. Поэтому управление ноосферой способна эффективно осуществлять только самая сложная, социальная форма материи – человек.

Природные формы материи не вырабатывают механизмов выхода, например, из экологического кризиса – возможности их саморегуляции в условиях техногенной цивилизации ограничены и могут быть расширены, принципиально перестроены только методами и технологиями, создаваемыми высшей формой материи – обществом. На данный факт обращал внимание В. И. Вернадский. По этой же причине представляется, что ключ к решению экологических проблем содержит в себе все же не теория биосферы и ноосферы, а теория информационного общества. Только общество с его социальной структурой и технологиями способно организовать планомерный выход из ситуации глобального экологического кризиса, управляя более простыми формами материи.

В итоге можно сделать вывод о достаточно тесной связи философской концепции развития с наукой и культурой своей эпохи. В советский период теория диалектики обычно излагалась на сравнительно простом, традиционном уровне как совокупность принципов, законов и категорий. Во второй половине XX века на основе подходов классиков диалектики стал активнее развиваться конкретно-всеобщий вариант теории развития, полнее отражавший проблемы и уровень зрелости науки этого периода. Наконец, возникновение информационного общества создает необходимую эмпирическую базу и социальный запрос на углубление классических представлений о диалектике и разработку ее идей и подходов, которые в прошлые эпохи оставались в тени. Они связаны в первую очередь с осмыслением информации и разнообразных информационных процессов, механизмов самодвижения, управления и программирования, с поиском аналогов компьютерных технологий в живой и неживой природе. Формирование философии информационного общества неизбежно приведет к новому взгляду на традиционный круг философских проблем.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
2. Колин К. К. Социальная информатика: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект; М.: Фонд «Мир», 2003. – 432 с.
3. Игнатъев М. Б. Кибернетическая картина мира: учебное пособие. – СПб.: ГУАП, 2010. – 416 с.
4. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
5. Материалистическая диалектика. В 5 т. Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова; отв. ред. Ф. Ф. Вязкерева. – М.: Мысль, 1981. – 374 с.
6. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания // Беркли Дж. Сочинения. Сост., общ. ред. и вступит. Статья И. С. Нарского. – М.: Мысль, 1978. – С. 149–247.
7. Толанд Д. Письма к Серене // Толанд Д. Избранные сочинения. – М.-Л.: Госиздат, 1927. – С. 1–134.

8. Гольбах П. Система природы. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 456 с.
9. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VII. Философия права. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 380 с.
10. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – 908 с.
11. Богачек И. А. Философия управления: Очерки профессионального управленца. – СПб.: Наука, 1999. – 232 с.
12. Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. Изд. 2-е. Предисловие О. Г. Газенко. – М.: Мысль, 1976. – 367 с.
13. Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. – М.: Наука, 1994. – 672 с.
14. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. II. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1977. – 192 с.
15. Руденко А. П. Теория саморазвития открытых каталитических систем. – М.: МГУ, 1969. – 276 с.
16. Инге-Вечтомов С. Г. Генетика с основами селекции: учебник для студентов высших учебных заведений – 2-е издание, перераб. и доп. – СПб.: Н-Л, 2010. – 720 с.
17. Papakonstantinou Y. Created Computed Universe // Communications of the ACM. – June 2015. – Vol. 58. – No. 6. – Pp. 36–38. DOI:10.1145/2667217.
18. Орлов С. В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2016. – № 1. – С. 12–25. URL: <http://fikio.ru/?p=2056> (дата обращения 01.02.2020).
19. Лукин В. М. Может ли материализм объяснить сущность информационного общества? // Проблема материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / Отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 4–10.
20. История информатики и философия информационной реальности: Учеб. пособие для вузов / Под ред. чл.-корр. РАН Р. М. Юсупова, проф. В. П. Котенко. – М.: Академический проект, 2007. – 429 с.
21. Колин К. К. Философия информации и структура реальности: концепция «четырёх миров» // Информационное общество. – 2013. – № 2. – С. 136–147.
22. Что такое компьютерная программа // Полезности для вебмастеров и не только. – URL: http://xbb.uz/soft/Chto_takoe_kompjuternaja_programma (дата обращения 01.02.2020).
23. Гражданский кодекс РФ. Глава 70 // Викитека – свободная библиотека. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РФ/Глава_70#Статья_1261._Программы_для_ЭВМ (дата обращения 01.02.2020).
24. Ильенков Э. В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

25. Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: ПГУ, 2005. – 264 с.
26. Орлов В. В. Материя, развитие, человек. – Пермь: ПГУ, 1974. – 397 с.
27. Философский материализм и современность/ Под ред. В. В. Орлова. – Красноярск: КГУ, 1986. – 224 с.
28. Орлов В. В. Проблема системы категорий философии: монография. – Пермь: ПГУ, 2012. – 262 с.
29. Кедров Б. М. Энгельс и диалектика естествознания. – М.: Политиздат, 1970. – 471 с.
30. Бутаков А. А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1974. – 264 с.
31. Развитие, предвидение, планирование. Межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Пермский университет, 1984. – 164 с.
32. Власть и общество в России XVIII – начала XXI вв.: История и современность: монография / Под общ. Ред. Л. Ю. Гусмана, И. А. Тропова. – СПб.: ГУАП, 2011. – 168 с.
33. Рождение коллективного разума: О новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. Великая трансформация третьего тысячелетия. / Под ред. Б. Б. Славина. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 288 с.

References

1. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture [*Informatsionnaya epokha: ekonomika, obschestvo i kultura*]. Moscow: GU VShE, 2000, 608 p.
2. Kolin K. K. Social Informatics: Textbook for Universities [*Sotsialnaya informatika: Uchebnoe posobie dlya vuzov*]. Moscow: Academic Project; Moscow: The Mir Foundation, 2003, 432 p.
3. Ignatiev M. B. Cybernetic Picture of the World: Textbook [*Kiberneticheskaya kartina mira: uchebnoe Posobie*]. Saint Petersburg: GUAP, 2010, 416 p.
4. Philosophic Encyclopedic Dictionary [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983, 840 p.
5. Konstantinov F. V., Marakhov V. G. (Eds.) Materialist Dialectics. In 5 vol. Vol. 1. Objective Dialectics [*Materialisticheskaya dialektika. V 5 t. T. 1. Obektivnaya dialektika*]. Moscow: Mysl, 1981, 374 p.
6. Berkeley J. A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge [Traktat o printsipakh chelovecheskogo znaniya]. *Sochineniya* (Works). Moscow: Mysl, 1978, pp. 149–247.
7. Toland J. Letters to Serena [Pisma k Serene]. *Izbrannyye sochineniya* (Selected Works). Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1927, pp. 1–134.
8. Holbach P. The System of Nature [*Sistema prirody*]. Moscow: Sotsekgiz, 1940, 456 p.
9. Hegel G. V. F. Works. Vol. VII. Elements of the Philosophy of Right [*Sochineniya. T. VII. Filosofiya prava*]. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz, 1934, 380 p.

10. Marx K. Capital. Vol. 1 [Kapital. T. 1.]. Marks K., Engels F. *Sochineniya. 2-e izd. T. 23* (Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 23). Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, 908 p.

11. Bogachek I. A. Management Philosophy: Essays on a Professional Manager [*Filosofiya upravleniya: Ocherki professionalnogo upravleniya*]. St. Petersburg: Nauka, 1999, 232 p.

12. Chizhevsky A. L. The Terrestrial Echo of Solar Storms [*Zemnoe ekho solnechnykh bur*]. Moscow: Mysl, 1976, 367 p.

13. Vernadsky V. I. Living Matter and Biosphere [*Zhivoe veschestvo i biosfera*]. Moscow: Nauka, 1994, 672 p.

14. Vernadsky V. I. Reflections of a Naturalist. Book II. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon [*Razmyshleniya naturalista. Kn.II. Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie*]. Moscow: Nauka, 1977, 192 p.

15. Rudenko A. P. The Theory of Self-Development of Open Catalytic Systems [*Teoriya samorazvitiya otkrytykh kataliticheskikh system*]. Moscow: MGU, 1969, 276 p.

16. Inge-Vechtomov S. G. Genetics with the Basics of Selection: A Textbook for Students of Higher Educational Institutions [*Genetika s osnovami seleksii: uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy*]. St. Petersburg: N-L, 2010, 720 p.

17. Papakonstantinin Y. Created Computed Universe. *Communications of the ACM*, June 2015, vol. 58, no. 6, pp. 36–38. DOI: 10.1145 / 2667217.

18. Orlov S. V. Virtual Reality as an Artificially Created Form of Matter: Structure and Basic Laws of Development [*Virtualnaya realnost kak iskusstvenno sozdannaya forma materii: struktura i osnovnye zakonomernosti razvitiya*]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2016, no. 1, pp. 12–25. Available at: <http://fikio.ru/?p=2056> (accessed 01 February 2020).

19. Lukin V. M. Can Materialism Explain the Essence of the Information Society? [Mozhet li materializm obyasnit suschnost informatsionnogo obschestva?]. *Problema materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (The Problem of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Professor of St. Petersburg State University P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SPbGU, 2008, pp. 4–10.

20. Yusupov R. M., Kotenko V. P. (Eds.) The History of Computer Science and the Philosophy of Information Reality: Textbook [*Istoriya informatiki i filosofiya informatsionnoy realnosti: Uchebnoe Posobie dlya vuzov*]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2007, 429 p.

21. Colin K. K. Philosophy of Information and the Structure of Reality: The Concept of “Four Worlds” [*Filosofiya informatsii i struktura realnosti: kontseptsiya “chetyrekh mirov”*]. *Informatsionnoe obschestvo* (Information Society), 2013, no. 2, pp. 136–147.

22. What Is a Computer Programme [*Chto takoe kompyuternaya programma*]. Available at: http://xbb.uz/soft/Chto_takoe_kompjuternaja_programma (accessed 01 February 2020).

23. Civil Code of the Russian Federation. Chapter 70 [Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Glava 70]. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/Гражданский_кодекс_РФ/Глава_70#Статья_1261.Программы_для_ЭВМ (accessed 01 February 2020).

24. Ilyenkov E. V. Philosophy and Culture [*Filosofiya i kultura*]. Moscow: Politizdat, 1991, 464 p.

25. Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: PGU, 2005, 264 p.

26. Orlov V. V. Matter, Development, Man. [*Materiya, razvitie, chelovek*]. Perm: PGU, 1974, 397 p.

27. Orlov V. V. (Ed.) Philosophical Materialism and Modernity. [*Filosofskiy materializm i sovremennost*]. Krasnoyarsk: KGU, 1986, 224 p.

28. Orlov V. V. The Problem of the System of Categories of Philosophy: Monograph [*Problema sistemy kategoriy filosofii: monografiya*]. Perm: PGU, 2012, 262 p.

29. Kedrov B. M. Engels and the Dialectic of Natural Science [*Engels i dialektika estestvoznaniya*]. Moscow: Politizdat, 1970, 471 p.

30. Butakov A. A. The Main Forms of Motion of Matter and Their Relationship in the Light of Modern Science: Textbook [*Osnovnye formy dvizheniya materii i ikh vzaimosvyaz v svete sovremennoy nauki. Uchebnoe Posobie*]. Moscow: Vysshaya shkola, 1974, 264 p.

31. Development, Foresight, Planning. Collected Interuniversity Scientific Papers [*Razvitie, predvidenie, planirovanie. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*]. Perm: Permskiy universitet, 1984, 164 p.

32. Gusman L. Yu., Tropov I. A. (Eds.) Power and Society in Russia XVIII – Early XXI century: History and Modernity: Monograph [*Vlast i obschestvo v Rossii XVIII – nachala XXI vv.: Istoriya i sovremennost: monografiya*]. Saint Petersburg: GUAP, 2011, 168 p.

33. Slavin B. B. (Ed.) Birth of a Collective Mind: On the New Laws of Networked Society and the Network Economy and Their Impact on Human Behavior. The Great Transformation of the Third Millennium [*Rozhdenie kollektivnogo razuma: O novykh zakonakh setevogo sotsiuma i setevoy ekonomiki i ob ikh vliyaniy na povedenie cheloveka. Velikaya transformatsiya tretego tysyacheletiya*]. Moscow: LENAND, 2013, 288 p.

УДК 172

Экологическое мышление и экологическое поведение*

Костин Николай Олегович – Папский Университет Иоанна Павла II, философский факультет, магистрант, Краков, Польша.

Email: nikolay.kostin19@gmail.com

Авторское резюме

Состояние вопроса: Экологическая проблематика является одним из самых острых вопросов современности. Изначальные исследования в данной области инициировали естественно-научные дисциплины. Однако насущность и глобальность данного вопроса вызвала появление разработок и в области гуманитаристики. На данный момент мы имеем несколько крупных концептуальных групп: экософия Арне Нэсса (и «глубинная экология» в целом), экотеология.

Результаты: Результативность какой-либо теории зависит от практической реализации. Ни экософия, ни экотеология не имеют системно обусловленной и универсальной практической компоненты. Таким образом, в поисках решения проблемы связи теории и практики стоит выйти из академической среды и обратиться к современной молодежной культуре.

Область применения результатов: Движение Straight Edge предполагает неразрывную связь теории и практики. Обращение к нему как к модели экологического мышления позволяет расширить экологический дискурс в гуманитарных исследованиях.

Выводы: Не претендуя на универсальность решения, в качестве альтернативы сугубо академическим системам экологического мышления и поведения можно рассматривать движение Straight Edge, обладающее большим потенциалом в области защиты окружающей среды и выработки индивидуального и группового стиля экологического поведения.

Ключевые слова: экология; эгалитаризм; субкультура; движение Straight Edge.

Environmental Thinking and Environmental Behavior

Kostin Nikolay Olegovich – Pontifical University of John Paul II, Faculty of Philosophy, graduate student, Krakow, Poland.

Email: nikolay.kostin19@gmail.com

Abstract

Background: Environmental problems are one of the most pressing issues of our time. Initial research in this field was undertaken by natural science disciplines. However, the global nature of the problem has prompted research in the field of humanities. Nowadays, we have several large conceptual groups: the ecosophy of

* © Н. О. Костин, 2020.

Arne Naess (and the “deep ecology” as a whole), ecotheology.

Results: The effectiveness of a theory depends on practical implementation. The article shows that neither ecosophy nor ecotheology have a systemically determined and universal practical component. Thus, in search of a solution to the problem of the connection between theory and practice, it is worth leaving the academic environment and turning to modern youth culture.

Research implications: The Straight Edge movement involves an inextricable link between theory and practice. Turning to it as a model of environmental thinking allows us to expand environmental discourse in humanitarian research.

Conclusion: Without claiming to be a universal solution, the Straight Edge movement, which has great potential in the field of environmental protection and the development of individual and group environmental behavior, is an alternative to purely academic systems of ecological thinking and behavior.

Keywords: ecology; egalitarianism; subculture; the Straight Edge movement.

В настоящее время экологическая проблематика, в связи с ее актуальностью, занимает важное место и в естественно-научных, и в экономических, и в гуманитарных исследованиях. Также принято говорить отдельно об экологической политике какого-либо государства [см.: 1, с. 212]. Возникший изначально в естественных науках, этот пласт исследований перешел затем в сферу гуманитаристики [см.: 13, с. 2]. В рамках гуманитарных наук было разработано теоретическое осмысление проблем экологии. На данный момент существуют несколько теорий, на которых мы подробнее остановимся ниже.

Мы будем использовать два основных понятия: «экологическое мышление» и «экологическое поведение». Экологическое мышление – совокупность этических принципов, связанных с отношением человека к природе. Это теория. Яркие примеры этого явления – экософия Арне Нэсса (отдельно можно брать пласт так называемой «глубинной экологии») и экотеология. Экологическое поведение – практическая реализация теоретических принципов, то есть осознанные поступки индивида или группы, направленные на сохранение и защиту окружающей среды. Цель данной статьи – проиллюстрировать одну из современных моделей экологического поведения на примере реально существующего молодежного субкультурного движения. Наша задача – показать действенную, рабочую систему, не претендующую в то же время на универсальность.

Начнем с обзора теоретических подходов. Философские взгляды Арне Нэсса представляют собой целостную концепцию, где мы можем найти основания этического отношения к природе, иными словами, принципы экологического мышления. В своей системной и прогрессивной работе «Ecology, community and lifestyle» Нэсс рассматривает «экологическое знание» (то есть составляющую «экологического мышления») в связи с глубинной экологией [см.: 12, р. 23–35], вводит понятия «экософия» (как философское осмысление природных процессов и роли человека в них) [см.: 12, р. 35–68] и,

как завершающий этап, личностный «стиль жизни», базирующийся на принципах науки экологии и экософского мировоззрения [см.: 12, р. 87–104]. Раздел «Ecosophy, technology, and lifestyle» посвящен европейской модели экологического поведения, которую автор считает наиболее оптимальной как с научных, экономических, так и с этических позиций.

Ценность работ Нэсса действительно значительная. Помимо естественно-научного исследования и этического подхода к решению проблемы, он предполагает также «lifestyle», то есть синтез, ориентированный на практику. Казалось бы, это идеальная (или очень близкая к идеалу) конструкция: экологическое мышление формирует экологическое поведение. Однако минус состоит в том, что практика, «lifestyle» Нэсса, разработана для скандинавских стран с учетом экологической политики этих государств, структуры экономики и менталитета граждан. Это не универсальная модель, и не стоит ожидать того, что она будет действительно работать в других регионах.

Другой подход к формированию экологического мышления – это экотеология. Экотеология затрагивает большое количество проблем, связанных с природой. Сами решения исходят из той или иной теологической установки. С этим связано огромное богатство трактовок как самой экологической проблематики, так и причин их возникновения. В рамках экотеологии мы видим удивительное соединение богословских компонентов (в первую очередь, разных церковных традиций) и современной экологии. «"Кризис" – греческое слово, которое означает критический момент, когда ставится под вопрос все прежнее. Это может быть суд Божий над нами. Это может быть суд природы над нами, момент, когда природа с негодованием, с возмущением отказывается с нами сотрудничать» [6, с. 12], – пишет митрополит Антоний Сурожский. Совсем иная постановка ключевого вопроса у Аруны Гнанейдесон, представительницы феминистической экотеологии: «Защищающие справедливость люди слишком долго считали заботу о творении второстепенной по сравнению с другими заботами. Однако в Индии всегда было иначе, а в последние годы индийское движение за охрану окружающей среды и женское движение с новой силой обратили внимание на эту проблему» [2, с. 87]. Соответственно, и мысли о способах решать глобальную экологическую проблему будут отличаться кардинальным образом. У одних экотеологов – это воззвание к морали, у других – рассудочные суждения в области экономики и роли в ней церкви, у третьих – эсхатологические ожидания и цитаты из Священного Писания.

Теоретическое богатство этого направления неоспоримо. Сам феномен экотеологии – крайне прогрессивный, и радостно видеть продолжение трудов современных теологов в экологическом дискурсе. Однако существует значительный недостаток – при всем блеске построений и нетривиальном синтезе эти труды часто остаются сугубо в рамках академической области. Социальное влияние церкви (различных конфессий) никто, конечно, не отменял. Но, как признают сами экотеологи, воздействие на паству в этом русле довольно трудно осуществить.

Для реализации теоретических положений требуются практические принципы, то есть «экологическое поведение». Теория крайне важна, но ее

можно признать актуальной только в связи с подходящей для ее реализации практикой. Именно поэтому возникают значительные трудности в решении экологических проблем. Экологическая политика – официальное и регламентированное явление. Нельзя говорить о ее бессмысленности, но во многом это лишь система запретов и контроля (по отношению к предприятиям и к отдельным гражданам). Более того, многие экологические активисты говорят о «антиэкологической политике» отдельных государств. Связано это с поощрением со стороны государства функционирования токсичных предприятий. Такая система, как правило, не вырабатывает экологического мышления и поведения.

По моему мнению, все теоретические системы, связанные с экологией, исходят из антропоцентризма. Антропоцентризм в данном вопросе – неизбежность, так как сами теории – продукт мышления человека, его позиция. От человека исходят как принципы, так и конкретные действия. Мы попробуем предположить, возможен ли отход от антропоцентрической модели.

Какова же практика решения проблем экологии? Как было сказано, антропоцентризм в данном вопросе изначален, поэтому начало решения проблемы сводится к отношению человека к самому себе как к представителю экосистемы, к собственному здоровью и образу жизни. Далее – отношение к внешней среде и забота о ней. Если исходить из этого как из начальной точки, можно насчитать несколько форм практической реализации этих идей в нашем современном обществе.

Первая и всем хорошо известная – пропаганда здорового образа жизни. Она начинается, как правило, со школьной скамьи. На уроках биологии, основах безопасности жизнедеятельности, физкультуры и на отдельных учебных мероприятиях говорят о пагубном влиянии вредных привычек. Традиционный набор: табакокурение – это плохо; употребление алкоголя – вредно; наркотики приводят к смерти. Но будем честными – мало на кого из учащихся это влияет. Они, как правило, прекрасно знают о вреде всего вышеперечисленного, но видят совсем иную картину. В обществе вне рамок школы люди употребляют все эти продукты. Данная схема не работает именно потому, что за запретами нет никакого личностного смысла. Грубо говоря, употреблять алкоголь или нет – мой личный выбор, и последствия этого – мое личное здоровье. В сухом остатке остаются только запреты и покрытый пылью морализм. Слушающий этот контент зачастую не воспринимает его всерьез – в конце концов, устарела сама форма подачи.

Существует также более модный и привлекательный вариант – это молодежные проекты. На данный момент в России самый яркий пример такого феномена – движение «Лев Против» [см.: 5]. В чем его посыл? – вредные привычки являются злом. Людей, распивающих на улицах спиртные напитки и курящих, нужно одергивать. Люди, оставившие после себя бутылки, заслуживают порицания. Каким образом? Нужно отбирать у них бутылки, насильно тушить сигареты. В случае отказа или сопротивления – применять силу. В итоге происходит следующее: под лозунгами здорового образа жизни, патриотизма, соблюдения законов происходит подогревание

националистических настроений (что иногда заметно по риторике «активистов»), прямые нарушения закона (избиение людей, несанкционированная съемка с последующим появлением ролика в Интернете). Данная модель работает на нескольких ярких маркерах.

1) *Визуальный*. Запоминающийся, брутальный внешний вид лидера. Лидер проекта, Михаил Лазутин, спортивного телосложения, коротко стрижен, носит бороду. Все это является неплохим элементом пропаганды спорта и здорового образа жизни для молодого населения.

2) *Поведенческий*. В первую очередь, это агрессия. После нарочито вежливых фраз наступает этап физического насилия: у граждан забирают бутылки с алкоголем, сигареты и нередко избивают. Известен случай избивения такими активистами пенсионеров и многие другие хулиганские действия [см.: 4].

3) *Идеологический*. Скрытый националистический и шовинистический подтекст. Те, кто имеет вредные привычки – априори плохие люди, они вредят окружающим и своей стране в целом. Это люди низшего сорта, которых либо надо «переучивать», либо «наказывать» (вспомним здесь одно из самых известных исследований Мишеля Фуко). По сути, первые два маркера служат формированию и укоренению последнего. Бытовые проявления шовинизма вряд ли помогут развитию у человека осознанного отношения как к своему здоровью, так и к экосистеме.

Фактически данная модель экологического поведения не работает в нужном направлении по той же самой причине, что и первая – за всеми этими призывами нет никакого смысла. Однако в последнем случае присутствует значительная социальная угроза. Вполне нормально быть свободным от вредных привычек и не мусорить. Соблюдать законы своей страны – необходимо. Но жестоко притеснять за иное поведение других – ненормально и аморально. По сути, смысл всего этого проекта (и ему подобных) – выплеск скрытой агрессии среди молодежи. Значительно усугубляет дело бытовой фашизм. Еще никогда в рамках фашиствующих настроений не рождалось чего-либо позитивного. Нельзя насилием и шовинизмом создать трезвую систему экологического поведения. (Здесь нужно сделать уточнение: термин «фашизм» употреблен в современном и широком понимании. Полное и аналитическое описание этого феномена как «ур-фашизма» дает Умберто Эко в своей знаменитой работе «Вечный фашизм» [10, с. 49–80].)

Таким образом, возникает вопрос: как возможно совмещение экологического поведения с уважением свободы личности и практической заботой о собственном организме и природе в целом?

Не претендуя на универсальность решения, можно предложить другое молодежное движение, руководствующееся совсем иными принципами. Данное движение носит название «Straight Edge» (сокращенно-символически используется аббревиатура SxE).

Движение Straight Edge возникло в русле музыкального (а в дальнейшем – и субкультурного) преобразования панк-рок музыки в 80-е годы XX в. Из-за изменения стилистики (более тяжелое звучание, ускоренный темп композиции,

иное построение текстов) возникает новый музыкальный стиль – хардкор-панк (хардкор).

Данное движение неразрывно связано с субкультурой хардкор-панка и, соответственно, с теми идеями, которые он включает в себя: индивидуализм, веганизм, антифашизм, зоозащита, забота об экологии. В данном вопросе для нас особенно важны последние аспекты – зоозащита и забота об экологии. Идею разнообразия Straight Edge несколько затрудняет его описание как системы экологического мышления и поведения. Центральными сочинениями, на которых базируются многие принципы Straight Edge, являются «Мясо для слабаков» Джона Джозефа Макгоуэна [см.: 3] и книга, созданная при участии Иэна Маккея [см.: 11]. Обе упомянутые фигуры являются значимыми как в музыкальном движении хардкор-панка, так и в движении Straight Edge. В книге Макгоуэна, лидера культовой хардкор-группы Cro-Mags, как и в текстах его песен, говорится о важности отказа от вредных привычек. Помимо вреда для организма и сознания, это воспринимается как отказ от финансирования алкогольных и табачных корпораций, «которые нас убивают» [3]. Макгоуэн много говорит о важности веганизма именно как этического принципа современного человека. Борьба за права животных воспринимается как подлинная необходимость, так как, защищая животных, ты осуществляешь защиту окружающего мира и, в конечном итоге, самого себя. Отсюда исходит риторика о важности зоозащиты и сохранения экологического баланса каждым отдельным человеком, сознательным индивидом.

Иэн Маккей по сути вводит сам термин «Straight Edge» в широкий оборот. В 1981 г. от лица его группы появляется песня, которая носит такое же название. Призыв «всегда держать себя под контролем» [8], развиваться, а не деградировать, стал гимном данного движения и субкультуры. Сознательное отношение к собственному здоровью и поведению так же, как и у Макгоуэна, неразрывно связано с отношением к экосистеме, к планете в целом. Он на практике проводит этические принципы D. I. Y. (англ. «do it yourself»), то есть абсолютную самостоятельность своих действий, отказ от какой-либо коммерческой поддержки со стороны на примере своего лейбла звукозаписи. По аналогии и Маккей в книге «The Idealist» говорит о полной ответственности каждого человека в вопросе сохранения природы [см.: 11, р. 56]. Защищая природу, защищаешь себя – вот основной посыл экологического мышления Straight Edge.

Однако наша задача – рассмотреть такую модель, которая бы работала в нашем обществе и в современном мире цифровых технологий, распространяющихся «культурных мемов» и всеобщей сетевой коммуникации [см.: 7, с. 22–39]. В современной России трансляторами данных идей служат многие хардкор-группы. Территориальные центры российского хардкор-панка: Уфа, Санкт-Петербург, Москва, Киров, Петрозаводск. Наиболее активные деятели движения (группы) Straight Edge в рамках хардкор-культуры: «What We Feel», «Unsubs», «Проверочная Линейка», «210», «Apache». В текстах их песен произведен синтез идей веганизма и защиты экологии. Ярким примером (приводим один, чтобы не перегружать ими текст) служит песня «Голос

животных» группы «What We Feel»: «Мясная индустрия, конвейер фабрики смерти уносит жизни миллионов живых существ. Муки и страдания наполняют души, невинные создания обречены на смерть» [9] – веганизм тут понимается именно как этический выбор, а не просто метод диетического питания. Благодаря контролю над собой и своим телом видится реальная, практическая защита природы, достижение по отношению к ней большей справедливости и экологического баланса. Заканчивается песня логическим выводом – личную ответственность за защиту природы несет каждый человек, только благодаря его сознательной позиции возможно как сохранение природы, так и сохранение человека: «Ты не уйдешь от суда! Он внутри тебя – мертвый корм – трупы убитых животных. Возложив на себя обязанности палача, убивая их – ты убиваешь себя» [9].

Несмотря на явное разнообразие идей и форм их подачи – художественные книги, журналистские статьи, тексты песен, выставки и т. д., можно выделить несколько основных принципов, положений Straight Edge.

1) *Принцип замещения.* Отказываясь от вредных привычек, меняя свое поведение и бытовые привычки, не имеет смысла видеть цель именно в самом отказе. Абсолютно нормально не употреблять алкоголь и не мусорить. Важно заменить деструктивную компоненту своего поведения продуктивной – заниматься творчеством, самообразованием и т. п. Смысл состоит именно в изменении, а не отказе, в высвобождении времени и физических ресурсов на более плодотворные и позитивные процессы.

2) *Уважение индивидуальности.* Так как движение Straight Edge, как и вся хардкор-культура в целом, берет за этическую основу принципы взаимоуважения, солидарности и индивидуализма, то не может идти речи о насильственном воздействии на личность. Смысл данного принципа в том, что изменение поведения и мышления невозможно добиться агрессией, но только идейным и эмоциональным посылом к человеку.

3) *От уважения индивидуальности – к защите природы.* Как мы уже увидели выше, эти два момента тесно переплетены в идее рассматриваемого движения. Природа в данном случае предстает как огромное количество индивидуальных форм жизни, поэтому их эксплуатация – действие аморальное и пагубное для всего общества.

Само Straight Edge движение по природе своей интернационально – сторонники находятся по всему миру. В этом есть большой плюс, так как взаимодействие, взаимопомощь, обмен опытом позволяют все более точно реализовывать экологическое поведение в разных регионах и разных условиях (чего мы не видели в предыдущих примерах моделей экологического поведения).

Движение имеет яркие социальные маркеры:

- необычность, авангардность музыки;
- разнообразие идей и практик;
- уважение индивидуальности и открытость;
- новизна и честность, искренность.

Все это позволяет на основании вышеизложенных принципов строить

поведенческую модель, то есть «экологическое поведение». В данном случае теория и практика реально существуют неразрывно друг с другом. Более того, интернациональность и социальная открытость позволяют находить иные, более точные и практичные формы защиты экологии.

Говоря же об антропоцентрической установке, можно сделать предположение, что дальнейшее развитие движения Straight Edge, учитывая идею индивидуальности форм жизни в природе, позволит выйти из эгоистического и порочного круга антропоцентризма. Таким образом, можно считать, что данное социальное явление – прогрессивная форма экологического мышления и поведения.

Список литературы

1. Билль Дж. Тезисы о социальной экологии и суперэкологизме // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. – 2012. – Т. 21. – № 2. – С. 211–216.
2. Гнанейдсон А. Женщина, экономика и экология // Экология. Голоса Севера и Юга / Под ред. Дэвида Г. Холмана. – М.: Испо-Сервис, 1997.
3. Джозеф Дж. Мясо для слабаков / Пер. А. Шастак, Внуковский. – [б. и.], 2011. – 162 с.
4. Имеют ли право активисты «Лев против» приставать к людям и отбирать у них алкоголь и сигареты? // The Question – умные ответы на ваши гениальные вопросы. – URL: <https://thequestion.ru/questions/229373/imeyut-li-pravo-aktivisty-lev-protiv-pristavat-k-lyudyam-i-otbirat-u-nikh-alkogol-i-sigarety> (дата обращения: 13.10.2019).
5. Лев Против // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/channel/UCUBoIo2p7GSRMt1YcSswDEw> (дата обращения: 13.10.2019)
6. Митрополит Сурожский Антоний. Христианство и экологический кризис // Экология. Голоса Севера и Юга / Под ред. Дэвида Г. Холмана. – М.: Испо-Сервис, 1997. – С. 13–19.
7. Опенков М. Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний. – М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. – 127 с.
8. Песня группы «Minor Threat» – «Straight Edge», 1981.
9. Песня группы «What We Feel» – «Голос животных»/«Animal voice», 2009.
10. Эко У. Пять эссе на темы этики. – СПб.: Symposium, 2003. – 37 с.
11. Friedman G. E. The Idealist: In My Eyes Twenty Years. – New York: Burning Flags Press, 1998. – 148 p.
12. Naess A. Ecology, Community and Lifestyle. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 223 p.
13. O’Callaghan O. Orchestration of Ecology, as Ecology // Proceedings of the Symposium “Music and Ecologies of Sound. Theoretical and Practical Projects for a Listening of the World”. – University Paris 8. – May 27–30, 2013.

References

1. Bill J. Thesis of Social Ecology and Superecology [Tezisy o sotsialnoy ekologii i superekologizme]. *Samarskaya Luka: problemy regionalnoy i globalnoy ekologii* (Samarskaya Luka: Problems of Regional and Global Ecology), 2012, vol. 21, no. 2, pp. 211–216.
2. Gnaneydeson A. Woman, Economy and Ecology [Zhenshchina. ekonomika i ekologiya]. *Ekoteologiya. Golosa Severa i Yuga* (Ecotheology. Voices of the North and South). Moskow: Ispo-Servis, 1997.
3. Loseph J. Meat Is for Pussies [*Myaso dlya slabakov*]. 2011, 162 p.
4. Do “Leo Against” Activists Have the Right to Molest People and Take Away Alcohol and Cigarettes from Them? [*Imeyut li pravo aktivisty «Lev protiv» pristavat k lyudyam i otbirat u nikh alkogol i sigarety?*]. Available at: <https://thequestion.ru/questions/229373/imeyut-li-pravo-aktivisty-lev-protiv-pristavat-k-lyudyam-i-otbirat-u-nikh-alkogol-i-sigarety> (accessed 13 October 2019)
5. Leo Against [*Lev protiv*]. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCUBoIo2p7GSRMt1YcSswDEw> (accessed 13 October 2019)
6. Metropolitan Anthony of Sourozh. Christianity and the Ecological Crisis [Khristianstvo i ekologicheskiy krizis]. *Ekoteologiya. Golosa Severa i Yuga* (Ecotheology. Voices of the North and South). Moskow: Ispo-Servis, 1997, pp. 13–19.
7. Openkov M. Y. Hack of Future: an Introduction to the Philosophy of a Knowledge Society [*Khakni budushcheye: vvedeniye v filosofiyu obshchestva znaniy*]. Moskow: MOO VPP UNESCO “Informatsiya dlya vsekh”, 2007, 127 p.
8. Song of “Minor Threat” – “Straight Edge”, 1981.
9. Song of “What We Feel” – “Animal Voice”, 2009.
10. Eco U. Five Moral Pieces [*Pyat esse na temy etiki*]. Saint Petersburg: Symposium, 2003, 37 p.
11. Friedman G. E. *The Idealist: In My Eyes Twenty Years*. New York: Burning Flags Press, 1998, 148 p.
12. Naess A. *Ecology, Community and Lifestyle*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989, 223 p.
13. O’Callaghan O. Orchestration of Ecology, as Ecology. *Proceedings of the Symposium “Music and Ecologies of Sound. Theoretical and Practical Projects for a Listening of the World”*. University Paris 8, May 27–30, 2013.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 008:002

Мурал-арт как способ коммуникации в современной культуре*

Гриднев Валерий Андреевич – Санкт-Петербургский государственный университет, студент магистратуры, Санкт-Петербург, Россия.

Email: st079767@student.spbu.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: С приходом современных технологий возникло множество способов коммуникации и передачи информации. Коммуникация людей, то есть прямой контакт, может происходить даже на расстоянии и на незнакомом друг другу языке, а почти любая информация стала легко доступной. Но, тем не менее, не только технологии способствуют сегодня коммуникации и, тем самым, передаче информации. Она может осуществляться и невербально, с помощью рисунка. Именно такую возможность предоставляет современное уличное искусство мурал-арт.

Результаты: Мурал-арт в России мало знаком людям и пока еще не всегда воспринимается как коммуникатор, передатчик информации современной культуры. В настоящее время становится актуальна задача исследовать мурал-арт, обосновать причины образования этого вида искусства и расшифровать, раскодировать подобные картины. Мурал-арт является коммуникатором между художником и зрителем. Он может эффективно использоваться как для эстетического развития городской среды, так и для передачи, распространения сложных комплексов идей, систем ценностей, форм мировосприятия и настроений.

Выводы: Стрит-арт, в основе которого лежит классическая «Монументальная живопись», способствует коммуникации между людьми, передаче информации и помогает обращать внимание общества на глобальные проблемы – такие, как расизм, низкий уровень жизни, загрязнение окружающей среды, память исторических событий и т. д. В современный период стрит-арт продолжает развиваться и приобретает все большую популярность. Этому способствуют большие размеры, яркость красок и широкая доступность для больших масс людей.

Ключевые слова: мурал-арт; современная эпоха; коммуникация; информация; мексиканская монументальная живопись; стрит-арт; мурализм; картины.

* © В. А. Гриднев, 2020.

Mural Art as a Way of Communication in Modern Culture

Gridnev Valeriy Andreevich – Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: st079767@student.spbu.ru

Abstract

Background: With the advent of modern technology, many methods of communication and information transfer have arisen. People's communication, i. e. direct contact, can occur even at a distance and in a language unfamiliar to each other, and almost any information has become easily accessible. But, nevertheless, not only technologies contribute to communication today and, thereby, the transfer of information. It can be carried out, for example, not verbally, with the help of a drawing. This is the opportunity that modern street art provides with mural art.

Results: Mural art in Russia is not well known yet and is still not always perceived as a communicator, a transmitter of information of modern culture. At present, the task of exploring mural art, substantiating the reasons for the formation of this art form and deciphering, decode such paintings, is becoming urgent. Mural art is a communicator between the artist and the viewer. It can be effectively used both for the aesthetic development of the urban environment, and for the transfer, dissemination of different complexes of ideas, value systems, forms of perception of the world and moods.

Conclusion: Street art, which is based on the classic "Monumental Painting", promotes communication between people, the transfer of information and helps to draw public attention to global issues – such as racism, low living standards, environmental pollution, memory of historical events, etc. In the modern period, street art continues to develop and is gaining more and more popularity. This is facilitated by the large size, brightness of colors and wide accessibility for large masses of people.

Keywords: mural art; modern era; communication; information; Mexican monumental painting; Street art; muralism; pictures.

Человек всегда стремился к коммуникации и получению информации. С течением времени мы, наконец, дошли до ступени, где это не составляет труда. Современная эпоха дает возможность легко коммуницировать и обеспечивать информацией большое количество населения, причем не взирая на расстояния и количество индивидов, которые могут получить аналогичные сведения. С приходом новых технологий, таких как телефон (1876 г.), телевидение (1928 г.), компьютер (1941 г.), интернет (1982 г.) и т. д. человек нашел инструменты для сближения. Эти технологии изменили человеческую жизнь, открыли дорогу к более простому получению информации, приблизили людей, находящихся друг от друга на расстоянии. Существует много других способов коммуникационных связей и возможностей для передачи информации, истоки которых дошли до нас еще с древних времен. Одним из таких способов всегда

был рисунок. Именно из него мы многое узнаем о нашей самой ранней истории, утверждал Энджи Кордич [см.: 1].

За время своей эволюции рисунки-коммуникаторы прошли не одну трансформацию, начиная с пещерной живописи, которой, как отмечает Эд Бартлетт [см.: 2, с. 6] и подтверждают авторитетные исследователи, уже около 40 000 лет, до сегодняшнего искусства (граффити, стрит-арта, муралов) и при этом не потеряли своей актуальности и влияния на миллионы людей. Так, современный художник Ninsa, отмечая одно из этих направлений, сказал: «Сам акт рисования на улице – невероятно мощный инструмент, и ближе публике, чем любой другой вид искусства» [2, с. 125].

Мы предполагаем, что эта тенденция идет от истоков изобразительного искусства, то есть от первобытного рисунка, который и поддерживает в человеческом сознании мысль о доверии к изображенному.

В наскальном рисунке первобытный человек передавал свою картину мира. Несмотря на то, что у ученых много споров относительно ее значения и причинах создания (большинство из них придерживаются версии, что они носят сакральный, магический характер), для нашего времени это, прежде всего, подтверждение того, что в первобытном обществе существовала культура. Кроме того, наскальные рисунки дают нам информацию о том периоде, об обычаях, о жизни в первобытных сообществах. Подобные визуальные сообщения можно увидеть по всему земному шару. К примеру, можно вспомнить наскальную живопись Сулавеси (40 тысяч лет назад), изображения в пещере Гибралтара (около 40 тысяч лет назад), а также рассмотреть роспись, демонстрирующую носорогов из пещеры Шове (ок. 30 тыс. лет до н. э.) или изображение лошади из пещеры Ласко во Франции (ок. 15 тыс. лет до н. э.).

Постепенно меняя свой вид, изображение позволяло коммуницировать со зрителем и передавать самую важную информацию. Такими были египетские рисунки, этрусские изображения, картины художников нашего века, современных авторов. Приближаясь к современности, информация, доносимая через изобразительное искусство, доставалась все легче, а коммуникация таким способом захватывала все больше людей. В настоящее время, когда получение информации и способы коммуникации весьма многочисленны, в изобразительном искусстве появились новые виды художественного творчества, которые являются способом коммуникации наравне с современными технологиями.

Следует пояснить, что современное искусство за достаточно короткое время пережило как минимум две трансформации. Сначала была изобретена фотография (технология записи изображения путем регистрации оптических излучений с помощью светочувствительного фотоматериала или полупроводникового преобразователя), которая, с нашей точки зрения, перевернула взгляд на изобразительное искусство. Теперь фотоаппарат заменяет нам руку мастера. До появления фото основными жанрами были натюрморт, портрет, пейзаж и др., то есть те, которые сейчас просто можно сфотографировать, нажав на кнопку, причем сделать это может каждый

желающий, у кого есть такое устройство (фотоаппарат или др.). Этот импульс-вызов заставил современного художника искать новые формы для рукописного творчества и трансформировать привычную живопись. Как отмечает в своей книге А. Н. Ходзь, «живопись больше не носит буквальный, описательный характер» [4, с. 79], и надо добавить, что она ищет новые формы и модели. Это же отмечает и художник, куратор и исследователь уличного искусства Игорь Поносов [см.: 5, с. 113].

Направление искусства XXI в. – века информационного – «mural art» является одной из таких новых форм-моделей сегодняшнего художественного творчества, а также новым коммуникатором, дающим нам информацию.

Главной отличительной чертой этого уличного искусства являются размеры, а также присутствие визуального сообщения, которое позволяет коммуницировать с массой, имеющей к нему свободный доступ. Надо отметить, что большинство людей не отличают мурал-арт от других видов уличного искусства, называя все изображения более привычным словом «граффити», но так делать не совсем правильно. Следует отметить, что это отличные друг от друга виды уличного искусства. Граффити присущ собственный культурный код, отличающий его от привычного нам искусства. Граффити – это изображения или надписи, выцарапанные, написанные или нарисованные краской или чернилами на стенах и других поверхностях. Главной его задачей является не эстетическая ценность, а захват пространства, и, как правило, имя создателя скрыто под псевдонимом. Граффити – это надпись, в которой не важен конечный результат, а важно количество написанного. Мурал-арт – это искусство, продукт стрит-арта, крупное изображение, нанесенное на стене, которое несет какую-то глубокую идею или смысл и имеет эстетическую ценность. Мурал – это огромная картина, и поэтому необходимо сказать о важности сюжетной композиции и художественной сложности данного искусства. Также нельзя не упомянуть о том, что в отличие от другого подобного творчества мурал защищен законом и властью, очень популярен среди туристов и меньше всего подвержен критике, а вместе с этим и уничтожению [см.: 3, с. 12–13]. Несмотря на то, что нет каких-то определенных критериев для создания этого искусства, большинство художников улицы используют яркую палитру, которая заставляет обратить внимание на эти произведения. Созданная художниками визуализация представляет собой, как уже отмечалось, масштабные картины, создаваемые на фасадах зданий, стенах, крышах, заборах, площадях, сделанные по заказу, но при этом направленные на преобразование городского пространства. Француз Seth подтверждает это своим высказыванием: «Я хочу, чтобы моя стена вписывалась в то место, где находится...» [12, с. 169]. Заметим, что в его высказывании выделяется слово «стена». Именно от этого и пошел термин для обозначения данного искусства – «mural», имеющий латинский корень «murus» [см.: 2], используемый в романских языках и переводящийся как «стена». В данном случае используется испанский вариант термина, так как зарождение сегодняшнего мурала начиналось с мексиканской монументальной живописи [см.: 8].

Мурал-арт – это продолжение наскального рисунка, фрески, классической живописи. Мурализм, с одной стороны, как бы соединяет в себе два этих направления: фреску (монументальное) и классический рисунок (станковое), а с другой, имеет свою самобытность, индивидуальность. К примеру, можно привести мурал-арт портреты первого космонавта Юрия Гагарина, советской эстрадной певицы и актрисы Клавдии Шульженко, ямайского музыканта Боба Марли, одного из лучших футболистов Криштиану Роналду и других известных личностей. Также хочется выделить ряд авторов, которые сохраняют классическую ориентацию на портрет. Это американский художник El Mac и немец еcb. Представленные портреты и художники этого направления также дают представления о людях, но делают это в специфической манере XXI в. Надо отметить, что уже из истории изобразительного искусства видно: мурал дает человеку информацию и возможность коммуницировать. К тому же он изначально и создавался мексиканскими революционерами как визуальное средство коммуникации, которое имеет влияние на массы.

Следует сказать, что мурал-арт имеет некоторые отличия от классической монументальной живописи. Дмитрий Аске, московский художник и амбассадор уличной арт-культуры, писал: «...от монументальной живописи он отличается тем, что настенная роспись, или мурал, по технике и композиции ближе к станковой живописи; монументальное искусство использует совершенно иные принципы композиции, иные материалы и техники, да и масштабы...» [8]. В отличие от классики, мурал-арт является массовым, открытым для свободного просмотра искусством, что также является существенным отличием. Важной особенностью мурала является также коммуникация с огромным количеством прохожих. Донесение до них визуальной информации, которая должна заставлять задуматься над многими проблемами, и есть главная отличительная черта мурала, в то время как станковая живопись предназначалась для узкого круга людей. Эта идея масштабности и влияния визуализации на огромное количество прохожих была подмечена и воплощена в жизнь основателями данного вида искусства мексиканцами Диего Риверой, Хосе Клименте Ороской, Давидом Сикейросом.

Эти уважаемые художники стали основателями нового стиля в живописи – мексиканского мурализма 1920–1960-х гг., который со временем приобрел вид современного мурала. В 70-е гг. мурал стал популярным в США, подвергаясь влиянию разных стилей и со временем меняясь (хип-хоп 80-х гг. в США). Многие современные авторы, известные сейчас в США по работам мурал-арт, начинали свое творчество с менее масштабных изображений – таких, как граффити или стрит-арт, которые имеют иные культурные коды.

Мексиканский же мурализм образовался как реакция на революцию и утвердил новую форму свободного публичного высказывания [см.: 5, с. 65]. Его основатели в своих изображениях попытались донести до населения призывы борьбы с военной диктатурой, вводившей горожан в ужас, а также настаивали на возвращении к корням – древней культуре индейцев. Также необходимо отметить роль Хосе Васканселосе в развитии мексиканского мурализма. Будучи в период с 1921 по 1924 г. министром просвещения, он предоставил

художникам работать над росписями стен официальных учреждений Мексики. Как упоминает И. Поносов, «Хосе Васканселоса был убежден, что публичное искусство является крайне эффективным инструментом в просвещении народа» [5, с. 66], с чем трудно не согласиться. Надо сказать, что он был прав, и уличное искусство действительно является хорошим аппаратом для коммуникации с народом. Сюжеты мексиканских художников, актуализировавшие политические темы, изображали мучения простого мексиканца на самых сложных работах, ущемление коренного населения, отсылки к традициям и мирной, спокойной жизни индейца в прошлом, восстания масс против власти. Эта визуализация, затронув душу, дала толчок для пробуждения населения от диктатуры и повлияла на дальнейшую историю страны, объединив возбужденных мексиканцев в единый кулак, нанесла диктаторскому режиму сокрушительный удар. Таким образом, пример Мексики доказывает, что это творчество значимо и коммуникативно. Информация, вложенная в монументальные картины великих художников, оказала воздействие на людей и придала силы для отпора.

Основатели мексиканской монументальной живописи добились поставленной цели. Мексика обрела идентичность, которая и сплотила население для продвижения к свободе. Это прослеживается в таких картинах, как «Спуск в Шахту» 1923–1924 гг., «Мертвые» 1931 г., «Христос, срубающий свой крест» 1943 г., «Новая демократия» 1945 г., «Борьба за освобождение» 1961 г. Опираясь на приведенные факты, можно рассматривать муралы как информаторов, которые позволяют коммуницировать с населением, а также представляют собой хороший инструмент для публичного высказывания, приводящий в движение людей. Помимо того, что этот вид творчества помог сплотиться мексиканцам, он, сохранный до настоящего времени, является и для нас источником исторической памяти. Таким образом, как уже сказано ранее, с момента основания мексиканской монументальной живописи картины, написанные в этом стиле, служили целям пропаганды и несли обществу социально значимую информацию.

«Как и многие из последовавших по его стопам, Ривера не боялся использовать свое искусство для отображения острых проблем. Сегодня уличные художники используют многочисленные стены (а также автобусы, телефонные будки, строительные ограждения) как холсты для отражения социальных и политических проблем Мехико: от культуры до бедственного положения мигрантов из Центральной Америки» [1, с. 114].

Нынешние авторы муралов в своих работах уделяют внимание самым значимым темам современности, которые будут волновать нас еще долгие годы, если не века. Используя красочную палитру и новые техники нанесения рисунка (например, с помощью трафарета), художники расписывают стены, напоминая об исторических событиях, личностях, культурах, проблемах. Среди них выделяются экология, расизм, бедность, религия, отношение человека к миру и многое другое [см.: 5, с. 66]. Российский художник Дмитрий Аске сообщает: «Оно (Монументальное искусство / Мурал) рассчитано на работу художника с вечными темами, с нестареющими ценностями, со взглядом в

далекое будущее» [8]. Зарубежный автор, француз Seth, говорит: «Я хочу... чтобы она (стена) могла что-то сказать живущим там людям» [12, с. 169].

Одну из указанных выше тем освещает Сэм Бейтс, более известный как Смуг [см.: 11, с. 174]. Он создал произведение, заставляющее подумать о животных, в частности, о птицах. На одной из его картин, находящейся в Глазго, автор изобразил Святого Мунго, проповедника VI века, в современной одежде, держащего в руках птицу [см.: 6]. Эта визуализация отсылает нас к легенде, которая в свою очередь призывает беречь животных. Об этом и многом ином муралам помогают сообщать масштабные размеры. Размер здесь имеет огромное значение. Будучи довольно больших размеров, мурал виден издали, а значит, может привлечь внимание широкого круга людей. Трансляция такого изображения распространяет визуальные сообщения на сотни метров. «В масштабе влияния и заметности – специфика монументальной живописи» – сказал муралист Рипо [12, с. 132]. Мурал – это, по сути, огромный «экран», влияющий на огромную аудиторию. Он охватывает всех прохожих, являясь культурой повседневности, и не имеет значения, направляется человек мимо или специально идет посмотреть на это монументальное искусство.

Масштабностью определяется и другая черта мурала, которая соответствует своей эпохе – массовость, так как массовое искусство есть часть современной культуры. Мурал как часть уличного искусства – явление массовое. Муралист SatOne подчеркивает: «Уличное искусство для художника очень привлекательно: где еще найдешь такую большую аудиторию, такой потенциал для прямого диалога» [11, с. 154]. Свободный доступ к данному творчеству и расположение в удобных для просмотра зонах дает возможность сообщать информацию огромному потоку людей. Как отмечает Эд Бартлетт, говоря об стрит-арте (уличном искусстве) в целом: «...я подсчитал количество людей, которые живут в городах, упомянутых в этой книге. Их оказалось 150 миллионов человек. Это более чем в два раза превышает общее ежегодное количество людей, посещающих 10 самых популярных музеев мира, и каждому из них стрит-арт в той или иной форме доступен ежедневно» [1, с. 6]. Также следует пояснить, что в своей книге автор рассказывает о развитии «уличного искусства» в таких городах, как Амстердам, Афины, Берлин, Лиссабон, Нью-Йорк, Чикаго, Мехико, Стамбул, Буэнос-Айрес и других.

Таким образом, объединяя эти две черты мурал-арта, можно сравнить его с огромным экраном, показывающим один канал, рекламным баннером, просвещающим народ, или татуировкой на теле города, которая в большинстве случаев также делается со смыслом.

Следует подчеркнуть, что не все муралы используются для благих целей. Большая часть произведений коммуницирует с прохожими, заставляя что-то купить, куда-то пойти, во что-то поверить или кого-то выделить, то есть мурал-арт может быть как рекламой, так и пропагандой или иметь политический характер [см.: 2]. Это не означает, что они бессмысленны и являются просто красивой картинкой. И реклама, и пропагандистские, и политические изображения тоже не лишены информационного смысла (направлены на

человека), а художники также высказываются подобным образом, отмечая ту или иную тему.

В настоящее время мурал-арт предлагается рынку в качестве нового способа качественной раскрутки брендов. Постоянное мелькание перед глазами продукта или услуги на рынке является знаком успеха. Реклама приобретает теперь новый инструмент, который воплощается в живописи, в частности, в мурале. «Плакаты» такого рода стали популярными во всем мире. Многие крупные бренды сотрудничают с художниками современной монументальной живописи [см.: 2]. Подобные визуальные плакаты есть и в Италии, и в России, и в США, и в Китае, и в других странах. Приведем некоторые примеры.

Так, например, популярный бренд Gucci использовал муралы для презентации своей новой коллекции. В 2019 году перед выпуском коллекции pre-fall 2019 эта известная фирма выпустила серию монументальных картин. Как сообщается на сайте, они разукрасили Мехико, Нью-Йорк, Милан, Лондон, Гонконг и Шанхай. Пояснилось, что «креативный директор Gucci Алессандро Микеле вдохновился раскопками античного города Селинунт на острове Сицилия и представил его как символический храм, застывший в веках. На фоне руин храма Геры в современном симпозиуме встречаются друзья и любовники, разговаривают, читают стихи, играют и танцуют. Сюрреалистический коллаж модных образов на фоне руин древней цивилизации перекликаются с древнегреческими и этрусскими фресками» [7].

Еще одним примером рекламы стал мурал в Петербурге, созданный группой HoodGraff. Как отмечает один из авторов сборника статей «Эстетика стрит-арта», это произведение вызвало резонанс, и все из-за рекламы [см.: 3, с. 15] Был нарисован портрет актера Милана Марича в образе Сергея Довлатова из последнего фильма А. Германа. Само произведение не вызывало негатива и критики. Испортила восприятие полотна, а также вызвала недовольство лишь одна надпись “Довлатов// в онлайн-кинотеатре ОККО”, так как надпись призывала смотреть фильм в этом онлайн-кинотеатре.

Пропаганда – тоже частое явление в мурализме [см.: 1; 10]. На вопрос, что такое мурал-арт сегодня, художник, историк, куратор, сооснователь Института исследования стрит-арта Михаил Астахов так и отвечает: «Это освоение городской среды и площадка для пропаганды...» [8]. Госзаказы, на наш взгляд, – самые выгодные для художников варианты. Говорить с населением от лица правительства очень выгодно. Во-первых, будет предоставлено все необходимое, а во-вторых, мурал останется на стене надолго. Такой проект был запущен «Единой Россией» в 2018 г. Муралы в Акции «Портрет памяти» изображают личностей и предметы гордости, а также ситуации, которые должны поднимать внутренний дух населения. Уже упомянутый ранее Дмитрий Аске поразмышлял и на эту тему: «Сегодня в среде художников “политические высказывания” встречаются достаточно редко. А как визуальная пропаганда, наоборот, муралы используются всё чаще. Например, в Москве, Военно-историческое Общество заказывает художникам-оформителям портреты военачальников, что в принципе, уже визуальная пропаганда» [8].

Если говорить про «политические высказывания», многие исследователи отмечают, что ряд муралов, созданных в последнее время на Украине, имеют политический характер. Визуализация, реализующаяся в мурале, здесь используется как политическое оружие. Так, например, Эд Бартлетт говорит: «После акции Евромайдан в 2013 г. и присоединения Крыма Россией в 2014 г. тотальность и содержание городского стрит-арта приобрели более политический характер...» [1, с. 42]. Это же замечает автор из сборника «Эстетика стрит-арта» [см.: 2, с. 69] и социолог из Киева Алла Петренко-Лысак [см.: 9]. Если посмотреть на муралы Киева и других украинских городов, нарисованные известными мастерами своего дела, можно увидеть неприязнь к России. В своих сюжетах они несправедливо говорят о том, что эта страна похожа на огромного и грозного динозавра, к которому все маленькие страны приносят дары, что Украина разрубит эти оковы, которыми их душит Россия, и уберет злобное чудовище с ее территорий, при этом выдвигают свою страну в лидеры, которая будет смотреть на него с высокока и т. д. Например, «Возрождение» авторов Джулиан Малланд (Франция) и Алексея Кислова (Украина), «Время перемен» Владимира Манжоса (Украина), «Украинский Святой Георгий» дуэта «Interesni Kazki» (Аес – Алексей Бордусов, Waone – Владимир Манжос) или картина «Говорящий динозавр», сделанный Лерой Ляшенко (Lera Sxemka).

После всего сказанного повторюсь, что размеры подобных картин огромны, и это является отличительной чертой мурал-арта. Современные технологии помогают этим визуальным сообщениям распространить свое влияние на огромную аудиторию. Являясь сфотографированными и помещенными в социальные сети, они не теряют своего качества и также коммуницируют со зрителями и, несомненно, передают информацию. В интернете на разных сайтах, в книгах и на телевидении муралы доступны для большого количества людей, интересующихся данным видом искусства. Существуют даже специальные сайты с этим уличным творчеством, которые выступают как виртуальные галереи. Просматривая там картины, посетители имеют возможность увидеть изображения из разных стран, не выходя из дома, а также удаленные друг от друга на огромные расстояния. Но, надо отметить, что бывает не просто догадаться о скрытом смысле работы автора, так как код мурала в большинстве случаев предназначен для той местности, культуры, где нарисован.

Все сказанное выше дает возможность сделать вывод о том, что «монументальная живопись», начатая еще мексиканцами, способствует коммуникации с людьми, передавая информацию, и, более того, специально создавалась для этих целей. В настоящее время такой вид творчества продолжает расширять свое влияние, опираясь на размеры, яркость красок и свободную доступность. Надо подчеркнуть, что, каким бы ни был мурал-арт, будь то послание властей людям, а, может, наоборот, художника властям, будь то проблема, стоящая на периферии общественного сознания или память истории, или личности, а, может, обычная реклама или пропаганда, но в любом случае нельзя отрицать того, что он является переносчиком сообщений,

коммуникатором информации между художником и народом, смысл которой, конечно, не всегда удастся сразу разгадать. Современные же технологии помогают донести эту информацию и коммуницировать с огромными аудиториями.

Список литературы

1. Бартлетт Э. Стрит-арт: за свободным искусством по миру. – М: Эксмо, 2017. – 224 с.
2. Mural – The History and the Meaning // Widewalls. – URL: <https://www.widewalls.ch/what-is-a-mural-the-history-and-meaning> (дата обращения 12.10.2019).
3. Эстетика стрит-арта: сборник статей / под общ. ред. К. А. Куксо. – СПб.: СПбГУПТД, 2018. – 96 с.
4. Ходж А. Н. История искусства: Живопись от Джотто до наших дней. – М.: Кучково поле, 2017. – 208 с.
5. Поносов И. Искусство и город: Граффити, уличное искусство, активизм. – М.: Игорь Поносов, 2016. – 208 с.
6. Сэм Бейтс: новая фотореалистичная фреска на кирпичной стене старого здания в Глазго // Музей дизайна. – URL: <https://museum-design.ru/sam-bates-novaja-fotorealistichnaja-freska-na-kirpichnoj-stene-starogo-zdaniya-v-glazgo> (дата обращения 12.10.2019).
7. Муралы для рекламной кампании Gucci // Интерьер+Дизайн. – URL: <https://www.interior.ru/design/art/6781-fond-cartier-novyj-vzglyad-na-intellekt-rastenij.html> (дата обращения 12.10.2019).
8. Монументальное уличное искусство. Мурал. // Excada Magazine. – URL: <http://excada.ru/mural> (дата обращения 12.10.2019).
9. Стенография: о чем молчат муралы Киева? // 34travel. – URL: <https://34travel.me/post/street-art-kyiv> (дата обращения 12.10.2019).
10. Аргентинский проект, фиксирующий стрит-арт во всей Латинской Америке // GlovalVoices. – URL: <https://ru.globalvoices.org/2019/04/27/82981/> (дата обращения 12.10.2019).
11. Вальде К. Мурал XXL. Монументальная настенная живопись. – М.: Искусство XXI век, 2016. – 192 с.

References

1. Bartlett E. Street Art [*Srit art: za svobodnym iskusstvom po miru*]. Moscow: Eksmo, 2017, 224 p.
2. Mural – The History and the Meaning. Available at: <https://www.widewalls.ch/what-is-a-mural-the-history-and-meaning> (accessed 12 October 2019).
3. Kukso K. A. (Ed.) Aesthetics of Street Art: Collection of Articles [*Estetika strit arta: sbornik statey*]. Saint Petersburg: SPBGUPTD, 2018, 96 p.
4. Hodge A. N. The History of Art: Painting from Giotto to the Present Day [*Istoriya iskusstva: Zhivopis ot Dzhotto do nashikh dney*]. Moscow: Kuchkovo pole, 2017, 208 p.

5. Ponosov I. Art and the City: Graffiti, Street Art, Activism. [*Iskusstvo i gorod: graffiti, strit art, aktivizm*]. Moscow: Igor Ponosov, 2016, 208 p.

6. Sam Bates: A New Photorealistic Mural on the Brick Wall of an Old Building in Glasgow [*Sem Beyts: novaya fotorealisticchnaya freska na kirpichnoy stene starogo zdaniya v Glazgo*]. Available at: <https://museum-design.ru/sam-bates-novaja-fotorealisticchnaja-freska-na-kirpichnoj-stene-starogo-zdaniya-v-glazgo> (accessed 12 October 2019).

7. Murals for the Gucci Advertising Campaign [*Mural dlya reklamnoy kompanii Guchi*]. Available at: <https://www.interior.ru/design/art/6781-fond-cartier-novyj-vzglyad-na-intellekt-rastenij.html> (accessed 12 October 2019).

8. Monumental Street Art. Mural [*Monumentalnoe ulichnoe iskussnvo. Mural*]. Available at: <http://excoda.ru/mural> (accessed 12 October 2019).

9. Shorthand: What Are the Murals of Kiev Silent About? [*Stenografiya: o chem molchat muraly Kieva*]. Available at: <https://34travel.me/post/street-art-kyiv> (accessed 12 October 2019).

10. Argentine Project Fixing Street Art in All Latin America [*Argentinskiy proekt, fiksiruyuschiy strit art vo vsey Latinskoy Amerike*]. Available at: <https://ru.globalvoices.org/2019/04/27/82981/> (accessed 12 October 2020).

11. Walde C. Mural XXL [*Mural XXL. Monumentalnaya nastennaya zhivopis*]. Moscow: Iskusstvo XXI vek, 2016, 192 p.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 172.1

Имперская легитимность и антитеррористическая война*

Мальцев Константин Геннадьевич – Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, кафедра теории и методологии науки, профессор, доктор философских наук, профессор, Белгород, Россия.

Email: maltsevaannav@mail.ru

Ломако Леонид Леонидович – Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, кафедра теории и методологии науки, аспирант, Белгород, Россия.

Email: parmenid@bk.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: Изучение нового мирового порядка, определяемого чаще всего как имперский порядок, ведется в трех основных направлениях. Во-первых, неомарксистская традиция, представленная прежде всего М. Хардтом и А. Негри, полагает имперскую суверенную власть естественным результатом процессов экономических, социальных, культурных, политических преобразований последних 30 лет. Во-вторых, либеральная концепция империи (например, Д. Лал) в этом не отличается от названной выше неомарксистской. В-третьих, теория больших пространств К. Шмитта считает необходимым не глобальный и универсальный имперский порядок, но несколько таких порядков, соседствующих и взаимодействующих друг с другом, и может служить теоретическим основанием концепции «многополярного мира», в противоположность всем разновидностям концепции «глобализации».

Результаты: Структура имперского порядка, способ легитимации, перманентная война (как антитеррористическая война) как постоянный и нормальный способ существования этого порядка – основные элементы концепции М. Хардта и А. Негри. Их позиция предполагает необходимость преодоления наличного состояния. М. Хардт и А. Негри наделяют множество, новую реальность, пришедшую на смену народу, способностью противостоять имперскому универсальному порядку и связывают с множеством возможность нового, демократического, но также универсального мирового порядка. Этот новый мировой порядок – основное отличие неомарксистской концепции от либеральной. Структура мира, организованного как ряд «больших политических пространств», представленная в теории К. Шмитта, рассматривается в статье как единственная существующая теоретическая альтернатива.

* © К. Г. Мальцев, Л. Л. Ломако, 2020.

Область применения результатов: Идеологические и политические споры (и упорная политическая борьба, вплоть до «гибридных войн») есть реальность, нуждающаяся в теоретическом (научном) и философском осмыслении (философском в той степени, в какой речь идет именно о выборе и решении, находящихся вне компетенции «позитивной науки» и научных теорий).

Выводы: Перманентная война (в настоящее время – как антитеррористическая война) – естественное состояние имперского мирового порядка. Порядок «больших политических пространств» не исключает войну как способ решения противоречий между такими пространствами (империями), но сберегает «конвенциональную войну» (по правилам). Глобальная империя необходимо отказывается от такой ограниченной войны в пользу возрождаемого концепта «справедливой», то есть тотальной войны, со всеми ее (перечисленными и не перечисленными в статье) атрибутами: криминализация и моральная дисквалификация противника как преступника; полицейский порядок как единственно возможный и легитимный порядок империи.

Ключевые слова: Империя; «большое политическое пространство»; легитимность; суверенитет; тотальная война; справедливая война; антитеррористическая война.

Imperial Legitimacy and Anti-Terrorism Warfare

Maltsev Konstantin Gennadevich – Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Department of Theory and Methodology of Science, Professor, Doctor of Philosophy, Professor, Belgorod, Russia.

Email: maltsevaannav@mail.ru

Lomako Leonid Leonidovich – Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Department of Theory and Methodology of Science, postgraduate student, Belgorod, Russia.

Email: parmenid@bk.ru

Abstract

Background: The study of the new world order, most often defined as the imperial order, is carried out in three main directions. Firstly, the neo-Marxist tradition, represented primarily by M. Hardt and A. Negri, considers imperial sovereign power to be the natural result of the processes of economic, social, cultural, political transformations during the last 30 years. Secondly, the liberal concept of empire (for example, D. Lal) does not differ from the neo-Marxist one mentioned above up to a point. Thirdly, the theory of large spaces by C. Schmitt considers it necessary not a global and universal imperial order, but several orders, neighboring and interacting with one another, and can serve as a theoretical basis for the concept of a “multipolar world”, in contrast to all varieties of the concept of “globalization”.

Results: The structure of the imperial order, the method of legitimation, permanent war (as anti-terrorism war) as a permanent and normal way of this order existence are the main elements of the concept of M. Hardt and A. Negri. Their

position implies the need to overcome the present state. M. Hardt and A. Negri endow the multitude, a new reality that has replaced the people, with the ability to resist the imperial universal order and associate with the multitude the possibility of a new, democratic, but also universal world order. This is the main difference between the neo-Marxist concept and the liberal one. The structure of the world, organized as a series of “large political spaces”, presented in the theory of C. Schmitt, is considered as the only theoretical alternative developed.

Implications: Ideological and political disputes (and a stubborn political struggle, up to “hybrid wars”) are reality that needs theoretical (scientific) and philosophical reflection – philosophical to the extent that it is about the choice and decision that are outside the competence of “positive science” and scientific theories.

Conclusion: Permanent war (now known as anti-terrorism war) is a natural state of the imperial world order. The order of “large political spaces” does not exclude war as a way to resolve the contradictions between such spaces (empires), but saves a “conventional war” (according to the rules). A global empire rejects such a limited war in favor of the resurgent concept of “fair”, that is a total war, with all its attributes: criminalization and moral disqualification of the enemy as a criminal; police order as the only possible and legitimate order of the empire.

Keywords: Empire; “Large political space”; legitimacy; sovereignty; total war; fair war; anti-terrorism war.

Кризис суверенитета национальных государств признается практически всеми исследователями; современное состояние, все чаще определяемое как война, не отменяет, но, напротив, усиливает потребность в легитимации нового, теперь глобального, порядка (иначе война будет длиться бесконечно); источники и способы легитимации могут полагаться наличествующими, или их только предстоит создать (крайние случаи; прагматичность склоняет нас предполагать, что в действительности следует ожидать смешения имеющихся и заново сконструированных источников легитимности); глобальный порядок не может не быть суверенным. Глобальный суверен не может иметь законного врага, значит, любое сопротивление будет квалифицироваться как бунт или терроризм и антитеррористическая война будет (и уже является, кстати) перманентным состоянием нового порядка – по крайней мере, до тех пор, пока будут сопротивляющиеся ему (политический реализм заставляет признать, что всегда), то есть такая война – не случай, но необходимость (случайной является ее интенсивность). Задача нашей статьи – представить некоторые влиятельные интерпретации ситуации, кратко описанной выше (мы прекрасно сознаем при этом, что само предложенное описание вполне зависимо от «интерпретаций», которые нам предстоит здесь рассмотреть).

Собственно говоря, все известные нам теории укладываются в две основные модели. Первая – либеральная/демократическая модель глобальной империи (не «либеральная» и не «демократическая» империя!). Здесь наиболее показательными вариантами (из последних) являются описания, предложенные, во-первых, М. Хардтом и А. Негри в книге «Империя» [см.: 1] (2000 год,

демократическая и даже марксистская), и, во-вторых, «чисто либеральный» вариант Дипака Лала, предложенный в книге «Похвала империи» [см.: 2] (2004 год). Вторая, единственная связная концепция многополярного мира, и это следует признать, предложена К. Шмиттом [см.: 3] в его «порядке больших пространств», которые он именуется «рейхами», то есть тоже империями, но своим «множеством» сохраняющими фундаментальное для «состояния мира» (в противоположность войне) различие «внутреннего» и «внешнего» (и со своим порядком легитимации на уже наличествующих основаниях), концепция, значение которой далеко выходит за пределы конкретно вызвавшей ее появления ситуации (можно, конечно, как это часто делается, не упоминать Шмитта, тем более не пользоваться его табуированной терминологией, но это не добавит ясности, хотя выиграет в благонадежности и политкорректности; Шмитт до настоящего времени является крупнейшим специалистом по теории политического пространства, с этим приходится все больше считаться даже его непримиримым идейным врагам, что подтверждается переизданием его работ и нарастающим потоком публикаций, претендующих на «объективный», а не только «разоблачающий», анализ его теорий). В-третьих, к обозначенным направлениям изучения «современного имперского порядка» следует добавить работы авторов, выдвигающих конструкции «общей теории империи» (Мюнклер [см.: 4], Каспэ [см.: 5], если называть только современных).

В данной статье мы предполагаем рассмотреть лишь один аспект «современного имперского порядка»: необходимо сопутствующую ему антитеррористическую войну и, косвенно, некоторые способы нейтрализовать эту необходимость в процессе легитимации империи. При этом следует иметь в виду, что шмиттовская теория «больших пространств» – единственная, исключая по сути тотальную «антитеррористическую войну», сохраняя войну «оберегаемую правом» (и локальные революционные, гражданские войны; есть основания полагать, что сам Шмитт [см.: 6], оценивая ситуацию, сложившуюся после мировой войны, считал «порядок рейхов» упущенной возможностью, и тогда гражданская или революционная война, о которой говорил Шмитт, есть просто другое название современной антитеррористической войны, ее «ранний этап»; актуальной теорию Шмитта делает заявленное стремление некоторых сильных игроков к многополярному миру, в том случае, конечно, если не считать его возможность утопичной, а заявку на него – одним из моментов торга по распределению власти и доходов в рамках глобальной империи).

Как известно, М. Вебер [см.: 7] определил три идеальных типа легитимности: традиционную, харизматическую и легалистскую (иногда они называются иначе, мы приводим общеизвестные «школьные» названия); идеальный тип есть методическое упрощение, рационализация, абсолютизация односторонности, содержит существенный телеологический момент; в «действительности» мы всегда имеем «смещение», «в целом» определенное «преимущественно» одним из названных типов. К. Шмитт [см.: 8, с. 171] назвал

четыре основных «чистых» типа государственной формы¹: государство законодательства, государство юрисдикции, государство правления, государство администрации. Между идеально-типическими способами легитимации и чистыми формами государства также нет «идеального», однозначного соответствия.

Современная глобальная империя «более всего» соответствует государству администрации (если начать наше рассмотрение с концепции М. Хардта – А. Негри), которое Шмитт определяет так: «Можно представить и такое государство, в котором повеление и воля не исходят от личности, наделенной верховной властью, не являются простым претворением в жизнь ранее принятых высших норм, а представляют собой лишь сугубо конкретные предписания; таково государство администрации, в котором правят не люди, не законодательные нормы, воспринимаемые как нечто высшее, но, согласно знаменитой формуле, “вещи управляют сами собой”» [8, с. 174]. Шмитт, когда писал эту работу, считал такую картину утопичной, но полагал, что «государство администрации все-таки мыслимо, и его отличительной особенностью является конкретная мера, обусловленная только реальным положением дел, принятая в связи с конкретной ситуацией и обоснованная практической целесообразностью» [8, с. 174], – краткое и точное определение, подытоживающее (максимально полно для дефиниции) то существенное, что писали о форме современной империи М. Хардт и А. Негри (которые на Шмитта в этой связи не ссылаются). Специально вопрос о соответствующем данной государственной форме способе легитимности в литературе не рассматривался; однако в книге «Империя» много места уделено способам легитимации имперского мирового порядка.

Империя есть принципиально новая форма господства, она не принадлежит тому, что получило название Модерн [1, с. 143], – это временная локализация империи. У нее есть и другая локализация; М. Хардт и А. Негри пишут: «Сегодняшняя идея империи родилась благодаря глобальной экспансии собственного, исходно рассчитанного на внутренние условия конституционного проекта США. Фактически именно через расширение сферы действия внутренних конституционных процессов начинается процесс конституирования Империи» [1, с. 174]. Таким образом, мы имеем дело не с «империей вообще», но с уже вполне определенной империей, тем самым безусловно выигрывая в плане «научности», «позитивности». Несколько опережая изложение, приведем еще и третий, существенным образом еще более «конкретизирующий» образ Империи, ее характерный признак (здесь Хардт – Негри не согласятся). Авторы книги пишут: «С окончанием “холодной войны” Соединенные Штаты были призваны гарантировать сложный процесс формирования нового наднационального права и придать ему юридическую

¹ Для Европы; вопрос о том, выработаны ли рядоположенные названным формы государства вне Европы, как и вопрос, можем ли мы назвать не-европейские политические формы «государствами», является дискуссионным до сих пор; следует лишь учитывать экспансию европейских форм по всему миру: включение в «мировое сообщество» до сих пор обусловлено «признанием», в том числе, критерием является «реализация» европейской формы государства.

эффективность. Так же, как в первом веке христианской эры римские сенаторы просили Августа ради общественного блага принять имперские полномочия, также и сегодня международные организации (ООН, международные финансовые и даже гуманитарные организации) просят Соединенные Штаты взять на себя главную роль в Новом мировом порядке» [1, с. 173]. Авторы настоятельно подчеркивают, что «призывы являются реальными и весомыми» [1, с. 173], что «американские военные, даже против своей воли, должны были бы во имя мира и порядка ответить на вызов» [1, с. 173], что «наднациональные органы призывают США к активной деятельности, направленной на реализацию суммы четко сформулированных юридических и организационных инициатив» [1, с. 173]. Здесь дело не в том, что подобного рода призывы можно организовать (есть несколько разработанных для этого технологий, «оранжевые революции», например; или, из самого последнего времени – события в Венесуэле, когда легитимно избранного и контролирующего территорию президента можно «не признать» на основе призывов не важно кого именно), но прежде всего в том, что классическое понятие суверенитета устанавливает: суверен вне и над устанавливаемым им правом. Широчайшая практика «признания» или «непризнания» («не вхождения», «исключений», «неприменимости для граждан США» и т. п.) международного права и организаций, обязательных для всех остальных, применяемая США (не «случайно», но вполне «тотально») показывает, что имперский суверенитет едва ли существенно отличается (на чем настаивают Хардт – Негри) от «классического». Наконец, для интерпретации теории Империи Хардта – Негри необходимо удерживать перспективу борьбы с Империей: «Сегодня быть республиканцем означает прежде всего бороться изнутри, возводя контримперские конструкции на гибридной, меняющейся территории Империи» [1, с. 206]; М. Хардт и А. Негри позиционируют себя не просто демократами, но даже марксистами, и, конструируя теорию Империи, они создают не «апологию», но «критическую теорию». Таким образом, мы получили необходимые «рамки» для анализа концепции современной универсальной глобальной империи.

Империя есть «мировой порядок», и «порядок этот выражен в виде правовой структуры» [1, с. 19]; он возник на основе глобального рынка в связи с неспособностью национальных государств обеспечить его функционирование, «даже наиболее сильные национальные государства не могут далее признаваться в качестве верховной и суверенной власти ни вне, ни даже в рамках собственных границ» [1, с. 11]; кризис «старого порядка» национальных суверенитетов был, если верить Хардту – Негри, перманентным со времени его установления после Вестфальского мирного договора 1648 года [1, с. 20]. Но это не означает «элиминирование» суверенитета. «Ослабление суверенитета национальных государств вовсе не означает, что суверенитет как таковой приходит в упадок» [1, с. 11]; основная гипотеза состоит в том, «что суверенитет принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления. Эта новая глобальная форма суверенитета и является тем, что мы называем

Империей» [1, с. 11–12]; «переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму, Империя не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это – децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы. Империя управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменов посредством модулирования командных сетей» [1, с. 12]. Ни одно государство не способно стать центром империалистического проекта; но исторически США (авторы описывают эту историю, но об этом позже) являются фактически центром проекта имперского (в силу своего устройства и по факту победы в «холодной войне»; потому, что имеют средства для того, чтобы выполнять функции всемирного полицейского). Империя, для авторов цитируемой книги, не метафора, но понятие, которое предполагает «главным образом теоретический подход» [1, с. 14]. Идея империи определяется тремя основными характеристиками. Во-первых, империя не имеет границ в пространстве и времени, «ее владычество не знает пределов. Первое и самое главное в концепции Империи – это утверждение системы пространственной всеобщности, то есть по сути, власти над всем “цивилизованным” миром. Никакие территориальные границы не ставят пределов этой власти» [1, с. 14]; «Империя выхолащивает время, лишает историю ее временного измерения и помещает прошлое и будущее в рамки собственного этического порядка. Иными словами, Империя представляет свой порядок как постоянный, извечный и необходимый» [1, с. 26]; империя представляет свой порядок не как завоевание, но «скорее как порядок, который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда закрепляет существующее положение вещей. С точки зрения Империи, нынешнее положение вещей будет существовать всегда и ему всегда было предназначено быть таким. Империя представляет свое владычество не как преходящий момент в движении истории, а как способ правления вне каких бы то ни было временных рамок и в этом смысле – вне истории либо как конец истории» [1, с. 14]. Во-вторых, Империя универсальна не только в пространстве и времени, но «владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира. Империя не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет. Она не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой. Объектом ее контроля является общественная жизнь в ее целостности, и таким образом Империя представляет собой совершенную форму биовласти» [1, с. 14].

Мы считаем возможным опустить вопрос о «формах», подготовивших нынешнее торжество имперского порядка (ООН, международные неправительственные организации, МВФ, Всемирный банк, международные суды разного уровня и компетенции, торговые организации и т. п.), ставшее основой имперской инфраструктуры; достаточно сказать, что, по утверждению

авторов, «в неоднозначном опыте ООН правовое понятие Империи начало обретать форму» [1, с. 22]; также цели нашей статьи не предполагают останавливаться на теоретических и идеологических «провозвестиях» имперского устройства (называются, например, теория международного права Кельзена, неокантианца по своей методологии, авторы об этом не упоминают; на разработку Гоббсом и Локком «монархической» и «либеральной» соответственно форм государственного устройства; на «теории универсальной демократии» Спинозы и т. д.), и перейти сразу к вопросу об устройстве имперского порядка, способе его легитимации и связанным с этим непосредственно вопросам сопротивления империи, только тем из них, против которых и была объявлена антитеррористическая война.

Современная Империя – новая парадигма, как выражаются авторы, и потому не может определяться «только негативно»: «Следует избегать определения перехода к Империи в одних лишь негативных терминах, то есть терминах того, чем она не является, что, к примеру, происходит, когда говорят: новая парадигма характеризуется окончательным упадком суверенных национальных государств, дерегулированием международных рынков, концом антагонистического противоборства между государствами и так далее» [1, с. 28]. В теории новая парадигма, утверждают авторы, может быть представлена как «соединение теории систем Н. Лумана [см.: 13] и теории справедливости Д. Ролза [см.: 14]» [1, с. 28].

Структурная логика имперского порядка (и здесь как раз проявляется опора авторов на теорию систем Лумана) на практике может быть определена как «правление без правительства» [1, с. 28] и описывается так: «В глобальном порядке доминирующую позицию занимает системная тотальность, решительно порывающая со всякой предшествующей диалектикой и устанавливающая интеграцию акторов, которая кажется линейной и спонтанной. Однако в то же самое время эффективность консенсуса под эгидой верховной власти в рамках устанавливающегося порядка оказывается более чем когда-либо очевидной. Все конфликты, все кризисы и разногласия успешно способствуют процессу интеграции, вызывая ко все большей централизации власти. Мир, спокойствие и прекращение конфликтов являются как раз теми ценностями, на достижение которых все и направлено. Развитие глобальной системы (в первую очередь, имперского права) кажется развитием машины, устанавливающей процедуры непрерывной выработки и реализации договоренностей, ведущих к достижению системного равновесия – машины, создающей постоянный запрос на власть. Эта машина предопределяет условия осуществления власти и действия во всем социальном пространстве. Любое движение фиксировано и может найти предназначенное ему место только внутри самой системы, в соответствующих ей иерархических отношениях. Это предзаданное движение определяет реальность процесса становления имперского мирового порядка – новой парадигмы» [1, с. 28]. Таким образом, механизм имперского господства составляют «три различные движущие силы, три момента: один – включающий, другой – дифференцирующий и третий – момент управления» [1, с. 188]. Первый момент, «либеральный облик

Империи», означает, что «все желанны в пределах ее границ безотносительно к расе, вероисповеданию, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации и так далее. В своем включающем аспекте Империя слепа к различиям; она абсолютно нейтральна к ним» [1, с. 188]. Публичное пространство нейтралитета делает возможным «установление и легитимацию универсального понимания права, формирующего ядро Империи» [1, с. 188]. Однако авторы указывают и на «оборотную сторону», «пренебрежение различиями означает в действительности выхолащивание потенциала различных составляющих империю субъективностей» [1, с. 188], то есть нейтрализуют творческий потенциал множества (на которое, повторим, авторы возлагают освободительные надежды). Здесь же следует еще раз сказать и о том, что в этом «благожелательном универсализме», до настоящего времени, по крайней мере, есть исключение: американские граждане имеют иммунитет в отношении «универсального понимания права». «Миролюбивый порядок», по которому «без значительного сопротивления или конфликта скользят субъективности» [1, с. 189], помимо названного, имеет еще несколько «исключений», именно тех, против кого ведется война. Второй, дифференцирующий, момент «предполагает утверждение различий, принятых в имперской реальности» [1, с. 189]; «если с юридической точки зрения различия должны быть отброшены, то с точки зрения культуры они, напротив, приветствуются» [1, с. 189]. Такие различия не только «не разрушают важнейшие скрепляющие звенья общности или всеохватывающий консенсус» [1, с. 189], но, напротив, делают множество управляемым. Авторы утверждают, что «Империя не создает различий. Она берет то, что ей дают, и работает с этим» [1, с. 189]. Знают они и о старом имперском принципе «разделяй – и властвуй» [см.: 1, с. 191], но полагают, что к Империи это отношения не имеет, хотя и признают, что тактика, основанная на этом принципе, широко и успешно применялась на «других уровнях» еще до времени Империи (например, поддержание многонациональных составов рабочих промышленных предприятий, чтобы противоречия и простое непонимания между ними не позволили им вести согласованную борьбу с работодателем/собственником; применяется она и на южноамериканских плантациях до настоящего времени, и тоже успешно). Вообще, Империя – враг фиксированных идентичностей и всячески споспешествует их «размыванию», ее идеал – меньшинства. Третий момент, управление и «иерархическое структурирование этих различий в общую экономику господства» [1, с. 189] как раз и основывается на разрушении «чистых, обособленных идентичностей» [1, с. 189] и основывается «на потоках движения и смешения» [1, с. 189]. В общем, ссылаясь на исследования М. Фуко, авторы утверждают, что империя есть «порядок контроля», в противоположность предыдущему «дисциплинарному обществу» [1, с. 35]. Общество контроля «формируется на заре современности и развивается, двигаясь к периоду постсовременности, общество, где механизмы принуждения становятся еще более “демократическими”, еще более имманентными социальному полю, распространяясь на умы и тела граждан» [1, с. 36]; «практики социальной интеграции и исключения, свойственные

системе управления, все более и более становятся внутренней сущностью самих субъектов. Теперь власть осуществляется посредством машин, которые напрямую целенаправленно воздействуют на умы (посредством коммуникационных систем, информационных сетей и так далее) и тела (через системы соцобеспечения, мониторинг деятельности и тому подобное), формируя состояние автономного отчуждения от смысла жизни и творческих устремлений» [1, с. 36]. Таким образом, общество контроля «характеризуется интенсификацией и генерализацией аппаратов дисциплинарной нормализации, которые служат внутренней движущей силой наших повседневных практик, но, в отличие от дисциплины, этот контроль распространяется далеко за пределы структурного пространства социальных институтов, действуя посредством гибких и подвижных сетей» [1, с. 36]. В Империи завершился процесс «смены парадигмы суверенитета» «парадигмой правления» (М. Фуко), где «под суверенитетом подразумевается наличие единого центра власти, возвышающегося над социальным полем, а под правлением – общая система дисциплины, пронизывающей все общество» [1, с. 92–93] и осуществляется переход к «обществу контроля», универсализирующему и интернизирующему, снимающему все «внешнее» во всех областях (здесь опять имеет объясняющее значение концепт «биополитики» М. Фуко).

Машина не имеет никакого отношения к «справедливости» (к морали, ценности и т. п.); Империя претендует на установление мира и на установление порядка, основанного на ценности и справедливости. Это – один из двух основных источников ее легитимации. Здесь авторы полагают нужным ориентироваться на теорию справедливости Д. Ролза, хотя нигде не поясняют, что именно из этой теории дает основание для понимания и интерпретации порядка империи. Вообще же имперский порядок имеет два источника легитимации: машину (сила и эффективность) и ценности, от имени которых он действует, то есть ведет войну. Поскольку легитимация через ценность находится в прямом и непосредственном отношении к справедливой войне (основному предмету нашего рассмотрения), то первоначально обратим внимание на «машинную легитимацию» (так ее иногда именуют сами авторы книги).

По утверждению Хардта – Негри, проблема «легитимации начала рассматриваться в терминах машины управления» [1, с. 102] достаточно давно, именно с того времени, когда в школе естественного права (с XVII века, здесь в качестве авторов упоминаются Гроций, Томазий, Пуффендорф) «трансцендентальные образы суверенитета были спущены с небес на землю и укоренены в реальности институциональных и административных процессов» [1, с. 102]; имперская ситуация является в этом отношении завершением определенной традиции. Способность разрешать конфликты «машинной», о которой мы уже писали, ведет к «концептуальной неотделимости права на власть от ее осуществления» [1, с. 19] и «с самого начала утверждается как априори системы» [1, с. 19]: «машина сама себя легитимирует и воспроизводит, то есть является аутопойетической или системной» [1, с. 45]. Важнейшим способом легитимации имперской машины (и местом ее происхождения)

является «индустрия коммуникаций» [1, с. 45]. «В этом совпадении производства посредством речи, лингвистического производства реальности и языка собственной легитимации и лежит главный ключ к пониманию действенности, юридической силы и легитимности имперского права» [1, с. 45–46]. В общем, это «форма легитимации, которая основывается только на себе самой и непрерывно воспроизводится, развивая собственный язык самоподтверждения» [1, с. 45]. На старом языке метафизики это называется «свободой», или «автономностью», или «суверенностью» воли; внешнее проявление воли называется силой, и вполне закономерно, что (не имея в виду этого «порядка аргументации», и не выводя свое следующее утверждение из приведенных нами выше) авторы отмечают: «Фактически легитимность новой власти отчасти опирается непосредственно на эффективность использования силы» [1, с. 46]; «власть в Империи осуществляется посредством силы, и все те инструменты, которые гарантируют ее эффективность, уже очень развиты технологически и прочно закреплены политически» [1, с. 46]. Эффективность применения силы имеет «обратный эффект» обоснования и легитимации ее применения (почти «победителей не судят»). Однако «империя создается не только на основе одной лишь силы, но и на способности представить эту силу залогом права и мира» [1, с. 29]; здесь мы должны перейти к «справедливости» имперского порядка, легитимируемого ценностями. Еще одно замечание, относящееся к сказанному: голая сила должна облечься в подобающую «юридическую форму». «Легитимация имперского порядка не может основываться на простой эффективности правовых санкций и способности применить их с помощью военной силы. Она должна развиваться посредством производства международных юридических норм, утверждающих власть актора-гегемона на прочном и правовом основании» [1, с. 172]; это право основывается не на «договоре», но есть «идея права, предполагающая существование верховной власти, легитимного наднационального двигателя юридического процесса» [1, с. 173]. Авторы не дают однозначного ответа на вопрос, кто это может быть и кто, если империя уже существует, таким «легитимным двигателем» уже является (международные организации во главе с ООН таковыми быть не могут, их значение в этом отношении снято появлением Империи). Но то, что Хардт и Негри пишут о конституции США, о роли США в становлении Империи, о «процессе расширения» американской конституции (мы уже приводили соответствующие их высказывания) показывают, в каком направлении следует вести поиск этого «легитимного двигателя».

Второй «порядок легитимации» Империи отсылает к «общечеловеческим» и «универсальным» ценностям, которые реализуются (противоречиво, никогда «до конца», лишь «относительно прежнего состояния») имперским порядком. Ссылка на историю (на Римскую империю) носит вспомогательный характер, но тем не менее открывает для современного имперского порядка перспективу (не «временную» или «пространственную» – империя универсальна и вечна, но «эсхатологическую»: несмотря на то, что она вся без остатка «по эту сторону», но в процессе повествования у авторов

периодически появляются ссылки и на «Град Божий» Августина, и на традицию миллениаризма, Иоахима Флорского), выполняющую не только роль аргумента «ad hominem»: «Понятие Империи соединило правовые категории с универсальными этическими ценностями, определив их существование в качестве органического целого. Этот союз постоянно присутствовал в понятии Империи, несмотря на все превратности истории» [1, с. 25]. Главное для авторов, конечно, то, что «всякая правовая система представляет собой своего рода кристаллизацию определенной совокупности ценностей, поскольку мораль является составной частью субстанции, лежащей в основе любой системы права, но особенность Империи состоит в том, что она доводит совпадение и универсальный характер этического и юридического принципа до предела: Империя – это мир и гарантии справедливости для всех народов. Идея Империи предстает в образе глобального оркестра под управлением одного дирижера как единая власть, которая сохраняет социальный мир и производит этические истины» [1, с. 25]. Для этого власть наделена силой, чтобы вести «справедливые войны»: «на границах – против варваров, и внутри – против бунтовщиков» [1, с. 25]. Итак, ценностная легитимация имперского порядка не просто предполагает, но обязывает взять на вооружение концепцию «справедливой войны»; авторы отмечают возрождение интереса к ней [1, с. 26–27] в наше время. В Новое время попытались отделаться от этого средневекового концепта не в последнюю очередь потому, что известная тогда форма справедливой войны – религиозная война – опустошавшая Европу в XVI и XVII веках произвела на современников страшное впечатление и долго помнилась еще многим поколениями европейцев. Справедливая война отличается тем, что криминализирует противника (он не враг, а преступник, и даже святотатец), не различает собственно воюющих и население (враги все), является по своей сути тотальной войной. Однако современный имперский порядок предполагает утверждение всеобщего мира и справедливости, и тем самым берет на вооружение этот концепт, причем преобразуя его в сторону еще большей «универсальности». Две характеристики справедливой войны, «с одной стороны, война низводится до статуса простой полицейской акции, с другой стороны, происходит сакрализация новой власти, которая может посредством войны легитимно исполнять этически обоснованные функции» [1, с. 27], – развиваются еще дальше: «Сегодняшнее понятие справедливой войны отмечено несколькими поистине принципиальными новшествами» [1, с. 27]. Во-первых, она «перестает быть практикой защиты или сопротивления» [1, с. 27], хотя бы только на словах, но «становится деятельностью, которая оправдана сама по себе» [1, с. 27], во-вторых же, она становится постоянным, «нормальным» состоянием: чрезвычайное положение и связанные с ним процедуры есть нормальное состояние империи; Хардт – Негри даже пишут о наличии характерной для Империи «парадигмы легитимации, основанной на постоянном чрезвычайном положении и полицейских мерах» [1, с. 49]. Причин этому несколько.

1) Империи просто не с кем заключать мир. С преступниками в переговоры не вступают, тем более что «чаще всего врагов называют

террористами, что являет собой грубую концептуальную и терминологическую редукцию, коренящуюся в полицейской ментальности» [1, с. 48], причем «сегодня враг, как и сама война, одновременно «банализируется (низводится до уровня обычных полицейских репрессивных мер) и абсолютизируется (как Враг, абсолютная угроза моральному порядку)» [1, с. 27]. Но ведь порядок империи и есть по определению полицейский порядок: Империя есть полицейское государство, в котором «чрезвычайное положение и полицейские методы составляют прочное ядро и центральный элемент нового имперского права» [1, с. 38]. Авторы считают верным, хотя и недостаточным, «определение формирующейся имперской власти как науки управления порядком, основанной на практике справедливой войны в целях разрешения непрестанно возникающих чрезвычайных ситуаций» [1, с. 32], «юридическое право на применение чрезвычайного положения и возможность использования полицейских сил являются двумя изначальными координатами, определяющими имперскую модель власти» [1, с. 31]. Право полиции, как пишут авторы, просто следует из чрезвычайного положения; если оно постоянно, то «соответственно, мы можем увидеть изначальный неявный источник имперского права в действиях полиции и в ее способности к установлению и поддержанию порядка. Легитимность имперского порядка служит обоснованием использования полицейской власти, и в то же самое время действия глобальных полицейских сил демонстрируют реальную эффективность имперского порядка» [1, с. 31]. То есть мы имеем фигуру «самообоснования» имперской власти через справедливую войну.

2) «Вопрос о справедливости и мире в действительности решен не будет: мощь нового имперского устройства никогда не найдет своего воплощения в консенсусе, который будет принят массами» [1, с. 34]; «Империя рождается и существует как кризис» [1, с. 34]. То есть заявленное содержание имперского порядка, справедливость, недостижима в принципе в этой «форме»; легитимность, основанная на имперском праве как «высшем синтезе» формального права и морали, таким образом, есть «эффект идеологии», который, впрочем, при «обществе контроля», как его, вслед за Фуко, описывали Хардт – Негри, не имеет границы во времени.

3) Если второе обстоятельство относилось скорее к «содержанию» имперского порядка, то третье – к его форме. Имперская форма всегда находится в состоянии перехода. Хардт и Негри пишут, что способом существования империи является разложение потому, что это, согласно авторам концепции, оказывается «бессубстанциальной формой»; империя определяется как «паразит»: «Массы являются реальной производительной силой нашего социального мира, тогда как Империя оказывается просто аппаратом захвата, существующим лишь за счет витальности масс. Империя – это, как сказал бы Маркс, паразитическая власть накопленного мертвого труда, озабоченная лишь тем, чтобы выжать побольше крови из труда живого» [1, с. 70]; «в то время как власть заявляет о себе как о наднациональной силе, она выглядит лишенной какой-либо реальной опоры, или, скорее, ей не хватает мотора, движущего ее вперед. Таким образом, господство биополитического

контекста Империи нужно рассматривать в первую очередь как машину на холостом ходу, машину, рассчитанную на внешний эффект, машину – паразит» [1, с. 70].

Наконец, разложение, смешение есть просто способ существования Империи: «Мы считаем разложение скорее не случайностью, но необходимостью. Или, точнее, Империя требует, чтобы все отношения были случайными. Имперская власть основана на разрыве всякого ясно установленного онтологического отношения. Разложение есть просто знак отсутствия любой онтологии. В онтологическом вакууме разложение становится необходимым, объективным. Имперский суверенитет расцветает на преумножении противоречий, которые порождаются разложением; он стабилизируется своей нестабильностью, своими примесями и смешением; он успокаивается паникой и беспокойством, которые он постоянно порождает. Разложение является именем вечного процесса перемен и метаморфоз, антифундаментальным фундаментом, деонтологическим способом бытия» [1, с. 192].

Империя универсальна (не имеет границ в пространстве и времени, как было сказано); «в переходе от современности к постсовременности и от империализма к Империи различие между внутренним и внешним постепенно уменьшается» [1, с. 178]. Снятие границы между «публичным и приватным» [1, с. 179], определяющей для классического либерального понимания политики, и «суверенных границ» национальных государств вместе с претензией Империи на установление не просто политического, но морально-политического порядка лежит в основании «права на вмешательство» (которое уже нельзя определять понятием «интервенции»): «право на вмешательство» рассматривается как одно из «базовых» в новом имперском праве. Требование «справедливости», исходящее от наднациональных институтов разного уровня и профиля («эти организации стремятся выделить всеобщие потребности и защитить права человека. В их риторике и действиях враг сначала определяется как нужда, недостаток, лишения, и своей деятельностью они стремятся защитить людей от чрезмерных страданий, а затем признается, что враг – это грех» [1, с. 47]) универсализируется как «право» империи вмешиваться везде, где обнаружится угроза новому имперскому порядку, таким образом, что «моральное вмешательство становится передовым отрядом сил имперской интервенции» [1, с. 47]; «моральное вмешательство часто служит первым актом, готовящим сцену для военной интервенции» [1, с. 48]. Это есть один из «аспектов» ставшей перманентной «справедливой войны»: «Справедливая война находит эффективное подкрепление со стороны “моральной полиции” подобно тому, как действенность имперского права и его легитимное функционирование поддерживаются необходимым и постоянным применением полицейской власти» [1, с. 48]. А поскольку «любой мятеж, любое восстание, врывающееся в порядок имперской системы, вызывает потрясение всей системы в целом» [1, с. 69], что предполагается «сетевой» природой имперского порядка, то «в наши дни американским идеологам все сложнее назвать одного, главного врага; скорее, кажется, что многочисленные и

неуловимые враги находятся повсюду» [1, с. 181], и, как мы сказали (вслед за Хардтом-Негри), их вместе квалифицируют как террористов. *Антитеррористическая война есть современное название справедливой войны как постоянного состояния имперского порядка, одновременно способ его функционирования и легитимации.*

По Хардту – Негри, «субстанциональным» противником Империи являются массы, которые одновременно, как мы видели, есть, по определению авторов, «субстрат» самой Империи (ее «подлинное содержание» – универсализация производства как воспроизводства, глобальный рынок, которые тоже фундируются новым характером «множества», массы, – эти вопросы не входят в горизонт нашего рассмотрения в данной статье). Однако они, массы, не «опознаются» как подлинные враги (может быть еще и потому, что лишены любой репрезентации, а враг должен быть «представлен»). Враг, то есть преступник, – любой, угрожающий имперскому порядку, суверенитету; сегодня «представленными» оказываются два основных врага. Во-первых, то, что получило название «фундаментализма» в идеологии и, соответственно, социальные группы, которым он «приписывается»; особую «привилегию» здесь получил (в силу причин, которые не входят в предмет нашего анализа) «исламский фундаментализм» и «терроризм»: против него, собственно, и объявлена в 2001 году «антитеррористическая война». Во-вторых (авторы книги знают об этих врагах; как «природные» враги имперского порядка они являются и «врагами» тех сил, от имени которых выступают сами Хардт – Негри), это национальные суверенные государства, имеющие активную или пассивную возможность сопротивляться включению в имперский порядок. Первые – собственно квалифицируются как «террористические государства» (время от времени, пока имеют возможность нанести Империи «неприемлемый ущерб», и «окончательно», когда эту способность утрачивают: Иран, Северная Корея, во время ослабления – Россия; чаще используется термин «государства-изгои»); вторые – так называемые «несостоятельные государства»: речь идет о тех странах третьего мира (в основном, в Африке), которые после распада колониальной системы так и не смогли стабилизироваться, то есть эффективно осуществлять суверенитет в своих границах. Те и другие – «законный» объект интервенции.

К «государствам-изгоям» и «несостоятельным государствам» мы еще вернемся в конце нашего рассмотрения антитеррористической войны. Что же касается фундаментализма, одному из вариантов которого была, собственно, объявлена антитеррористическая война, то Хардт – Негри обращают на него особенное внимание (книга писалась и была опубликована до 2001 года): «С момента распада Советского Союза великие идеологи геополитики и теоретики конца истории постоянно видели в различных видах фундаментализма основную угрозу мировому порядку и стабильности» [1, с. 143]. Авторы полагают, что «фундаментализм, однако, является бессодержательной и уводящей от сути дела категорией, которая сваливает в одну кучу широкий спектр различных по существу феноменов» [1, с. 143]. Неправильным является представление о том, что фундаменталистские идеологии и движения «несут

возрождение изначальных идентичностей и ценностей» [1, с. 143]; авторы полагают, напротив, что более точно и более плодотворно понимать различные виды фундаментализма не как воссоздание мира, каким он был до эпохи современности, но скорее как мощное отрицание происходящего ныне исторического перехода» [1, с. 143] и в этом смысле «различные виды фундаментализма являются симптомом перехода к Империи» [1, с. 143]. Фундаментализм определяется как антимодернизм и может быть лучше понят «не как домодернистский, но как постмодернистский проект» [1, с. 145]. Основной характеристикой исламского фундаментализма² является «отрицание современности как оружия евро-атлантической гегемонии» [1, с. 145]. Авторы подчеркивают, что «в этом отношении исламский фундаментализм является, конечно, парадигмальным явлением» [1, с. 145–146]. От постмодернистского дискурса фундаменталистский, утверждают Хардт – Негри, отличается тем, что «в значительной мере упрощая, можно утверждать, что постмодернистские дискурсы прежде всего обращены к победителям в процессе глобализации, а фундаменталистские – к проигравшим» [1, с. 146]. Следует, однако, иметь в виду, что «привилегированный преступник/террорист», каковым сейчас для Империи является исламский террорист³, есть, скорее, функция/место в системе имперского порядка, определяемое решением суверена (как бы постсовременно его ни понимать). Таковым может оказаться кто угодно: нормальность тотальной войны для имперского порядка обуславливает «нормальность» исключения (о конститутивном значении исключения для порядка, ссылаясь на Агамбена, мы говорили).

Итак, можно подвести некоторый промежуточный пока итог. *Во-первых*, следует определить, к какому из названных выше (в смысле с М. Вебера) типов легитимации (смешению идеальных типов) относится легитимация имперского порядка. Хардт – Негри последовательно не ставят этого вопроса, поскольку парадигмальность нового имперского порядка предполагает утрату значения всех понятий, определявших «прошлое» состояние мира и политики. Для нас же, не связанных столь жесткими установками, вопрос представляется не лишенным интереса. Ближе всего легитимация имперского порядка к легальному типу М. Вебера: его легитимность сродни легитимности бюрократии у немецкого социолога. Хардт и Негри в другой своей работе [см.: 9] специально задаются вопросом, из каких источников может браться легитимность международных организаций, транснациональных корпораций и т. п., и прямо утверждают, что их легитимность, производная от легитимности национальных правителей, прозрачна в тем большей степени,

² «В наши дни в прессе термин “фундаментализм” зачастую редуцирует различие социальных образований, объединяемых этим именем, и используется исключительно в отношении исламского фундаментализма» [1, с. 144]; значение легитимации имперского порядка через СМИ нами было охарактеризовано как одно из определяющих, потому подобная «редукция», правомерна она или нет «по существу», является в некотором роде «отрицательной легитимацией»: речь идет о «законном преступнике», если позволительно такое видоизменение концепта «законного врага».

³ В самом широком смысле, вместе с поддерживающей его инфраструктурой, к которой, если принимается такое решение, – принимать решения есть сущность суверена и его исключительная прерогатива, – причисляются идеологии, коммерческие и общественные организации, государства, поддерживающие террористов и тому подобное – без каких бы то ни было ограничений.

чем дальше зашел кризис национального суверенного государства и кризис политической репрезентации. Но это для авторов не суть: «машинная легитимация», как мы видели выше, полагается вполне достаточной для эффективного управления, правовых и силовых гарантий имперского порядка. *Во-вторых*, еще раз укажем, что для Империи чрезвычайное положение, антитеррористическая война есть норма, это относится к природе «имперского порядка». Имманентность имперского порядка истребительна; если воспользоваться термином Ж. Бодрийера [см.: 16] она импловивна; не имеющая предела во времени и пространстве справедливая антитеррористическая война есть «дифференциальный признак» имперского порядка, а ее завершение (если оставаться в пределах имманентности) мыслимо как импловия империи, в тот «момент», когда исчезнет пространство экспансии.

Вторую, либеральную, модель глобальной империи, можно охарактеризовать кратко, во-первых, тем, что в ней не предусмотрено «места» для антитеррористической войны (именно так: антитеррористическая война подразумевается как факт, но «выносится» за пределы теоретического анализа порядка империи; антитеррористическая война есть в этом случае такое в точном смысле конститутивное исключение, которое является «слепым пятном» теории); во-вторых, тем, что, в сравнении с моделью, предложенной Хардтом – Негри, либеральная модель «одномерна». Мы выбрали в качестве примера книгу Д. Лала [см.: 2] «Похвала империи» не просто потому, что она наиболее показательна, «репрезентативна», но и потому, что ее автор – не просто ученый-исследователь, но и функционер глобального имперского порядка. Мы имеем дело с идеологией в точном смысле: так представляет себя (самому себе и «всем») глобальный имперский порядок.

1) Империя – «естественное состояние»: «Правилом для международной системы были имперские системы» [2, с. 9].

2) Имперская система есть логическое завершение «глобализационных процессов», порядок, «необходимый для мира и процветания» [2, с. 8]. В основе империи – именно экономическая глобализация, которая есть факт, долженствующий быть признанным и облеченным в соответствующую политическую и юридическую форму.

3) Имперский порядок понимается строго как «всемирное господство» США: «Имперская роль была навязана США» [2, с. 8]; «империи возникали всякий раз, когда международное анархичное сообщество государств уступало место державе, располагающей экономическими и военными средствами для утверждения своей гегемонии» [2, с. 14].

Книга доказывает, что «со времен падения Римской империи никакая другая имперская держава не обладала потенциалом, сопоставимым с тем, которым располагают сегодня США» [2, с. 14]. Четвертое. Имперский порядок (как и у Хардта – Негри) представляет собой осуществленный синтез права и нравственности, характеризуется как «новый международный моральный порядок» [2, с. 14], устанавливаемый США. Существенным отличием от «демократической» модели Хардта – Негри является то, что по отношению к глобальному имперскому порядку не предполагается никакой

«освободительной альтернативы»: он есть завершенный и совершенный нравственно-политический порядок. То есть, при несомненном сходстве описаний, различие можно полагать прежде всего в «модальности», и это существенно: враги такого порядка, если можно так сказать, «еще больше враги» (чем у Хардта – Негри), еще больше преступники. Антитеррористическая война, о которой не говорится, таким образом, становится «более справедливой» (более тотальной, абсолютной), что, конечно, не признается, так как, в отличие от Хардта – Негри, справедливость полагается осуществленной, а значит и война относится к области досадных фактов, а не есть принцип. О легитимации имперского порядка специального вопроса тоже не стоит; он легитимен как таковой, как справедливый порядок, как самолегитимация (впрочем, всегда наличествует ссылка на «процветание» и экономическую необходимость и эффективность: легитимация через «благосостояние», через отсылку к необходимости глобальной экономики). В политическом отношении такой способ легитимации ничтожен, но ничьего согласия и не требуется, оно предполагается как функция того же «благосостояния» и справедливости.

В 20–30-е годы XX века К. Шмитт создал теорию «больших политических пространств», единственное до сегодняшнего дня концептуальное обоснование «политической многополярности». Теория детально изложена Шмиттом в работе «Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил» [см.: 3]. Следует иметь в виду, что первая публикация работы относится к 1939 году, четвертое издание, последнее, в которое вносились правки – к 1941. Работа не могла быть свободной от условий своего времени, обстоятельства ее написания и симпатии автора, безусловно, создают предубеждение против него, некоторые высказывания считаются просто неприемлемыми, термины, как мы уже сказали, табуированы. Однако идея, изложенная в работе, сохраняет свое значение безотносительно к этим обстоятельствам, что, повторим еще раз, подтверждается широким обсуждением, все более активным в последнее время. Шмитт, безусловно, не «друг», если принять его оппозицию «друг-враг» как конститутивную для «области политического» как такового, но он в любом случае – «законный враг», то есть с ним можно спорить и к нему следует прислушиваться.

Международный порядок еще и до сих пор – это порядок суверенных государств. «Любой порядок оседлых народов, живущих вместе или рядом друг с другом, принимающих друг друга в расчет, определяется не только персонально, но является в то же время территориально конкретным порядком пространства. Необходимые элементы пространственного порядка до сих пор заключались главным образом в понятии государства, которое кроме персонально определенной сферы господства означает также, и даже в первую очередь, некоторое территориальное ограничение и территориально замкнутое единство» [3, с. 482]. Шмитт считает необходимым ввести понятие «большое пространство»: «Для нас в слове большое пространство выражается изменение представлений о пространстве Земли и самих размеров пространства Земли,

которое овладело сегодняшним всемирно-политическим развитием. В то время как “пространство” наряду с различными специфическими значениями сохраняет всеобщий, нейтральный, математико-физический смысл, “большое пространство” является для нас конкретным современным историко-политическим понятием» [3, с. 483]. Это представление о «большом пространстве» возникло не вдруг. Шмитт прослеживает его историю (подробнее не в цитируемой работе, но в книге «Номос Земли» [см.: 17], изданной уже после мировой войны), начиная с великих географических открытий, полагая и доказывая, что для современности своеобразным смысловым «центром мира» является Европа (европоцентризм есть факт права, в том числе международного права). Во-первых, сюда относятся «линии», разделяющие права на колонизацию в Новом свете, закрепленные первоначально папскими буллами; «линии дружбы» более позднего времени, разделяющие пространство ничем не ограниченной, прежде всего морской, войны, от территорий «оберегаемой войны», от собственно Европы; понятие колонии также относится к этой группе. В целом это «граница», выделяющая Европу как особую, привилегированную область правового порядка. Во-вторых, внутри Европы тоже действует порядок больших пространств. Системы европейского равновесия; региональные пакты (Антанта) до и после первой мировой войны; особый статус нейтральных держав; договоры, определяющие совместную деятельность (например, в Арктике; действуют до сих пор), – все это относится к названному случаю. В-третьих, образование больших пространств на основе Доктрины Монро (на нее вдруг стали ссылаться американские политики в 2019 году в связи с ситуацией вокруг Венесуэлы), Доктрины Вильсона (особенно в части устройства Восточной Европы после первой мировой войны; право наций на самоопределение, отнесенное в первую очередь к ситуации распада Австро-Венгерской империи); сюда же относится не имеющий названия, но действовавший полтора века «принцип безопасности коммуникаций Британской мировой империи». Вне зависимости от конкретного содержания, все перечисленное было способом «ограничивания», формирующим «большие пространства». Наконец, следует помнить также и о геополитических теориях (и их предшественниках), вводящих в научный оборот – например, представление о «естественных границах», понимаемых не только «географически». Теория «замкнутого торгового государства» И. Г. Фихте [см.: 18], или концепция американского ученого У. У. Виллоуби, которого упоминает Шмитт, введившего понятие «демографического права на землю» [3, с. 491]. Растущие народы, которым становится «мало места», например, Япония, как у названного автора, приобретает право на захват «пустой земли», причем «пустота» эта та же самая, что и пустота незаселенных западных земель в Америке (индейцы – природное явление, об этом вспоминают также и Хардт – Негри [1, с. 162–163]). Сюда же следует отнести теорию «жизненного пространства», ставшую печально известной именно в то время, когда опубликована работа Шмитта. Все это можно рассматривать как «предысторию» концепта «большого пространства» и соответствующей ему «действительности»: мы не будем подробно говорить о

методологии соотнесенности одного с другим, в данном случае это не имеет принципиального значения.

Непосредственными «предпосылками» теории «большого пространства» Шмитт считает следующие. Во-первых, Шмитт уже в 30-е годы видит, что развитие экономики (еще в ее классическом, «современном», состоянии) предполагает формирование «больших пространств»: «Возникает технико-индустриально-хозяйственный порядок, в котором преодолены изолированность малого пространства и разобщение прежнего энергетического хозяйства» [3, с. 485]; процессы, аналогичные тем, что происходят в энергетике, свойственны «народному хозяйству» (здесь имеется в виду терминология Шмоллера) как таковому. Таким образом, «большое пространство – это возникающая из обширной современной тенденции развития область человеческого планирования, организации и активности» [3, с. 486]. Во-вторых, фактом является различие народов и государств (если народ еще не создал своего государства) в силе и способности к обеспечению собственного существования. Некоторые просто не могут быть самостоятельными и должны получить гарантии извне. Среди государств существует естественная иерархия, которая «принципиально игнорировалась наукой международного права» [3, с. 534]; в политико-исторической действительности само собой разумеется всегда были ведущие великие державы; был «концерт европейских держав» и в Версальской системе «союзные главные державы» [3, с. 534]. Порядок больших пространств – простая концептуализация «того, что есть». В-третьих, история и культура обуславливают близость, или, напротив, «чуждость» различных народов и их государств, что не может без последствий (в виде войн, восстаний и т. п.) игнорироваться при структурировании политического пространства.

Шмитт утверждает, что то, что он называет «порядками рейхов» (речь у Шмитта никогда не идет об одном, Немецком рейхе), решает названные (и еще не названные) задачи по структурированию пространства.

1) В рейхе соединяются понятия порядка и местоположения [3, с. 570], то есть рейх представляет собой не «пустое», но качественно определенное пространство: «Обозначение “Рейх”, которое здесь предлагается, лучше всего характеризует международно-правовое содержание связи большого пространства, народа и политической идеи, которая определяет собой наш исходный пункт. Обозначение “рейхи” ни в коем случае не упраздняет своеобразную особость каждого отдельного из этих рейхов» [3, с. 531].

2) В концепции зафиксирована способность качественно определенного организованного пространства к самостоятельности (к автономии, то есть к свободе): «К новому порядку Земли и вместе с тем к способности быть сегодня субъектом международного права первого ранга относится огромная мера не только “естественных”, в смысле от природы сразу данных свойств, к этому относится и сознательная дисциплина, усиленная организация и способность создать своими силами и уверенно удерживать в своих руках осиливаемый только с большим напряжением человеческой силы разума аппарат современного общественного строя» [3, с. 541].

3) Рейх, по Шмитту, является политической формой, соответствующей завершению процесса становления народа (в этом отношении национальное государство можно оценивать как форму, предшествующую и несовершенную прежде всего в силу незрелости самого «субстрата» – народа). Народ «в себе» и «для себя» (каковым он стал) предполагает в качестве своей собственной политической формы рейх: «Новое понятие порядка нового международного права – это наше понятие рейха, которое исходит из движимого народом, народного порядка большого пространства. В нем мы имеем сердцевину нового международно-правового образа мысли, который исходит из понятия народа и который вполне сохраняет содержащиеся в понятии государства элементы порядка, но который в то же время в состоянии справиться с сегодняшними представлениями о пространстве и с настоящими политическими жизненными силами, который может быть “планетарным”, то есть учитывать пространство Земли, не уничтожая народы и государства и не стремясь, как империалистическое международное право западных демократий, из неизбежного преодоления старого понятия государства в универсалистски-империалистическое мировое право» [3, с. 546].

Мы видим, что понятие мирового имперского порядка было вполне известно Шмитту, и связывал он его «реализацию» именно с теми самыми акторами, к которым этот порядок относят Хардт – Негри. То есть концепция рейхов уже тогда противопоставлялась Империи. Один из главных аргументов, имеющих именно ценностную природу (это важно в связи с порядком легитимации Империи через ценность, мораль, справедливость), является сохранение историко-культурного своеобычия (оно ценно само по себе, но и «универсально ценно» как почва): «Другие необходимые сегодня понятия пространства – это в первую очередь почва, которая в специфическом смысле была бы сопряжена с народом, и потом подчиненное рейху, выходящее за пределы народной почвы и государственной территории большое пространство культурного и экономически-индустриально-организационного излучения, распространения. Рейх – это не просто увеличенное государство, так же как большое пространство – это не увеличенное малое пространство. Рейх также не тождественен большому пространству, но каждый рейх имеет большое пространство и благодаря этому возвышается как над государством, пространственно характеризуемым исключительностью своей государственной территории, так и над народной почвой отдельного народа. Властное образование без этого большого пространства, которое увенчивает государственную территорию и народную почву, не было бы рейхом» [3, с. 552]. Вообще же, по Шмитту, *imperium* «имеет зачастую значение универсалистского, охватывающего мир и человечество, то есть наднационального образования (если и не должно быть, что друг с другом могут иметься многие и разнородные империи)» [3, с. 529]; что же касается рейха, то он «определяется существенно народно и является существенно неуниверсалистическим, правовым порядком на основе уважения каждой народности» [3, с. 529]. Таким образом, определение рейха, предложенное К. Шмиттом, следующее: «Порядок больших пространств входит в понятие

рейха, которое здесь в качестве специфически международно-правовой величины нужно ввести в международно-правовое научное обсуждение. Рейхами в этом смысле являются ведущие и несущие силы, политическая идея коих распространяется в определенном большом пространстве и которые относительно этого большого пространства принципиально исключают интервенцию сил, принадлежащих чужому пространству» [3, с. 527]. В политико-правовом отношении порядок рейхов предполагает, по Шмитту, четыре основных области/уровня отношений между и внутри них (принципиальное различие внутреннего и внешнего при этом удерживается и постоянно актуализируется): «Явствуют четыре различных способа мыслимых правовых отношений: Во-первых, отношения между большими пространствами в целом, поскольку эти большие пространства, само собой разумеется, не должны быть герметично изолированными блоками, но и между ними происходит экономический и прочий обмен, и в этом смысле имеет место “мировая торговля”; во-вторых, межрейховые отношения между ведущими рейхами этих больших пространств; в-третьих, отношения между народами внутри большого пространства и, наконец, – с оговоркой невмешательства чуждых пространству сил – международные отношения между народами различных больших пространств» [3, с. 545].

Вопрос о легитимации рейха, интересный сам по себе, не имеет особого значения для проблематики нашей статьи, так как целиком находится в «горизонте современности» и вполне пригоден для анализа посредством разработанного М. Вебером в теории легитимности инструментария. Важно указать, что в этом порядке нет места ни для чего похожего на антитеррористическую войну. Более того, порядок традиционных суверенитетов гарантирует сохранение (в теории, конечно) «оберегаемой войны», «законного врага», хотя и допускает возможность гражданской войны, бунта и т. п., но именно как «вписанных» в иной, нежели глобальная империя, порядок. Вызовом порядку рейхов является так называемая революционная война, – но это уже предмет специального рассмотрения. Порядок между суверенами и сохранение мира укладывается в логику, замечательно описанную Р. Ароном [см.: 20] в работе «Война и мир между народами». Суверены находятся в естественном состоянии; это – состояние войны (по Гоббсу [см.: 21; 22]); но именно поэтому достигнутое равновесие обеспечивает пусть непрочный, но мир (логика двухполярного мира подробнейшим образом и многополярного мира лишь фрагментарно представлена в названной работе Арона). Напротив, Империя как единственный суверен, как порядок мира и справедливости – есть, как мы показали, порядок непрерывной и вечной войны, в том числе и с пребывающими в кризисе, но упорно цепляющимися за существование национальными суверенными государствами (описание с точки зрения Хардта – Негри; с точки зрения Шмитта то же самое следует описывать по-другому: область решения). Субъекты-государства, взявшие на себя заботу о своем суверенитете, должны быть достаточно сильными и иметь решимость противостоять Империи – но для чего? Этот вопрос мы оставляем открытым; следует лишь еще раз напомнить, что любая тень сомнения в лояльности

Империи является законным основанием для гуманитарной, военной – любой, какой угодно, интервенции, остановить которую может только способность «нанести непоправимый ущерб» (все равно какой).

Мы не ставим вопроса о том, какой из двух порядков, Империи или «многополярного мира», действителен и актуален: это область решения, но обнаружить некоторые последствия такого решения нам ничто не мешает, – опытом исследования этого является данная статья.

Список литературы

1. Хардт М., Негри А. Империя. – М.: Праксис, 2004. – 440 с.
2. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. – М.: Новое издательство, 2010. – 364 с.
3. Шмитт К. Порядок больших пространств в праве народов, с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил // Номос Земли в праве народов *publicum eugroaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 479–572.
4. Мюнклер Г. Империи: Логика господства над миром: от Древнего Рима до США. – М.: Кучково поле, 2015. – 400 с.
5. Каспэ С. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. – М.: РОССПЭН, 2001. – 256 с.
6. Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социология. – М.: ВШЭ, 2016. – 445 с.
8. Шмитт К. Легальность и легитимность // Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – С. 171–279.
9. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, КДУ, 2006. – 389 с.
11. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с.
12. Шмитт К. Политическая теология. // Политическая теология. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – С. 7–98.
13. Луман Н. Социальные системы: Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007. – 643 с.
14. Ролз Д. Теория справедливости. – М.: ЛКИ, 2010. – 536 с.
15. Агамбен Д. Номо сасер. Чрезвычайное положение. – М.: Европа, 2011. – 148 с.
16. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Екатеринбург: УрФУ, 2000. – 96 с.
17. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *jus publicum eugroaeum*. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 630 с.
18. Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 225–357.

19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 576 с.
20. Арон Р. Мир и война между народами. – М.: Nota Bene, 2000. – 880 с.
21. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. // Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.
22. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – СПб.: Владимир Даль, 2006. – 300 с.

References

1. Hardt M., Negri A. Empire [*Imperiya*]. Moscow: Praxis, 2004, 440 p.
2. Lal D. In Praise of Empires: Globalization and Order [*Pokhvala imperii: Globalizatsiya i poryadok*]. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2010, 364 p.
3. Schmitt C. The Grossraum Order of International Law with a Ban on Intervention for Spatially Foreign Powers [Poryadok bolshikh prostranstv v prave narodov, s zapretom na interventsiyu dlya chuzhdykh prostranstvu sil]. *Nomos Zemli v prave narodov publicum europaeum* (The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum). St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008, pp. 479–572.
4. Münkler H. Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States [*Imperii: Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA*]. Moscow: Kuchkovo pole, 2015, 400 p.
5. Kasper S. Empire and Modernisation: General Model and Russian Specificity [*Imperiya i modernizatsiya: Obschaya model i rossiyskaya spetsifika*]. Moscow: ROSSPEN, 2001, 256 p.
6. Schmitt C. The Theory of the Partisan [*Teoriya partizana*]. Moscow: Praxis, 2007, 301 p.
7. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. In 4 vol. Vol. 1: Sociology [*Khozyaystvo i obschestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii. V 4 t. T. 1: Sotsiologiya*]. Moscow: VShE, 2016, 445 p.
8. Schmitt C. Legality and Legitimacy [Legalnost i legitimnost]. *Ponyatie politicheskogo* (The Concept of the Political). St. Petersburg: Nauka, 2016, pp. 171–279.
9. Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire [*Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epokhu imperii*]. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 2006, 559 p.
10. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death [*Simvolicheskiy obmen i smert*]. Moscow: Dobrosvet, KDU, 2006, 389 p.
11. Foucault M. Security, Territory, Population: Lectures at the College De France, 1977–1978 [*Bezopasnost, territoriya, naselenie. Kurs lektsiy, pročitannyy v Kollezh de Frans v 1977–1978 uchebnom godu*]. St. Petersburg: Nauka, 2011, 544 p.
12. Schmitt C. Political Theology [Politicheskaya teologiya]. *Politicheskaya teologiya* (Political Theology). Moscow: Kanon-Press-Ts, 2000, pp. 7–98.
13. Luhmann N. Social Systems [*Sotsialnye sistemy: Ocherk obschey teorii*]. St. Petersburg: Nauka, 2007, 643 p.

14. Rawls J. A Theory of Justice [*Teoriya spravedlivosti*]. Moscow: LKI, 2010, 536 p.
15. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life [*Homo sacer. Chrezvychaynoe polozhenie*]. Moscow: Evropa, 2011, 148 p.
16. Baudrillard J. In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social [*V teni molchalivogo bolshinstva, ili konets sotsialnogo*]. Ekaterinburg: UrFU, 2000, 96 p.
17. Schmitt C. The Nomos of the Earth in the International Law of the Jus Publicum Europaeum [*Nomos Zemli v prave narodov publicum europaeum*]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008, 630 p.
18. Fichte J. G. The Closed Commercial State [*Zamknutoe torgovoe gosudarstvo*]. *Sochineniya v 2 t. T. 2.* (Works in 2 vol. Vol. 2). St. Petersburg: Mifril, 1993, pp. 225–357.
19. Huntington S. P. The Clash of Civilizations [*Stolknovenie tsivilizatsiy*]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2003, 576 p.
20. Aron R. Peace and War between Nations [*Mir i vojna mezhdu narodami*]. Moscow: Nota Bene, 2000, 880 p.
21. Hobbes T. Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil [*Leviafan, ili materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo*]. *Sochineniya v 2 t. T. 2.* (Works in 2 vol. Vol. 2). Moscow, Mysl, 1991, 731 p.
22. Schmitt C. The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes: Meaning and Failure of a Political Symbol [*Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa*]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2006, 300 p.

УДК: 32.001

«Мягкая сила» культуры политического протеста: теоретико-методологические основания исследования*

Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ МК-3018.2019.6 «Когнитивный код “soft power” как фактор распространения протестных политических настроений российской городской молодежи».

Франц Валерия Андреевна – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Школа государственного управления и предпринимательства, кафедра интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, кандидат политических наук, доцент, Екатеринбург, Россия.

Email: val-franc@yandex.ru

Авторское резюме

Состояние вопроса: Вопросы политической культуры в целом, а также политического протеста к настоящему моменту изучены достаточно глубоко и разносторонне, однако культуре политического протеста уделяется гораздо меньше внимания академического сообщества. Особенно это касается российской политической науки. Через призму концепции soft power (а именно – как один из ее возможных источников) культура политического протеста ранее не рассматривалась. Теоретико-методологических разработок в области ее анализа и измерения на текущий момент также не существует.

Результаты: Теоретико-методологической основой эффективного анализа «мягкой силы» культуры политического протеста государства может являться концепция когнитивного кода, возникшая в рамках конструктивистского структурализма. Также немаловажным аспектом анализа является определение парадигмы восприятия власти, характерное для большинства граждан и представителей государства. Кроме того, значимыми являются такие аспекты конкретных политических практик, как пространство и формы реализации, а также каналы получения и распространения информации.

Область применения результатов: Раскрываемые в статье подходы к рассмотрению «мягкой силы» культуры политического протеста, а также разрабатываемый алгоритм анализа могут послужить теоретико-методологической базой для эмпирических социологических исследований в данной области.

Выводы: Алгоритм оценки «мягкой силы» культуры политического протеста конкретного государства в отношении иного государства-реципиента может включать ряд шагов. Это выявление базовых символических когнитивных кодов протестной культуры государства или его отдельных социальных групп; определение характера и степени влияния данных символических структур, или кодов, на общественность в государстве-

* © В. А. Франц, 2020.

реципиенте; выявление базовой парадигмы восприятия власти в воздействующем государстве, а также государстве-реципиенте; определение привлекательных для общественности государства-реципиента форм и пространств (включая виртуальные среды) реализации протестных настроений, а также характера и степени их заимствования; исследование основных каналов получения информации о культуре протеста и конкретных протестных практиках государства-источника «мягкой силы» общественностью государства-реципиента.

Ключевые слова: soft power; «мягкая сила»; геополитическое соперничество; политическая культура; политический протест; культура политического протеста; протестные настроения; молодежный протест; конструктивистский структурализм; когнитивно-оценочные коды; власть; политическое участие.

“Soft Power” of the Culture of Political Protest: Theoretical and Methodological Foundations of the Study

Franz Valeria Andreyevna – Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, School of Public Administration and Entrepreneurship, Department of Integrated Marketing Communications and Branding, PhD (Political Science), Associate Professor, Yekaterinburg, Russia.

Email: val-franc@yandex.ru

Abstract

Background: The issues of political culture in general and political protest in particular have been studied quite deeply and comprehensively. Much less attention, however, is paid to the culture of political protest in the academic community; especially in regard to Russian political science. Through the prism of the concept of soft power (namely, as one of its possible sources), the culture of political protest has not been previously considered. Currently theoretical and methodological developments in the field of its analysis and measurement do not exist.

Results: The theoretical and methodological basis for an effective analysis of the “soft power” of a state’s political protest culture may be the concept of a cognitive code that arose within the framework of constructivist structuralism. An important aspect of the analysis is the definition of the power perception paradigm, which is characteristic of most citizens and representatives of the state. In addition, such aspects of specific political practices as the space and forms of implementation, as well as the channels for obtaining and providing information, are significant.

Implication: The approaches to the notion of the “soft power” of the political protest culture, as well as the developed analysis algorithm, can be used as a theoretical and methodological basis for empirical sociological research in this field.

Conclusion: The algorithm for assessing the “soft power” of the political protest culture in a particular state against another recipient state may include a number of steps. These are the identification of basic symbolic cognitive codes of the

protest culture of the state or its individual social groups; determination of the nature and degree of influence of these symbolic structures, or codes, on the public in the recipient state; identification of the basic paradigm of power perception in the impacting state, as well as the recipient state; definition of forms and spaces (including virtual environments) attractive to the public of the recipient state for the implementation of protest moods, the nature and extent of their borrowing; study of the main channels for obtaining information about the culture of protest and specific protest practices of the source state of the “soft power” by the public of the recipient state.

Keywords: soft power; geopolitical rivalry; political culture; political protest; culture of political protest; protest moods; youth protest; constructivist structuralism; cognitive assessment codes; power; political participation.

В настоящее время в России отмечается очевидный рост протестных настроений и протестной активности граждан. Важную роль в этом процессе играет изменение международной обстановки, а также ряд внутрисистемных факторов, традиционно вызывающих недовольство общественности. Однако изменяются и внутренние по отношению к жителям государства факторы, влияющие как на их гражданскую активность в целом, так и на протестную – в частности. Как показывают исследования и конкретные события, растет уровень политического сознания и участия людей, уровень политической культуры.

Рост политической культуры и активности в России до сих пор происходит в немалой степени под влиянием (намеренным и ненамеренным) примера государств Западной Европы, а также США. В этом смысле можно говорить о культуре политического протеста как ресурсе soft power, или «мягкой силы», этих государств. Причем через призму soft power вопросы политического протеста, в целом достаточно глубоко изученные, академической наукой рассматривались недостаточно.

Основной целью данной статьи является представление авторского теоретико-методологического подхода к анализу и оценке культуры политического протеста конкретного государства как источника soft power, а также характера и степени ее влияния на различные социальные группы в других государствах. Перспективой исследования является разработка алгоритма оценки «мягкой силы» культуры политического протеста государства, а также эмпирического социологического измерения ее влияния на общественность других государств.

Концепция soft power была создана и популяризирована Дж. Наем в начале 1990-х годов. Най рассматривает мягкую силу как «способность получить желаемое посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [12, с. 20] Ученый утверждает, что основными источниками такого притяжения являются привлекательная культура страны, ее политические идеи, внешняя и внутренняя политика [см.: 13]. Несмотря на наличие ряда недостатков, данная трехэлементная система по сей день является наиболее популярной и

распространенной. Говоря о привлекательных политических идеях и ценностях, мы хотели бы подчеркнуть особое место политического протеста и культуры его реализации, поскольку для широкой общественности именно он зачастую является наиболее прямым, доступным и эффективным способом выражения и защиты своих интересов.

Уже сам Дж. Най разделял soft power на активную и пассивную. Активная «мягкая сила» представляет собой целенаправленную стратегию, реализуемую органами государственной власти, а также в ряде случаев институтами гражданского общества и даже отдельными гражданами. Пассивная «мягкая сила» представляет естественную, никак и никем не регулирующую привлекательность. В нашем исследовании мы уделяем значительное внимание именно пассивной «мягкой привлекательности» культуры политического протеста, поскольку, несмотря на присутствие и активную деятельность государств в данном направлении, на наш взгляд, ее пассивная soft power зачастую действует даже сильнее. Кроме того, пассивная сторона данного аспекта soft power, в отличие от активной, на наш взгляд, недостаточно изучена.

Вслед за такими исследователями, как Е. Локк [см.: 10], У. Вьяс [см.: 15], А. Паталах [см.: 14] и др., мы придерживаемся реалистической парадигмы, подразумевающей, что многие государства осуществляют геополитическое соперничество, стремясь максимизировать свои сравнительные выгоды. Для политики «мягкой силы» это означает, что страны пытаются улучшить свой международный и внутренний имидж не в целом, а, скорее, относительно имиджа своих конкурентов. По этой причине подход к анализу и оценке воздействия soft power культуры политического протеста конкретного государства должен предполагать учет конкурентной среды, сложившейся вокруг государства-реципиента. В данном контексте в рамках исследования будет изучаться активная «мягкая сила» политического протеста государств.

В данной статье речь пойдет о молодежном протесте, который, очевидно, имеет свою специфику, определяющуюся как социальным положением молодежи, так и ее психологическими особенностями.

Необходимо учитывать, что культура политического протеста включает, помимо культуры, собственно, действия, также культуру формирования, распространения и выражения протестных настроений. Кроме того, важно рассмотреть такой аспект, как культура реагирования органов государственной власти на протест. Резонанс от политических протестов также зависит от уровня и особенностей политической культуры. В нашем исследовании мы делаем акцент, в первую очередь, на распространении протестных настроений и соответствующей политической культуре.

Необходимо также учитывать неоднородность политической культуры, в том числе культуры политического протеста, даже в молодежной среде, что существенно осложняет ее изучение, измерение и оценку.

Рассматривать «мягкое влияние» мы намерены через призму концепции «когнитивного кода». Данный термин употребляется нами в контексте теории «конструктивистского структуриализма». Согласно данному подходу, «предметом социальных наук выступают социальные практики, упорядоченные

в пространстве и времени, а не гипотетическая социальная тотальность или поведенческие акты. При этом под практикой понимаются любые изменения, производимые социальными агентами и порождающие многообразные “различия”, которые фиксируются как в материально-вещественной, так и в идеальной форме» [5, с. 21]. В связи со сказанным мы делаем акцент, в первую очередь, на практиках, реализующихся в контексте протестной активности молодежи, однако специфическим образом.

Так, согласно мнению сторонников «конструктивистского структурализма» (П. Бурдьё [см.: 3], Э. Гидденс [см.: 4], Н. Луман [см.: 7] и др.), за объективированными социальными практиками скрываются исторически изменчивые символические структуры, имеющие в себе механизм трансформации символического содержания на язык повседневности и наоборот. Ядром таких символических структур являются схемы, действующие на практике корпоративные диспозиции, принципы деления и т. п.

Из вышесказанного вытекает, что в конструктивистском структурализме индивидуальная или групповая политическая позиция определяется, прежде всего, когнитивно-оценочными кодами (схемами классификаций), формирующими понимание смысла политических действий. Посредством таких схем акторы классифицируют сами себя и позволяют квалифицировать [см.: 2].

Также хотелось бы согласиться с К. Ф. Завершинским, что «символический (“генерализирующий”) код политической легитимации (взаимосвязанная целостность символических схем целедостижения) есть ядро политической культуры любого общества. Структурно его можно представить как целостность габитусных, нормативно-процедурных и ценностных когнитивных схем» [5, с. 28].

Описанные когнитивно-оценочные коды формируются в контексте властных отношений, которые мы склонны понимать в духе Х. Арндт как средство всеобщей взаимосвязи при достижении коллективной цели, обеспечивающее выполнение взаимных обязательств [см.: 1].

Именно из данного определения вытекает сформулированная российскими учеными М. В. Ильиным и А. Ю. Мельвилем [см.: 6] классификация аспектов публичной власти, включающая директивный, функциональный и коммуникативный аспекты. Директивный подход рассматривает власть, главным образом, в терминах насилия. При функциональном в фокусе внимания находятся более гибкие по сравнению с насилием формы принуждения, в частности, правовые. При коммуникативном же характер власти описывается в терминах культурного «сотрудничества» и «доверия». Возвращаясь к символическим кодам, можно утверждать, что они проявляются в поведении политических акторов как некий естественный автоматизм, что указывает на достигнутое коммуникативное «согласие» и «доверие».

Политический протест представляет собой, в сущности, акт властного характера и попытку увеличения собственных властных возможностей, что обуславливает применимость к его анализу вышеописанного теоретико-

методологического подхода. Таким образом, при анализе «мягкого» влияния культуры политического протеста одного государства на другое нас будут интересовать те символические структуры, которые наиболее интенсивно усваиваются общественностью.

Кроме того, мы считаем принципиально важным, в какой из трех вышеуказанных парадигм (директивная, функциональная и коммуникативная трактовки власти) существует общественное мнение того или иного государства и, соответственно, по преимуществу реализуется политический протест. На наш взгляд, о высоком уровне политической культуры государства говорит отношение к власти представителей государственных органов, а также широкой общественности, преимущественно в контексте директивного и коммуникативного подходов. В таком случае протестные политические настроения и действия воспринимаются в качестве «нормы жизни», принимают, как правило, ненасильственные и легальные формы и приводят к конструктивному диалогу государства и общественности.

Переходя к обсуждению культуры политического протеста, хотелось бы рассмотреть несколько ключевых определений и подходов.

В политической науке существуют два генеральных направления в понимании политического протеста: первое основывается на революционаристских установках, предполагающих нелегальный или неконвенциональный характер протестных действий, другое понимание существует в рамках концепции «практик голоса», описывающей протест как конвенциональное обращение к общественному мнению с целью восстановления законности или справедливости. Однако примерно с 1960-х годов «политический протест» традиционно трактуется общественными науками как одна из форм политического участия.

В данном контексте политический протест можно определить как вид политического участия, выражающийся в открытой демонстрации отрицательного отношения к политической системе в целом или ее отдельным элементам, нормам, ценностям, принимаемым решениям. При этом политический протест может принимать и пассивные формы, крайней среди которых является политический абсентеизм. Причинами протестного поведения могут быть: кризис традиционных норм, ценностей политической культуры, делегитимация политического режима, депривация индивидуума или целых социальных групп и др.

Из возможных причин возникновения протеста вытекают основные подходы к его рассмотрению: концепции коллективного поведения, концепции депривации, конфликтологический подход, теории социального взаимодействия, концепции социальной активности и политического участия. В нашем исследовании мы рассматриваем культуру политического протеста преимущественно в двух перспективах – конфликтологической, а также теории социального взаимодействия.

Возникновение понятия культуры протеста датируется началом 60-х годов двадцатого века. Его рассматривали такие западные исследователи, как Т. Роззак, С. Тэрроу, Д. Белл и др., а среди российских исследователей –

Г. Г. Дилигенский, Е. А. Здравомыслова, Ю. А. Левада и др. При этом необходимо отметить, что как относительно самостоятельный предмет научного исследования культура политического протеста рассматривалась в очень незначительной степени.

Культуру политического протеста можно определить как систему исторически сложившихся, относительно устойчивых установок, убеждений, представлений, моделей поведения, касающихся характера, способов и форм проявления неприятия действующей власти в целом, господствующего политического курса, конкретных решений и действий политических властей разного уровня и т. п. Как уже было сказано выше, объем понятия «культура политического протеста» включает также культуру отношения и реагирования на протест официальной властью и широкой общественностью.

Из данного определения, на наш взгляд, вытекает применимость в качестве теоретико-методологического базиса к анализу культуры политического протеста и ее «мягкой силы» структуралистской концепции «когнитивного кода».

Помимо формируемого когнитивного кода, при анализе «мягкого влияния» культуры политического протеста мы намерены рассматривать такие аспекты конкретных политических практик, как пространство реализации (классификации и подходы Г. Г. Почепцова [см.: 8], А. В. Скиперских [см.: 9]), а также формы реализации в соответствии с классификацией Л. Милбрайта [см.: 11] – конвенциональные или неконвенциональные, активные или пассивные, индивидуальные или коллективные, в соответствии со степенью активности и т. п.

Так, исследователь Г. Г. Почепцов выделяет три типа пространств, на которые может распространяться политический протест: физическое, информационное и когнитивное [см.: 8]. А. В. Скиперских также высказывает мнение, что протестное послание осуществляется в рамках «пространственного континуума». При этом пространственный континуум либо публичное пространство, где протестующие (активисты) оставляют протестные послания, Скиперских условно делит на три типа: город и его материальные объекты (здания, крыши, вывески, деревья, дороги, уличные знаки, остановки, памятники, городской транспорт), человек (перфомансы, одежда или ее отсутствие, символы на одежде, акты, совершаемые человеком), коммуникации (СМИ, социальные сети, блогосфера) [см.: 9].

У. Милбрайт классифицирует протестное поведение в соответствии с уровнем активности населения (низкая, средняя, высокая), а также степенью легальности (конвенциональная или неконвенциональная) [см.: 11].

Данную классификацию можно дополнить такими критериями, как число участников (массовые, групповые, индивидуальные), а также применение насилия (насильственные/ненасильственные).

На пересечении вышеуказанных критериев находятся виды протестного поведения, включающие немалое число подкатегорий. Например, ненасильственные конвенциональные формы политического протеста с низким уровнем политической активности могут включать:

а) массовые: протестный абсентеизм общества, участие в виртуальных группах в социальных сетях протестной направленности;

б) индивидуальные: молчание, регулярное потребление контента оппозиционных СМИ, комментарии в блогах, социальных сетях, выражающие недовольство властью.

Неконвенциональные формы политического протеста среднего уровня активности ненасильственного характера могут включать:

а) массовые: участие в несогласованных демонстрациях и митингах, забастовках, смартмобах, бойкотах;

б) индивидуальные: объявление голодовки, участие в одиночной акции;

в) анонимные: создание протестного контента в сети Интернет и т. п.

Особое внимание мы намерены уделить анализу практик в информационном пространстве, а также новым формам протеста, таким как протестный медиаактивизм, арт-активизм и т. п.

Подводя итог, можно сказать, что алгоритм оценки «мягкой силы» культуры политического протеста конкретного государства в отношении иного государства-реципиента может включать следующие шаги:

– выявление базовых символических когнитивных кодов протестной культуры государства или его отдельных социальных групп;

– определение характера и степени влияния данных символических структур, или кодов, на общественность в государстве-реципиенте;

– установление основных конкурирующих (представленных в других государствах) ценностно-символических структур и анализ тенденций их влияния в государстве-реципиенте;

– выявление базовой парадигмы восприятия власти в воздействующем государстве, а также государстве-реципиенте, и трансформаций данной парадигмы в государстве-реципиенте под внешним воздействием;

– определение привлекательных для общественности государства-реципиента форм и пространств (включая виртуальные среды) реализации протестных настроений, а также характера и степени их заимствования;

– выявление основных каналов получения информации о культуре протеста и конкретных протестных практиках государства-источника «мягкой силы» общественностью государства-реципиента.

Список литературы

1. Арндт Х. *Vita activa*, или о деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.

2. Бурдьё П. Начала. *Choses dites*. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.

3. Бурдьё П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

4. Гидденс Э. Политика, управление и государство // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 3. – С. 78–107.

5. Завершинский К. Ф. Когнитивные основания политической культуры: опыт методологической рефлексии // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 19–30.

6. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю. Власть // Полис. Политические исследования. – 1997. – № 6. – С. 146–164.
7. Луман Н. Власть. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
8. Почепцов Г. Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – 513 с.
9. Скиперских А. В. Поверхности протеста: особенности политического письма в современной России // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 108–113.
10. Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a “Strategic” Conception of Power // Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives. – Abingdon, Oxon: Routledge, 2010. – Pp. 32–50.
11. Milbrath L. Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics. – Chicago: Rand McNally & Company, 1965. – 223 p.
12. Nye J. (Jr.) Soft Power // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – Pp. 153–171.
13. Nye J. (Jr.) The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 320 p.
14. Patalakh A. Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research // Croatian International Relations Review. – 2016. – № 22 (76). – Pp. 85–112.
15. Vyas U. Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations. – London: Routledge, 2010. – 204 p.

References

1. Arendt H. The Human Condition [*Vita activa, ili o deyatelnoy zhizni*]. Saint Petersburg: Aleteya, 2000, 437 p.
2. Bourdieu P. Choses Dites [*Nachala. Choses dites*]. Moscow: Socio-Logos, 1994, 288 p.
3. Bourdieu P. Sociology of Politics [*Sotsiologiya politiki*]. Moscow: Socio-Logos, 1993, 336 p.
4. Giddens A. Politics, Government and State [Politika, upravlenie i gosudarstvo]. *Almanakh sotsialnykh issledovaniy “Rubezh”* (Almanac of Social Research “Rubezh”), 1992, no. 3, pp. 78–107.
5. Zavershinsky K. F. Cognitive Foundations of Political Culture: an Essay of Methodological Reflection [Kognitivniye osnovaniya politicheskoy kultury: opyt metodologicheskoy refleksii]. *Polis. Politicheskie issledivaniya* (Polis. Political Studies), 2002, no. 3, pp. 19–30.
6. Ilyin M. V., Melville A. Yu. The Power [Vlast]. *Polis. Politicheskie issledivaniya* (Polis. Political Studies), 1997, no. 6, pp. 146–164.
7. Luhmann N. The Power [Vlast]. Moscow: Praksis, 2001, 256 p.
8. Pocheptsov G. G. Revolution.com. Basics of the Protest Engineering [*Revolyutsiya.com. Osnovy protestnoy inzhenerii*]. Moscow: Evropa, 2005, 513 p.
9. Skiperskikh A. V. Surface of Protest: Political Letter in Modern Russia [Poverkhnosti protesta: osobennosti politicheskogo pisma v sovremennoy Rossii]. *Politicheskaya lingvistika* (Political Linguistics), 2014, no. 1 (47), pp. 108–113.

10. Lock E. *Soft Power and Strategy: Developing a “Strategic” Conception of Power. Soft Power and US Foreign Policy: Theoretical, Historical, and Contemporary Perspectives*. Abingdon, Oxon: Routledge, 2010, 236 p.
11. Milbrath L. *Political Participation: How and Why Do People Involved in Politics*. Chicago: Rand McNally & Company, 1965, 223 p.
12. Nye J. (Jr.) *Soft Power. Foreign Policy*, 1990, no. 80, pp. 153–171.
13. Nye J. (Jr.) *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011, 320 p.
14. Patalakh A. Assessment of Soft Power Strategies: Towards an Aggregative Analytical Model for Country-Focused Case Study Research. *Croatian International Relations Review*, 2016, no. 22 (76), pp. 85–112.
15. Vyas U. *Soft Power in Japan-China Relations: State, Sub-State, and Non-State Relations*. London: Routledge, 2010, 204 p.

УДК 316.334

Необходимость построения новых социальных институтов для снижения негативного влияния информационных технологий*

Федорова Алина Алексеевна – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра рекламы и современных коммуникаций, бакалавр, Санкт-Петербург, Россия.

Email: alinafedorova.the@gmail.com

Авторское резюме

Состояние вопроса: Развитие информационных технологий значительно усовершенствовало методы коммуникации между людьми. Обратной стороной данного процесса являются негативные последствия для человека. С раннего возраста большинство детей проводят свой досуг в виртуальной реальности, в связи с чем социализация происходит некорректно: человек меньше непосредственно взаимодействует с другими людьми, становится более асоциальным, то есть теряет способности к построению сильных социальных связей, эмпатии и развитию эмоционального интеллекта. Поиск путей нейтрализации негативных последствий распространения информационных технологий особенно актуален для современного общества.

Результаты: Анализируя предыдущие исторические периоды, можно прийти к выводу, что люди развивались и жили в социальной среде, где были вынуждены объединяться в коллективы ради решения общих задач и совместного времяпровождения. По мере развития информационных технологий такая потребность стала снижаться, что поставило вопрос о необходимости культивирования новых социальных институтов, способных удовлетворить человеческие потребности в реальном общении.

Область применения результатов: Разработка методов снижения негативного влияния информационных технологий на личность и социальные институты.

Методы исследования: Фактические данные, на которых строятся выводы, получены эмпирическим путем – посредством проведения опроса и анализа статистики.

Выводы: Интернет как значимый агент социализации в информационном обществе снижает способность людей к эмпатии и эмоциональному интеллекту, но не отменяет человеческой потребности в аффилиации, которая достижима только посредством реальной коммуникации. Социальные институты в виде молодежных пространств, форумов и фестивалей, а также волонтерской деятельности дают возможность восстановить потери, связанные с виртуальной коммуникацией.

Ключевые слова: информационное общество; Интернет; социализация; социальные институты; эмпатия; эмоциональный интеллект; коммуникация.

* © А. А. Федорова, 2020.

The Necessity of Creating New Social Institutions to Reduce the Negative Impact of Information Technology

Fedorova Alina Alekseevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Advertising and Modern Communications, Bachelor, Saint Petersburg, Russia.

Email: alinafedorova.the@gmail.com

Abstract

Background: The development of information technology has greatly improved communication methods between people. The flip side of this process results in the negative consequences for humans. From an early age, most children spend their leisure time in virtual reality, and therefore socialization does not occur correctly: a person interacts less directly with other people, becomes more asocial and loses the ability to maintain close social connections, empathy and the development of emotional intelligence. The search for a solution to this problem is essential for modern society.

Results: By analyzing previous historical periods, we can conclude that people lived and developed in a social environment where they were forced to join groups to solve common problems and spend time together. With information technology developing, such a need began to decline, which raised the question of the necessity to create new social institutions that can satisfy human needs in real communication.

Implications: Development of methods to reduce the negative impact of information technology on the individual and social institutions.

Research methods: The article deals with empirical research methods based on conducting surveys and analyzing statistical data.

Conclusion: The Internet as a significant agent of socialization in information society reduces the ability of people to have empathy and emotional intelligence, but does not obviate the human need for affiliation, which is achievable only through real communication. Social institutions in the form of youth spaces, forums and festivals, as well as voluntary organizations make it possible to recover losses associated with virtual communication.

Keywords: information society; Internet; socialization; social institutions; empathy; emotional intelligence; communication.

С конца XX века человечество входит в эпоху информационного общества, в котором важнейшим ресурсом является информация, занимающая ключевую роль в производстве, экономике, политике, социуме и культуре. Развитие такого общества значительно усовершенствовало методы коммуникации между людьми посредством создания новых технологических возможностей связи, таких как компьютер, смартфон, Интернет, социальные сети и мессенджеры. Потребность в быстрой коммуникации уходит из реального мира в виртуальный, что по сравнению с предыдущими историческими периодами ухудшает навык реального общения между людьми

и разъединяет их ввиду отсутствия потребности нахождения рядом друг с другом. С раннего возраста большинство детей проводят свой досуг в виртуальной реальности, в связи с чем социализация человека происходит некорректно – он меньше взаимодействует с другими людьми вживую, становится более асоциальным и не стремится развиваться в реальном мире. Вследствие этого существует потребность в создании новых социальных институтов, которые смогут давать людям возможность на какое-то время менять современное онлайн (от англ., online – на линии) общение на принципиально иную, реальную коммуникацию, исторически более приемлемую для человека.

По А. А. Радугину, «социальные институты – это организованные объединения людей, выполняющих определенные социально-значимые функции, обеспечивающие совместное достижение целей на основе выполняемых членами своих социальных ролей, задаваемых социальными ценностями, нормами и образцами поведения» [1, с. 98]. Чтобы понять, насколько сильно изменились социальные институты, влияющие на общение между людьми и условия их социализации, необходимо разобраться в факторах, которые на это повлияли в исторической ретроспективе.

С начала XIX века во всех развитых и развивающихся странах происходило технологическое развитие общества, способствующее формированию нового уклада жизни людей. Начало этому процессу положила индустриализация, которая сократила занятость населения в сельском хозяйстве и стала причиной активного перемещения людей в большие города. Научно-технологическая революция в середине XX века продолжила общий процесс развития и создала постиндустриальное общество, для совершенствования которого был необходим человеческий капитал соответствующей квалификации. Побочным эффектом этого явилось улучшение условий труда и развитие гражданского общества, стали общедоступными образование и медицина, сформировались новые возможности в сфере культуры и достижений в области спорта [см.: 2]. Изменения условий хозяйственной жизни общества и проведения досуга давали предпосылки к объединению людей в коллективы ради достижения общих целей и совместного времяпровождения, а это в свою очередь заложило потребность в общении на ином уровне, чем это было ранее.

На протяжении всего XX века социализация человека происходила постепенно, начиная с детского сада или начальной школы. Ребенок учился общаться со своими сверстниками с раннего возраста, так как это было частью культуры. Противоречия между детьми были не такие заметные, ведь социальное окружение было едино. Родители почти всегда принадлежали к одному и тому же социальному классу, а школа и дополнительные досуговые кружки по интересам объединяли детей, которые вынуждены были общаться. Интересы детей и подростков не были ограничены просмотром телевизора в стенах дома, поскольку детские передачи транслировались по немногочисленным каналам в строго определенное время. Этот фактор, а также обеспечение государством сравнительно высокой безопасности нахождения

детей на улицах городов и во дворах домов, позволяло школьникам проводить больше времени в кругу сверстников. Далее шел период профессионального обучения, который сопровождался так называемой «студенческой жизнью», в ходе которой человек улучшал свои коммуникативные и социальные навыки.

Сегодня развитие Интернета привело к появлению таких ресурсов, как Youtube, Instagram, TikTok и т. п., в которых молодой человек проводит большое количество времени, заменяя уже не только обычную коммуникацию с людьми, но и свои хобби, реальные увлечения, прогулки, саморазвитие и пр. Одна социальная сеть может удовлетворить многие человеческие потребности, такие как общение, приобретение знаний, проведение досуга и профессиональную деятельность.

Несмотря на все плюсы современных технологий, их высокие скорости и даже достаточное качество, человек нуждается в обычном живом общении. Ему важна вся его полнота, включая не только передачу самой информации, но и интеракцию (от англ. Interaction – «взаимодействие») и социальную перцепцию (от лат. Perceptio – «ощущаю»). У людей есть потребность в проявлении чувств и эмпатии, в считывании информации с мимики и жестов. Более того, для людей всегда важна потребность в аффилиации (от англ. affiliation – «соединение, связь»), то есть развития крепких социальных связей, которые невозможно строить в Интернете в полной мере – любовь, привязанность, дружба и т. п. Полное погружение человека в виртуальное пространство снижает притягательность реальной жизни и делает последнюю менее значимой [см.: 3].

Тем не менее, по данным исследования WeAreSocial и Hootsuite, средний россиянин проводит в онлайн-режиме более 7 часов в день [см.: 4]. Такие значительные показатели вовлеченности человека в виртуальный мир могут иметь серьезные последствия, что наглядно показывает исследование, опубликованное в научном журнале World Psychiatry. Огромные объемы информации, которые вынужден обрабатывать человеческий мозг, снижают способность человека управлять своим временем и решать задачи, требующие длительной концентрации. Более того, частое использование сети Интернет в целом снижает работоспособность нашего мозга и ослабляет интеллект, рассеивает внимание, а также уменьшает способности к эмпатии. Особенно сильно такое влияние оказывается на человека в детском и подростковом возрасте, когда у него формируются и отрабатываются многие мозговые функции [см.: 5].

Примерно к таким же выводам приходит Карр [см.: 6], который считает, что сегодняшнее всепроникающее воздействие Интернета при его многочисленных позитивных последствиях действует скорее разрушительно: приводит к атрофии памяти и извращает сам процесс мышления, запоминания, ментального конструирования смыслов и логических схем. Мышление становится принципиально другим – более поверхностным, фрагментарным, клиповым и примитивным, а также делает человека более агрессивным по отношению к другим людям.

Такое положение дел требует создания современных социальных институтов для молодых людей, чтобы процесс социализации и улучшения навыков реального общения проходил более эффективно. На наш взгляд, в России развиваются три социальных института, где решаются подобные задачи: молодежные пространства для общения и работы; форумы и фестивали различного уровня; добровольческая (волонтерская) деятельность.

В качестве наглядного примера рассмотрим город Санкт-Петербург, где, по данным Петростата, проживает 1,4 млн. человек, попадающих под определение молодежи (социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет) [см.: 7; 8].

За последние несколько лет в Санкт-Петербурге открылось большое количество бесплатных молодежных пространств и коворкингов (от англ. *coworking*, рус. – «сотрудничество»), таких как «Просто», «Точка Кипения», «ОхтаЛаб», «Зеленая комната», «Ясная поляна», информационно-досуговый центр «М86» и другие. В каждом из них есть место для того, чтобы представители молодежи смогли самостоятельно организовать свое времяпровождения. Во многих из этих пространств есть возможность бесплатно взять ноутбук, поиграть в приставку или настольные игры, попить чай или кофе, а самое главное – сделать все это совместно с другими посетителями. Подобные пространства позиционируются как место для общения, обмена идеями и опытом. Надо признать, что создание таких пространств на данный момент является благотворительными проектами, для которых большую часть финансирования получают из государственного бюджета. Тем не менее, важность подобных площадок для развития подрастающего поколения трудно переоценить, ведь теперь у молодежи есть привлекательные места, оборудованные всем необходимым для совместной работы и проведения досуга, в которых можно собраться и пообщаться в реальности без Интернета.

Вторым преобладающим институтом развития коммуникативных навыков молодежи и социализации являются многочисленные форумы и фестивали, имеющие различную тематику и охватывающие почти все интересы молодежи. В Санкт-Петербурге регулярно проходят такие мероприятия, как Петербургский молодежный международный форум, Молодежный экологический форум, Международный форум добровольцев «Доброфорум», Санкт-Петербургский международный форум труда, Образовательный форум студенческих отрядов Санкт-Петербурга, Фестиваль студенческого творчества «Студенческая весна», Форум «Социальный Петербург» и др. На всероссийском уровне также существует большое количество форумов и фестивалей, объединяющих молодежь со всех регионов России. Самыми крупными из них являются Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида», проходящий в Республике Крым; международный молодежный форум «Байкал», проходящий в Иркутской области; всероссийский молодёжный образовательный летний форум «Территория смыслов», проходящий в Московской области и др. Каждое из подобных мероприятий регионального, всероссийского или международного уровня

является местом сбора для активной молодежи, осознающей важность общения друг с другом и сопричастности к чему-то значительному. Основной упор на таких форумах и фестивалях делается на командообразующую работу, обязуя участников к общению и совместному проведению досуга, что дает молодежи незаменимый опыт практики социализации в новом коллективе.

Третьим и, на наш взгляд, основным социальным институтом в последнее время становится волонтерская деятельность. Именно она является стартом для многих молодых людей, где они находят новые смыслы и стремления, в том числе и для участия в вышеперечисленных форумах, фестивалях. После проведения Года добровольца (волонтера) в 2018 году и домашнего Чемпионата мира по футболу FIFA 2018 в России мы, несомненно, наблюдаем рост социальной активности молодежи и ее вовлечения в общественную жизнь страны. Согласно докладу «О проведении научных, социологических и статистических исследований, направленных на изучение форм и масштабов участия граждан и организаций в добровольческой (волонтерской) деятельности» за 2019 год в России среднегодовая численность добровольцев превышает три миллиона человек [см.: 9].

В настоящее время многие молодые люди, которые занимаются волонтерской деятельностью, делают это исходя из потребности реальной коммуникации с людьми, ради того, чтобы улучшить свои навыки общения, ради более эффективной социализации в обществе. Волонтерство, в частности событийное, подразумевает участие ребят в многочисленных мероприятиях разнообразной направленности. Это могут быть фестивали, концерты, форумы, спортивные мероприятия, официальные приемы и т. д. Каждое событие не похоже на предыдущее, а волонтерская команда каждый раз обновляется и в ней присутствуют в основном новые люди. Задачи волонтера часто сводятся к информационной и координационной помощи участникам мероприятия, что говорит о необходимости постоянного общения с новыми людьми во все время изменяющихся условиях. Это подразумевает практическое развитие гибких навыков (англ. *softskills*). Гибкие навыки, в отличие от профессиональных навыков в традиционном понимании, не зависят от специфики конкретной работы, они тесно связаны с личностными качествами и установками (ответственность, дисциплина, самоменеджмент), а также социальными навыками (коммуникация, в частности, умение слушать; работа в команде, эмоциональный интеллект) и менеджерскими способностями (управление временем, лидерство, решение проблем, критическое мышление). То есть волонтерская деятельность является практически значимым фактором развития личности, который складывается из многочисленных живых коммуникаций, что невозможно получить, общаясь посредством компьютера или смартфона.

Нами был проведен опрос среди 365 волонтеров из организации «Молодежь Петербурга», которая курирует многие добровольческие мероприятия в городе. Целью опроса было узнать причины вовлечения молодежи в волонтерство и степень его влияния на реальный навык общения людей. В рамках опроса волонтерам в возрасте от 14 до 25 лет было задано по 4 вопроса с двумя или более вариантами ответов.

Первый вопрос – «Что является основной причиной вашего занятия волонтерской деятельностью?». Варианты ответов:

- 1) ради бонусов по учебе;
- 2) ради возможности участия в интересных мероприятиях;
- 3) ради общения с новыми людьми.

На основе ответов 365 опрошенных мы получили следующие результаты:

- 1 вариант – 21 %;
- 2 вариант – 33 %;
- 3 вариант – 46 %.

Исходя из полученных ответов можно сделать вывод, что подавляющее число респондентов участвуют в волонтерской деятельности не ради «галочки», которая поможет им при поступлении или даст бонусы в учебе, они это делают ради общения (46 %) или ради участия в интересных мероприятиях (33 %), которое в рамках волонтерской деятельности также подразумевает взаимодействие с людьми.

Второй вопрос – «Как часто вы занимаетесь волонтерской деятельностью?». Варианты ответов:

- 1) 1 или реже раз в месяц;
- 2) 2 или 3 раза в месяц;
- 3) 4 и более раз в месяц.

На основе ответов 365 опрошенных мы получили следующие результаты:

- 1 вариант – 36 %;
- 2 вариант – 42 %;
- 3 вариант – 22 %.

Исходя из ответов можно сделать выводы, что $\frac{2}{3}$ волонтеров при наличии свободного времени и интересных мероприятий занимаются социально активной деятельностью на регулярной основе, несколько раз в месяц.

Третий вопрос – «На сколько вы улучшили навыки своей коммуникабельности?» с 3-мя вариантами ответов:

- 1) не улучшил;
- 2) есть небольшие изменения;
- 3) сильно улучшил.

На основе ответов 365 опрошенных мы получили следующие результаты:

- 1 вариант – 13 %;
- 2 вариант – 56 %;
- 3 вариант – 31 %.

Исходя из результатов, полученных по третьему вопросу, очевиден вывод, что подавляющее большинство волонтеров (87 %) считает, что подобная деятельность хоть немного, но улучшает их коммуникативные навыки.

Четвертый вопрос: «Является ли данный период для вас переходным, а именно, за последние 2 года случилось ли у вас что-то из перечисленного: вы переехали от родителей, вы сменили город, вы сменили место учебы, полностью сменили круг общения (если «да», то ответ на вопрос ставьте «да»)»? На основе ответов 365 опрошенных мы получили следующие результаты:

да – 83 %;
нет – 17 %.

Исходя из этих ответов можно сделать вывод, что подавляющее число волонтеров за последние два года имели коренные изменения в своей жизни, связанные со сменой обстановки и сменой окружения. Это позволяет предположить, что волонтерством они занялись отчасти ради того, чтобы облегчить себе социализацию среди новых людей, найти друзей и в целом освоиться.

Из всего вышеизложенного следует, что в информационную эпоху многие стороны жизнедеятельности людей зависят от научно-технического прогресса, от тех достижений, которыми пользуется большинство и которыми необходимо пользоваться каждому, чтобы не отставать от общества. Но обратной стороной усовершенствования способов коммуникации посредством новых технологий является отдаление людей друг от друга, снижение многих жизненно важных для человека навыков, таких как эмоциональный интеллект, эмпатия, способности к построению сильных социальных связей и т. п. Новые социальные институты, которые будут способны компенсировать людям потери, понесенные обществом в связи с новым укладом жизни, уже активно формируются в современной России.

Итак, молодежные пространства, где есть возможность работать и осуществлять свой досуг совместно с другими людьми; молодежные форумы и фестивали, где акцент делается на командообразование, что дает участникам опыт практики социализации в новом коллективе; волонтерская деятельность, позволяющая человеку получать новые социальные связи, приобретать друзей и тренировать свои коммуникативные навыки – вот важные на настоящий момент институты для молодого поколения, которое из-за отсутствия возможности иметь полноценный опыт социальной коммуникации не увидит без этих движений и организаций жизнь иначе, кроме как через призму Интернета.

Список литературы

1. Радугин А. А., Радугин К. А. Социология: курс лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Центр, 1999. – 160 с.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 2004. – 221 с.
3. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: МГУ, 1982. – 200 с.
4. Digital 2020: 3.8 Billion People Use Social Media // We Are Social. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения 20.03.2020).
5. Firth J., Torous J., Stubbs B., Firth J. A., Steiner G., Smith L., Alvarez-Jimenez M., Gleeson J., Vancampfort D., Armitage C., Sarris J. The “Online Brain”: How the Internet May Be Changing Our Cognition // World Psychiatry. – 2019. – Vol. 18. – № 2. – Pp. 119–129. DOI: 10.1002/wps.20617.

6. Карр Н. На мелководье. Как Интернет воздействует на наше мышление, память и навыки чтения. – Atlantic Books, 2010. – 96 с.

7. Возрастно-половой состав населения Санкт-Петербурга на 1 января 2019 года. Статистический бюллетень // Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. – URL: <https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/Возраст-пол%20нас%20СПб%202019.pdf> (дата обращения 20.03.2020).

8. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. N 2403-р) // ГАРАНТ. – URL: <https://base.garant.ru/70813498> (дата обращения 20.03.2020).

9. Доклад «О проведении научных, социологических и статистических исследований, направленных на изучение форм и масштабов участия граждан и организаций в добровольческой (волонтерской) деятельности». Февраль 2019 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. – URL: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21338.pdf> (дата обращения 20.03.2020).

References

1. Radugin A. A., Radugin K. A. Sociology: Lecture Course [*Sotsiologiya: kurs lektsiy*]. Moscow: Tsentr, 1999, 160 p.

2. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 2004, 221 p.

3. Bodalev A. A. Perception and Understanding of Man by Man [*Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom*]. Moscow: University Press, 1982, 200 p.

4. *Digital 2020: 3.8 Billion People Use Social Media*. Available at: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (accessed 20 March 2020).

5. Firth J., Torous J., Stubbs B., Firth J. A., Steiner G., Smith L., Alvarez-Jimenez M., Gleeson J., Vancampfort D., Armitage C., Sarris J. The “Online Brain”: How the Internet May Be Changing Our Cognition. *World Psychiatry*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 119–129. DOI: 10.1002/wps.20617.

6. Carr N. The Shallows. How the Internet Is Changing the Way We Think, Read and Remember [*Na melkovode. Kak Internet vozdeystvuet na nashe myshlenie, pamyat i navyki chteniya*]. Atlantic Books, 2010, 96 p.

7. Age and Sex Composition of the Population of St. Petersburg on the 1 January, 2019. Statistical Bulletin [*Vozrastno-polovoy sostav naseleniya Sankt-Peterburga na 1 yanvarya 2019 goda. Statisticheskiy byulleten*]. Available at: <https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/Age-pol%20as%20SPb%202019.pdf> (accessed 20 March 2020).

8. The Basics of State Youth Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 (Approved by the Order of the Government of the Russian Federation on 29 November, 2014, N 2403-p) [*Osnovy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (utv. rasporyazheniem Pravitelstva RF*

от 29 ноября 2014 г. N 2403-р)]. Available at: <https://base.garant.ru/70813498/> (accessed 20 March 2020).

9. Report “About Conducting Scientific, Sociological and Statistical Studies Aimed at Studying the Forms and Scale of Participation of Citizens and Organizations in Voluntary (Volunteer) Activities”. February, 2019. [*Doklad “O provedenii nauchnykh, sotsiologicheskikh i statisticheskikh issledovaniy, napravlennykh na izuchenie form i masshtabov uchastiya grazhdan i organizatsiy v dobrovolcheskoy (volonterskoy) deyatel'nosti”*. Fevral 2019]. Available at: <https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/21338.pdf> (accessed 20 March 2020).

УДК: 303.6

Может ли социология быть точной наукой?*

Китенко Андрей Максимович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра эксплуатации и управления аэрокосмическими системами, студент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: kitenko.andrey@gmail.com

Авторское резюме

Состояние вопроса: Сегодня социология взаимодействует с большим количеством дисциплин. Но сильнее всего интегрированы с нею, как ни странно, такие сферы знания, как математика и информатика. С ростом цифрового мира появилась возможность собирать большое количество информации. Из полученной информации социология при помощи математических моделей получает статистические данные, которые впоследствии могут быть использованы для прогнозирования или для подтверждения гипотез.

Результаты: В повседневной жизни люди целенаправленно делятся разнообразной информацией. Но они также непрерывно транслируют и другую информацию, которую не хотели бы никому передавать – например, историю местоположения или историю браузера. Организации и методы, собирающие такую информацию для коммерческих, политических и других целей непрерывно развиваются и совершенствуются. Современный человек оказывается постоянно подвержен профилированию с целью предугадывания его действий в любой момент времени. Эта ситуация не только используется коммерческими фирмами, но и создает новые возможности для научного исследования общества.

Выводы: Одной из основных целей анализа данных является поиск статистических закономерностей. С применением сложного математического аппарата и методов работы с большим количеством информации появилась возможность более точно предсказывать поведение отдельного человека или целой социальной группы. В результате развития цифрового мира с каждым годом будет становиться больше данных для анализа и точность прогнозов повысится. Это дает основания предположить, что социология благодаря новым информационным технологиям сможет достигнуть точности современных естественных наук, на что и ориентировал ее Огюст Конт.

Ключевые слова: информация; анализ данных; математические модели; профилирование.

* © А. М. Китенко, 2020.

Could Sociology be an Exact Science?

Kitenko Andrey Maksimovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Operation and Control of Aerospace Systems, student, Saint Petersburg, Russia.

Email: kitenko.andrey@gmail.com

Abstract

Background: Today, sociology interacts with a large number of disciplines. Above all, such fields of knowledge as mathematics and computer science are integrated with it. With the increasing advancement of digital technologies, it has become possible to collect and process a large amount of information. Sociology, using mathematical models, obtains statistical data from the information collected that can be used to predict or confirm hypotheses later.

Results: In everyday life, people purposefully share a variety of information. Living, however, in the world of constant communication, they inevitably end up sharing certain information they would not plan to transmit to anyone – for example, geolocation or internet browser history. Organizations and methods that collect such information for commercial, political and other purposes are continuously developed and improved. Nowadays, people are constantly subject to profiling in order to predict their actions at any time. This situation is not only used by commercial firms, but also creates new opportunities for the scientific study of society.

Conclusion: One of the main goals of data analysis is the search for statistical patterns. With the use of a complex mathematical apparatus and methods of working with a large amount of information, it has become possible to predict more accurately the behavior of an individual or an entire social group. With digital world development, there will be more data for analysis and the accuracy of forecasts will increase every year. This suggests that, due to new information technologies, sociology will be able to achieve the accuracy of modern natural sciences, as Auguste Comte considered.

Keywords: information; data analysis; mathematical models; social profiling.

Один из основателей социологии, Огюст Конт, считал, что эта дисциплина должна стать такой же точной наукой, как и естествознание [см.: 1, с. 13]. Конт полагал, что социальная наука опирается на определённые законы и причинно-следственные связи, а не на субъективную интерпретацию. Но данную позицию, как и ранее, разделяют не все.

Социология сегодня проводит научное исследование общества и человеческого поведения [см.: 2, с. 10]. Она стремится объяснить социальные явления, собирает и обобщает информацию о них. Социология также позволяет прогнозировать социальные явления и управлять ими.

Наш мир сильно изменился за последние годы. Количество генерируемой информации растёт с каждым годом. Сегодня человек постоянно прямо или косвенно взаимодействует с различной цифровой техникой. В домах все чаще появляются «умные» бытовые приборы, управляемые с помощью Интернета –

от умных колонок [см.: 3] до различных камер и датчиков, которые сопровождают человека не только внутри помещений, но и за пределами замкнутых пространств. Когда человек покидает дом, он не остается наедине с собой. Если в кармане лежит смартфон или на руке есть фитнес-трекер, информация продолжает бесперебойно генерироваться и передаваться.

Крупные технологические компании и государственные службы в массовом порядке собирают информацию о нас и используют её в своих интересах. С помощью полученной информации они могут отслеживать, прогнозировать и автоматизировать нашу личную и общественную жизнь [см.: 4]. К сожалению, это не пассивное наблюдение, это попытка активно контролировать человеческое поведение. Компании предугадывают наши действия и делают выводы о наших предпочтениях [см.: 4]. Очень часто с помощью полученной информации они понимают нас лучше, чем мы сами. Создаётся иллюзия выбора, хотя человек получает только ту информацию, которую фирмам выгодно нам предоставить.

В повседневной жизни люди делятся некоторыми вещами сознательно – например, фотографиями или своими мыслями. Но также мы постоянно передаём и другую информацию, которую не хотели бы передавать. К примеру: историю местоположения или историю браузера. Сегодня по истории браузера компании могут сделать вывод о половой принадлежности, уровне дохода, наличии детей, потребительских предпочтениях, увлечениях и характере социальной жизни [см.: 4].

Что же знают онлайн компании о пользователях? Ниже будет приведена выдержка из интернет-статьи «privacyinternational.org» [см.: 5]. Она была написана 7 ноября 2018 года. Работая над данной статьей, журналист хотел узнать, какой информацией о нем владеет компания «Quantcast». Эта компания собирает данные в режиме реального времени со 100 миллионов веб-сайтов. Также необходимо добавить, что «Quantcast» является лишь одной из многих компаний, которые входят в состав сложных серверных систем, используемых для направления рекламы частным лицам и конкретной целевой аудитории [см.: 5].

За одну неделю «Quantcast» накопил более 5300 строк и более 46 столбцов данных, включая URL-адреса, метки времени, IP-адреса, идентификаторы файлов «cookie», информацию браузера и многое другое [см.: 5]. По полученной информации компания смогла предсказать возраст, пол, присутствие детей в домашнем хозяйстве (по количеству детей и их возрасту), уровень образования, общий годовой доход семьи в долларах США и в британских фунтах.

Данная информация собирается и индексируется не просто так. Далее её обрабатывают различные современные математические алгоритмы. Всё это делается для более точного «нацеливания» на человека. Как точно можно нацеливаться? Несколько лет назад рекламная компания из штата Массачусетс в США нацеливалась на «женщин, склонных к абортам» с помощью сообщений против абортов, когда они находились в больнице [см.: 5]. Сейчас есть

техническая возможность нацеливаться на узкие группы людей в определённые моменты времени и в определённых местах.

Ещё один пример из Великобритании. Расследование, проведённое компанией «Big Brother Watch», показало, как полиция Дарема в Великобритании вводила маркетинговые данные «Experian Mosaic» в свой «Инструмент оценки риска вреда», чтобы предсказать, может ли подозреваемый подвергать общество риску (низкой, средней или высокой степени). Также алгоритм использовался при повторном правонарушении с целью принятия решения о том, следует ли обвинять подозреваемого или отправить его в программу по реабилитации [см.: 6].

Одна из самых распространённых ошибок в современном мире – полагать, что есть бесплатные услуги, которыми мы можем быстро и легко воспользоваться. Но на самом деле за каждую бесплатную услугу мы платим персональными данными.

В последнее время кампания по сбору данных «Cambridge Analytica» часто была в центре внимания различных споров об использовании профилирования и микро-таргетинга на политических выборах [см.: 7]. Ниже будут рассмотрены примеры, иллюстрирующие, как разные политические кампании из Соединенных Штатов Америки работают с персональными данными.

Очень часто политические кампании прибегают к использованию данных для принятия тех или иных решений – где проводить митинги, на каких штатах сосредоточиться и как общаться со сторонниками или неопределившимися избирателями. По сути, такие компании, как «Cambridge Analytica», делают две вещи: профилируют людей и используют эти профили для персонализации политических сообщений [см.: 7].

«Cambridge Analytica» считает себя уникальной компанией, потому что она не только профилирует людей, но и может составлять психометрические профили [см.: 8], то есть применять в исследовании психических явлений математические модели [см.: 9, с. 213].

На сегодня психометрические предсказания являются довольно распространённым методом. Можно определить тип личности по фотографиям в «Instagram» [см.: 10, с. 851], по профилю в «Twitter» [см.: 11] или с помощью метрических данных, полученных с мобильных устройств [см.: 12, с. 48]. Компания «IBM» предлагает целый инструмент, который может описать личность человека на основе неструктурированного текста, например: твиты, электронные письма, блоги, статьи и так далее [см.: 15]. Делается это с использованием методов когнитивных вычислений [см.: 13]. Это и есть в каком-то роде по-современному понимаемый «Искусственный интеллект» [см.: 14].

IBM предоставляет разработчикам API (Application Programming Interface), который позволяет программным продуктам получать информацию практически из любых цифровых коммуникаций. Служба использует лингвистический анализ для определения внутренних личностных

характеристик людей. После завершения анализа можно получить текстовую информацию или возможность автоматически визуализировать результаты.

На рисунке 1 представлена для примера визуализация результатов такого анализа.

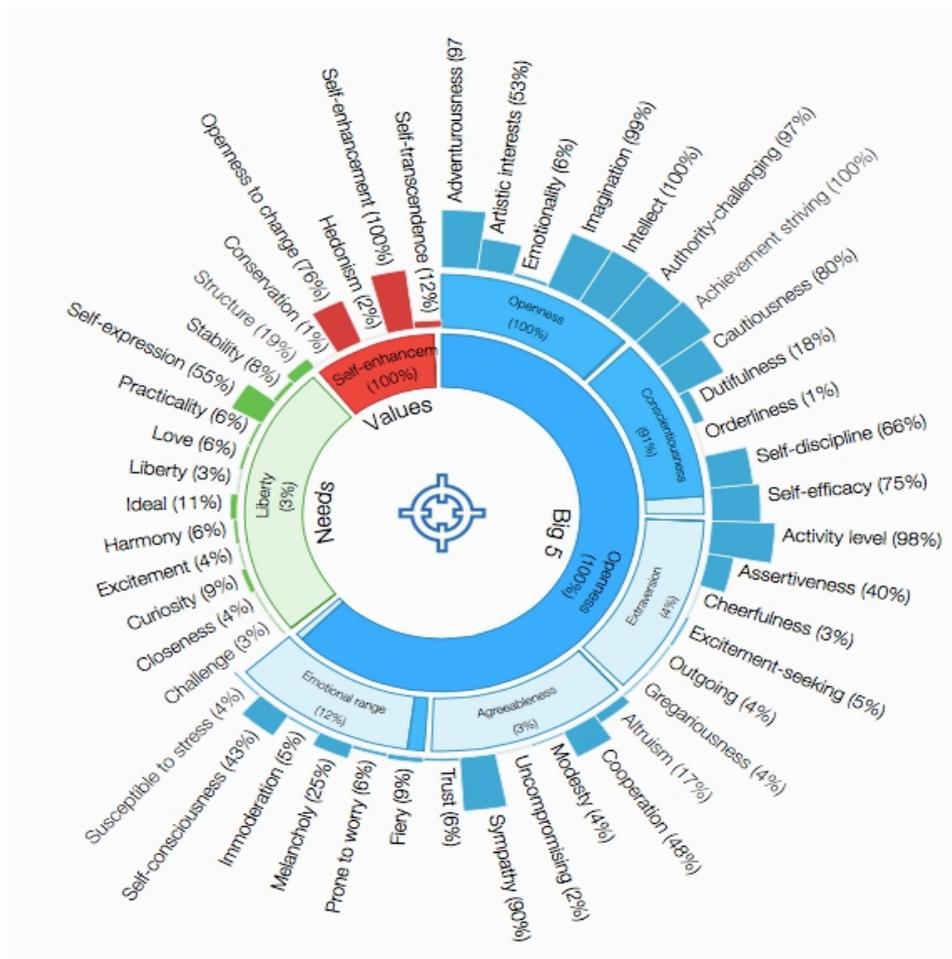


Рисунок 1 – Визуализация результатов инструмента «Personality Insights»

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью утверждать, что в современном мире профилирование преследует человека постоянно, не давая людям шанса на закрытую личную жизнь. Компания «Cambridge Analytica» однозначно собирает данные и обрабатывает их, но, кроме того, «Cambridge Analytica» утверждает, что они могут эффективно изменять поведение людей в массовом масштабе [см.: 7]. Могла ли «Cambridge Analytica» серьезно повлиять на результаты какой-либо политической кампании? На данный момент нет никаких точных данных, поэтому нельзя определенно утверждать, что «Cambridge Analytica» действительно в состоянии осуществлять такое воздействие.

Подобные примеры использования персональных данных в современном цифровом мире достаточно многочисленны.

В настоящее время цифровая среда развивается в экспоненциальной прогрессии. С каждым годом на рынке будет появляться всё больше новых «умных» устройств. В этих устройствах будет находиться бесчисленное количество датчиков, которые смогут собирать информацию об окружающей

среде и в том числе о людях. Совсем скоро появится возможность вживлять медицинские приборы, которые будут постоянно работать в теле человека. Пока можно только предполагать, как эти датчики и приборы, которые могут создаваться для благих целей, в конечном итоге будут использованы для профилирования в интересах тех или иных государств, сообществ и корпораций.

За счёт чего достигается точность в социологии? Современный социолог очень часто имеет дело с большими массивами данных, которые впоследствии должны подвергаться анализу. Проводить анализ значительно проще с применением компьютерной техники: современные компьютеры позволяют быстро перебирать большое количество данных. Сегодня без применения математического аппарата трудно обойтись при решении практически любой социологической задачи. Одной из основных целей анализа данных является поиск статистических закономерностей. Особенностью современной науки и научного мышления является статистическое понимание предопределённости, когда происходит точное предсказание не события, а вероятности события. В этом смысле социология, основанная на современных математических методах, может, безусловно, считаться точной наукой. Несмотря на то, что современная наука развивается диалектически и в ней используются как эмпирические, так и рациональные подходы, сейчас для науки в большей степени характерно всё же превалирование математических методов. Это связано, в частности, с тем, что математика позволяет описывать не только отдельные абстрактные объекты, но и системы в целом. Также для современной науки характерен системный метод, когда все идеи и явления рассматриваются как совокупность данных различных областей и дисциплин, а точные результаты достигаются благодаря синтезу знаний. С применением сложного математического аппарата и большого количества информации появилась возможность более точно предсказывать поведение отдельного человека или целой социальной группы. В силу популяризации цифрового мира данных для анализа с каждым годом будет генерироваться все больше, вследствие чего и прогнозы будут становиться более точными. Следовательно, можно предположить, что социология будет ещё шире использовать математический аппарат и данные, чтобы улучшить точность своих исследований и предсказаний. Установка Огюста Конта на превращение социологии в точную науку получает в информационном обществе новые, все более мощные инструменты для своего осуществления.

Список литературы

1. Коломийцев С. Ю. История философии науки: от XIX до начала XXI века. – СПб.: ГУАП, 2016. – 196 с.
2. Волков Ю. Г. Социология – Издание 2-е. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с.
3. Day M., Turner G., Drozdiak N. Amazon Workers Are Listening to What You Tell Alexa // Bloomberg. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-10/is-anyone-listening-to-you-on-alexa-a-global-team-reviews-audio> (дата обращения 10.02.2020).

4. Pavel V. Our Data Future // Privacyinternational. – URL: <https://www.privacyinternational.org/long-read/3088/our-data-future> (дата обращения 10.02.2020).
5. Kaltheuner F. I Asked an Online Tracking Company for All of My Data and Here's What I Found // Privacyinternational. – URL: <https://privacyinternational.org/long-read/2433/i-asked-online-tracking-company-all-my-data-and-heres-what-i-found> (дата обращения 10.02.2020).
6. Big Brother Watch Team. A Closer Look at Experian Big Data and Artificial Intelligence in Durham Police // Big Brother Watch. – URL: <https://bigbrotherwatch.org.uk/2018/04/a-closer-look-at-experian-big-data-and-artificial-intelligence-in-durham-police/> (дата обращения 10.02.2020).
7. Privacyinternational Team. Cambridge Analytica Explained: Data and Elections // Privacyinternational. – URL: <https://privacyinternational.org/feature/975/cambridge-analytica-explained-data-and-elections> (дата обращения 10.02.2020).
8. Confessore N., Hakim D. Data Firm Says 'Secret Sauce' Aided Trump; Many Scoff // The New York Times. – URL: https://www.nytimes.com/2017/03/06/us/politics/cambridge-analytica.html?_r=0 (дата обращения 10.02.2020).
9. Никандров В. В. Психология: учебник. – М.: Волтерс Клувер. – 2009, 1008 с.
10. Ferwerda B., Schedl M., Tkalcic M. Using Instagram Picture Features to Predict Users' Personality // MultiMedia Modeling: 22nd International Conference, MMM 2016, Miami, FL, USA, January 4–6, 2016, Proceedings, Part I. – 2016, pp. 850–861. DOI: 10.1007/978-3-319-27671-7_71.
11. Quercia D., Kosinski M., Stillwell D., Crowcroft J. Our Twitter Profiles, Our Selves: Predicting Personality with Twitter // 2011 IEEE Third International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and 2011 IEEE Third International Conference on Social Computing. – Boston. – 2011, pp.180–185. DOI: 10.1109/PASSAT/SocialCom.2011.26.
12. Montjoye A., Quoidbach J., Robic F. Predicting Personality Using Novel Mobile Phone-Based Metrics // SBP'13: Proceedings of the 6th International Conference on Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction. – Washington, DC, USA. – April 2–5, 2013. – pp. 48–55. DOI: 10.1007/978-3-642-37210-0_6.
13. Raghavan V., Gudivada V., Govindaraju V. Cognitive Computing: Theory and Applications. – Amsterdam: Elsevier, 2016. – 404 p.
14. Artificial Intelligence – IBM Research // IBM. – URL: <http://research.ibm.com/artificial-intelligence/#fbid=xKc5URYJmqh> (дата обращения 10.02.2020).
15. Watson Personality Insights // IBM. – URL: <https://www.ibm.com/watson/services/personality-insights/> (дата обращения 10.02.2020).

References

1. Kolomiytsev S. Yu. History of the Philosophy of Science: from the 19th to the Beginning of the 21st Century [*Istoriya filosofii nauki: ot XIX do nachala XXI veka*]. Saint Petersburg: GUAP, 2016, 196 p.
2. Volkov Yu. G. Sociology [*Sociologiya*]. Moscow: Gardariki, 2003, 512 p.
3. Day M., Turner G., Drozdiak N. *Amazon Workers Are Listening to What You Tell Alexa*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-10/is-anyone-listening-to-you-on-alex-a-global-team-reviews-audio> (accessed 10 February 2020).
4. Pavel V. *Our Data Future*. Available at: <https://www.privacyinternational.org/long-read/3088/our-data-future> (accessed 10 February 2020).
5. Kalthener F. *I Asked an Online Tracking Company for All of My Data and Here's What I Found*. Available at: <https://privacyinternational.org/long-read/2433/i-asked-online-tracking-company-all-my-data-and-heres-what-i-found> (accessed 10 February 2020).
6. Big Brother Watch Team. *A Closer Look at Experian Big Data and Artificial Intelligence in Durham Police*. Available at: <https://bigbrotherwatch.org.uk/2018/04/a-closer-look-at-experian-big-data-and-artificial-intelligence-in-durham-police/> (accessed 10 February 2020).
7. Privacyinternational Team. *Cambridge Analytica Explained: Data and Elections*. Available at: <https://privacyinternational.org/feature/975/cambridge-analytica-explained-data-and-elections> (accessed 10 February 2020).
8. Confessore N., Hakim D. *Data Firm Says 'Secret Sauce' Aided Trump; Many Scoff*. Available at: https://www.nytimes.com/2017/03/06/us/politics/cambridge-analytica.html?_r=0 (accessed 10 February 2020).
9. Nikandrov V. V. Psychology: a Textbook [*Psikhologiya: uchebnik*]. Moscow: Volters Kluver, 2009, 1008 p.
10. Ferwerda B., Schedl M., Tkalcic M. Using Instagram Picture Features to Predict Users' Personality. *MultiMedia Modeling: 22nd International Conference, MMM 2016*, Miami, FL, USA, January 4–6, 2016, Proceedings, Part I, pp. 850–861. DOI: 10.1007/978-3-319-27671-7_71.
11. Quercia D., Kosinski M., Stillwell D., Crowcroft J. Our Twitter Profiles, Our Selves: Predicting Personality with Twitter. *2011 IEEE Third International Conference on Privacy, Security, Risk and Trust and 2011 IEEE Third International Conference on Social Computing*, Boston, MA, 2011, pp. 180–185. DOI: 10.1109/PASSAT/SocialCom.2011.26.
12. Montjoye A., Quoidbach J., Robic F. Predicting Personality Using Novel Mobile Phone-Based Metrics. *SBP'13: Proceedings of the 6th International Conference on Social Computing, Behavioral-Cultural Modeling and Prediction*, Washington, DC, USA, April 2–5, 2013, pp. 48–55. DOI: 10.1007/978-3-642-37210-0_6.
13. Raghavan V., Gudivada V., Govindaraju V. *Cognitive Computing: Theory and Applications*. Amsterdam: Elsevier, 2016, 404 p.

14. *Artificial Intelligence – IBM Research*. Available at: <http://research.ibm.com/artificial-intelligence/#fbid=xKc5URYJmqh> (accessed 10 February 2020).

15. *Watson Personality Insights*. Available at: <https://www.ibm.com/watson/services/personality-insights/> (accessed 10 February 2020).

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 159.91; 159.947

Психофизиологические воззрения Ф. Ницше в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности. По страницам книг «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону добра и зла»*

Забродин Олег Николаевич – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ozabrodin@yandex.ru

Авторское резюме

Предмет исследования: Психофизиологический анализ книг Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону добра и зла» в аспекте учения В. С. Дерябина об аффективности, согласно которому аффективность (чувства, влечения-мотивации и эмоции) активизирует мышление, психическую и физическую деятельность в направлении удовлетворения актуализированной потребности.

Результаты: Анализ книг Ф. Ницше выявил, что, согласно этому автору, мышление философов, формирование философских понятий происходит не под влиянием абстрактного мышления, а определяется «инстинктом» и различного рода чувствами, вплоть до социальных, в том числе – моральными чувствами. Такого рода чувства (уместно их отнести к аффективности) делают мышление догматическим, односторонним. На примере понятия «воля» автор показал, что она представляет собой сложное психофизиологическое явление, в основе которого лежит в первую очередь «хотение», то есть в современном понимании – аффективность.

Выводы: Ф. Ницше в своих книгах в форме интуитивных догадок излагает основные положения учения об аффективности. Философ ушел далеко вперед по сравнению с наукой его времени в понимании определяющего влияния «инстинктов» (чувств) на мышление, творческую активность человека и, в первую очередь, философа будущего.

Ключевые слова: Ф. Ницше; «Так говорил Заратустра»; «По ту сторону добра и зла»; психофизиология; аффективность.

* © О. Н. Забродин, 2020.

Psychophysiological Views of F. Nietzsche in the Aspect of V. S. Deryabin's Teaching on Affectiveness. Paging Through the Books "Thus Spoke Zarathustra" and "Beyond Good and Evil"

Zabrodin Oleg Nikolaevich – First Saint Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Anesthesiology and Intensive Care, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: ozabrodin@yandex.ru

Abstract

Background: Psychophysiological analysis of Friedrich Nietzsche's books "Thus spoke Zarathustra" and "Beyond Good and Evil" in the aspect of V. S. Deryabin's teaching on affectiveness has been made. According to the teaching, affectiveness (feelings, inclination / motivation and emotions) activates thinking, mental and physical activity in order to satisfy the actualized needs.

Results: The analysis of F. Nietzsche's books has revealed that, according to this author, the thinking of philosophers, the formation of philosophical concepts does not occur under the influence of abstract thinking, but is determined by "instinct" and various kinds of feelings, up to social, including moral ones. Such feelings (it is appropriate to attribute them to affectiveness) make thinking dogmatic, one-sided. Using the notion of "will" as an example, the author has shown that it is a complex psychophysiological phenomenon, primarily based on "desire," that is, in the modern sense, affectiveness.

Conclusion: F. Nietzsche in the form of intuitive conjectures sets out the main postulates of the doctrine of affectiveness. He has gone far ahead in understanding the determining influence of "instincts" (feelings) on the thinking, creative activity of humans and, above all, the philosopher of the future.

Keywords: F. Nietzsche; "Thus Spoke Zarathustra"; "Beyond Good and Evil"; psychophysiology; affectiveness.

Википедия определяет психофизиологию как науку, изучающую нейрофизиологические механизмы психических процессов, состояний и поведения. В рамках психофизиологии решается также психофизиологическая проблема, касающаяся соотношения мозга и психики.

Важным аспектом психофизиологической проблемы является вопрос о взаимоотношении чувств, влечений (в современной терминологии – мотиваций) и эмоций, с одной стороны, и мышления и поведения – с другой. Эволюционная общность чувств, влечений и эмоций позволила объединить их словом «аффективность».

Понятие об аффективности было введено Э. Блейлером [см.: 4] и развито учеником и продолжателем дела И. П. Павлова В. С. Дерябиным в учении об аффективности [см.: 9–11; 16]. Еще в 1927 г. в статье «О закономерности психических явлений» он писал: «В параллель физиологическим процессам мы

видим, как в субъективном мире человека возникают влечения, желания, чувства и эмоции. И эти влечения и эмоции определяют работу его интеллекта и поведение. Человек не чувствует давления физиологических механизмов, как чего-то постороннего. Субъективно он свободен и переживает смену личных желаний, смену свободно поставленных жизненных целей, но из индивидуальных переживаний и действий, протекающих, как ему кажется, в условиях своеобразной жизненной ситуации, слагаются результаты, которые языком статистических цифр говорят о том, что психическая жизнь человека протекает под воздействием принудительных механизмов, которые все проявления жизни человеческой делают столь же объективно обусловленными и закономерными, как явления физико-химические» [7; 13, с. 1321].

Аффективность включает в себя: базовые чувства удовольствия и неудовольствия, приятного и неприятного, чувственные тоны ощущений; влечения – стремления к удовлетворению потребностей – в пище, жидкости, сексуальной потребности; эмоции – психические переживания средней продолжительности, касающиеся плюса или минуса по отношению к личности (радость, горе, обида и др.); социальные чувства, испытываемые человеком по отношению к обществу или его членам (например, чувство справедливости, патриотизм и др.).

Психофизиологические воззрения Ф. Ницше (в дальнейшем – автор, философ) обратили на себя внимание в первую очередь при чтении его книги «Так говорил Заратустра» [см.: 21], а именно – отрывка «О презирающих тело» [см.: 21, с. 30–31] из первой части книги. В нем он рассматривает человека в его психофизиологическом единстве. Между тем и в наше время многие психологи, в отличие от физиологов школы И. П. Павлова, не могут преодолеть дуализм в концепции человека: «с одной стороны – человек существо биологическое, с другой – социальное».

Анализ психофизиологических воззрений Ф. Ницше был проведен в аспекте учения об аффективности ученика и продолжателя дела И. П. Павлова В. С. Дерябина, изложенного в его монографии «Чувства Влечения Эмоции» [см.: 11]. Уместно привести основные положения учения об аффективности, не затрагивая, для простоты изложения, анатомо-физиологических взаимоотношений коры головного мозга (кора) и ее подкорковых образований (подкорка) в динамике аффективности.

«Влияние аффективности на интеллект и регулирующее влияние интеллекта на аффективность не есть проявление антагонизма двух отдельных самостоятельных сил, но аффективность вместе с интеллектом выполняют единую сложную функцию так же, как высшая нервная деятельность слагается из объединенной деятельности коры и подкорки.

Аффективность активизирует внимание и мышление и стимулирует поведение, а мышление находит сообразно объективной ситуации пути для решения задач, которые ставит перед ним аффективность.

Определяющее влияние сильных аффективных реакций на течение психических процессов, включающее действие их на ассоциации, с ними связанные, и выключение ассоциаций, с наличным аффективным

переживанием не связанных, дает основание полагать, что в основе этих явлений лежит ход физиологической доминанты» [11, с. 211–212].

Монография «Чувства, влечения, эмоции» [см.: 11] имеет авторский подзаголовок «Опыт изложения с психофизиологической точки зрения». В. С. Дерябин в своих работах неоднократно подчеркивал, что «всякий психический процесс есть в то же время процесс психофизиологический». В статье «Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о “слитии” субъективного с объективным» [см.: 15] он приводит слова И. П. Павлова о том, что «временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление... вместе с тем она же и психическое – то, что психологи называют ассоциацией...» [24, с. 496].

В этом психофизиологическом аспекте захотелось прокомментировать сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» и «По ту сторону добра и зла». В дальнейшем изложении цитаты из Ф. Ницше представлены в транскрипции автора, заключены в кавычки.

Психофизиологический комментарий к разделу «О презирающих тело» книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»

«Тело – это большой разум, множество с одним сознанием... Орудием тела является также твой маленький разум... ты называешь его духом» [21, с. 30].

Вероятно, «дух» тут следует понимать в качестве сознания и мышления (разум), субстратом которых является кора головного мозга. С позиций психофизиологического единства, развитых в работах В. С. Дерябина, деятельность головного мозга нельзя отделять от всего тела. В монографии «Чувства, влечения, эмоции» [см.: 11] и в психофизиологическом очерке «О сознании», входящем в монографию «Психология личности и высшая нервная деятельность» [см.: 12] он подчеркивает, что от органов чувств, скелетных мышц и внутренних органов исходит центростремительная (афферентная) импульсация, которая определяет уровень бодрствования, психической активности субъекта, самочувствие уставшего, здорового и больного человека. В качестве доказательства он приводит данные о том, что в случае выключения в эксперименте трех дистантных рецепторов (слуха, зрения и обоняния) у собак животные погружались в сон [см.: 1; 6]. Подобные же данные были получены невропатологами [см.: 29; 30] у больных, у которых отсутствовали зрительные, слуховые, обонятельные и осязательные ощущения. У таких больных сон был основным состоянием, в котором они находились в течение суток.

Эти данные предшествовали выходу у нас книги Г. Мэгуна «Бодрствующий мозг» [см.: 20], в которой, в частности, представлена роль восходящей активирующей системы ретикулярной формации ствола мозга в передаче афферентных (центростремительных) нервных импульсов в кору головного мозга, определяющих уровень ее биоэлектрической активности.

Хотя Ф. Ницше не упоминает о головном мозге как субстрате психики, но он говорит о духе, разуме (надо понимать – психике – О. З.) – «этом орудии, игрушке большого разума» (тела). Однако Ф. Ницше не останавливается на

этом крамольном утверждении и идет дальше. Он указывает не только на зависимость духа от тела, но и на то, что «оно (тело) не говорит “я”, но делает его» [21, с. 30]. Как это следует понимать с позиций современных психофизиологических исследований? В психофизиологическом очерке «О Я» монографии «Психология личности и высшая нервная деятельность» В. С. Дерябин [см.: 12] приводит уровни интеграции соматических и психических процессов в организме, вершиной которых является переживание собственного «я». По В. С. Дерябину, эти уровни в процессе усложнения таковы: от интеграции соматических процессов в организме, через соматопсихическую интеграцию к высшей психофизиологической интеграции.

В работе «О Я» В. С. Дерябин отмечает, что «я» нельзя связать с каким-нибудь одним отделом головного мозга. «Я есть словесное обозначение индивидом своего организма как целого, в его психофизиологическом единстве. К я относится мое тело, мои чувствования, мои желания: я думаю, я решаю, я действую. Это я с его телом, с его чувствами, мыслями, стремлениями и действиями противостоит внешнему миру и находится с ним в постоянных и многообразных отношениях» [12, с. 63].

«Но чувства и ум хотели бы убедить тебя, что они цель всех вещей: так тщеславны они... орудием и игрушкой являются чувства и ум: за ними лежит Само. Само ищет также глазами чувств, оно прислушивается также ушами духа (мышления). Само всегда прислушивается и ищет: оно сравнивает, подчиняет, завоевывает... Оно господствует и является даже господином над “я”» [21, с. 30].

Что же такое Само, которое господствует над чувствами, мыслями и даже собственным драгоценным «я»? Ф. Ницше отвечает – «это и есть твое тело» (с его потребностями – О. З.). Тело-Само напрашивается назвать телом, с его способностью к самосохранению. Чувства, разум и даже «я» служат этому могущественному повелителю, *неведомому* мудрецу (курсив мой – О. З.). Почему же неведомому?

Господство тела (организма) скрывается от сознания чувствами и порождаемыми ими мыслями, которые создают у человека иллюзию свободы по удовлетворению насущных потребностей. По современным представлениям, самосохранение организма состоит в первую очередь в поддержании постоянства биохимического и физико-химического состава крови, органов и тканей (гомеостаза).

«В твоём теле он (могущественный повелитель – О. З.) живет...» [21, с. 31]. Ф. Ницше тут отмечает те внутренние импульсы, которые исходят из тела (организма) при неудовлетворенной потребности.

«Твое Само смеется над твоим “я” и его гордыми скачками» [21, с. 31] – иллюзией идеалистического взгляда человека на самого себя как «существо разумное, наделенное свободной волей»).

«Что мне эти скачки и полеты мысли? – говорит оно (Само – О. З.) себе. – Окольный путь к моей цели» [21, с. 31] (самосохранению в биологическом смысле и в социальной среде – О. З.).

«Само говорит к “я”: “Здесь ощущай боль!” И вот оно страдает и думает о

том, как бы больше не страдать и для этого именно *должно* оно думать.

Само говорит к “я”: “Здесь чувствуй радость!” И вот оно радуется и думает о том, как бы почаще радоваться – и для этого именно *должно* оно думать» [21, с. 31].

В. С. Дерябин [11, с. 102] кратко сказал об этом так: «Подгоняя страданием и маня удовольствием, организм создает субъективные методы действий, направляя работу психики к удовлетворению своих очередных потребностей».

Как подчеркивает он же в монографии «Чувства Влечения Эмоции» [11], чувства и ум не являются «целью всех вещей» – они осознаются человеком, но истинной целью их является сигнализация о неудовлетворенной актуализированной потребности и поиск путей к ее удовлетворению. Такими потребностями в первую очередь являются биологические – потребности в приеме пищи и воды, поддержания температуры тела, сексуальная, отражающие потребность организма в поддержании биохимического и физико-химического постоянства с целью сохранения особи или индивида и вида.

Примером может служить необходимость поддержания уровня глюкозы в крови в оптимальном для организма диапазоне – 3,33–5,55 ммоль/л [см.: 18]. В случае значительного снижения уровня глюкозы у человека возникает острое чувство голода, связанное с «голодными» сокращениями желудка, имеющими выраженную негативную эмоциональную окраску. Оно сигнализирует о наличии гипогликемии и мобилизует мышление в направлении поиска путей к удовлетворению доминирующей потребности – избавиться от неприятного чувства голода. В разделе «Общая схема действия влечений» монографии «Чувства Влечения Эмоции» В. С. Дерябин пишет следующее. «Влечение (к пище, питью и т. п. – О. 3.) ставит задачи интеллекту для своего удовлетворения и пользуется им как рабочим аппаратом. Оно давит на мышление, приковывает его к нахождению способов своего удовлетворения и заставляет его до тех пор работать в нужном направлении, пока не найден удачный исход» [11, с. 102].

Таким образом, Ф. Ницше вел борьбу с односторонними представлениями о господствующей роли души (психики), по воле человека управляющей телом (организмом) с его потребностями. Если Ф. Ницше полемизировал с презирующими тело в пользу души, то в 40-х гг. XX в. такое представление трансформировалось в признание того, что организм с его физиологическими механизмами не участвует в психической деятельности, которая осуществляется головным мозгом. Эти представления нашли отражение в книге И. С. Беритова «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» [см.: 3] и привели его к выводу о том, что «попытка проникнуть в динамику психических явлений с точки зрения физиологических закономерностей всегда будет обеспечена на неудачу» [3, с. 98]. Ответом на такое отрицание результатов исследований И. П. Павлова и его школы явилась статья В. С. Дерябина «Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова “Об основных формах нервной и психонервной деятельности”», написанная в 1949 г. к 100-летию со дня рождения

И. П. Павлова. Возражая против представлений И. С. Беритова о якобы спонтанной деятельности головного мозга, В. С. Дерябин [см.: 14] приводит примеры нервных, гуморальных и гормональных эндогенных влияний, активирующих психическую деятельность коры головного мозга.

Далее Ф. Ницше пишет о «Созидающем Само»: «Созидающее (развивающееся – О. З.) Само создало себе любовь и презрение, оно создало себе радость и горе (это уже перечисление социальных эмоций, в отличие от биологических – чувства удовольствия и неудовольствия, сопровождающего боль – О. З.). Созидающее тело создало себе дух (мышление – О. З.) как орудие своей воли» [21, с. 31] (воли к саморазвитию, – физическому, психическому с целью становления в социальной среде – О. З.).

У «презирающих тело» оно (Само) «уже не в силах делать то, чего оно хочет больше всего: – *созидать дальше себя* (курсив мой – О. З.). Этого оно хочет больше всего, в этом все страстное желание его» [21, с. 31].

С современных позиций понять Ф. Ницше можно таким образом, что он говорит не только о самосохранении тела (организма) и человека (понятия для него близкие), но и о саморазвитии с помощью мышления, побуждаемого социальными потребностями, без удовлетворения которых саморазвитие невозможно.

На чем же могли основываться описанные гениальные провидения Ф. Ницше? Только ли на интуиции – способности чувствовать истину? С. Цвейг в своем эссе «Ницше» отмечает, что нервы мыслителя были «слишком нежны для его бурной впечатлительности (эмоциональной реактивности – О. З.) и поэтому всегда в состоянии возмущения... (гиперактивность вегетативной нервной системы, связанная с избыточной эмоциональностью – О. З.) при всяком взрыве чувства достаточно мгновения в точном смысле этого слова для того, чтобы изменить кровообращение» [31, с. 236–237].

Возникает мысль о высокой реактивности у Ф. Ницше симпатико-адреналовой системы (САС), которая реагирует возбуждением в ответ на сильные эмоции, отклонения гомеостаза, связанные, в частности, с изменениями метеорологических условий, к которым он был так чувствителен. Проявлением повышенного тонуса симпатической нервной системы (СНС) – «гиперсимпатикотонии» являются присущие Ф. Ницше склонность к резкому повышению артериального давления, склонность к запорам, так мучившая его бессонница, похолодание пальцев рук, о которых упоминает С. Цвейг. Гиперреактивность САС характеризуется резким выбросом в кровь больших количеств норадреналина из симпатических нервных окончаний и адреналина из мозгового слоя надпочечников. «Ничто у него не остается скрытым от тела (как и от духа)... Эта ужасающая, демоническая сверх чувствительность его нервов... превращается в отчетливую боль, является корнем всех его страданий и в то же время ядром его гениальной способности к оценке» (курсив мой – О. З.) [31, с. 237].

Таким образом, С. Цвейг отмечает, что повышенная реактивность, по нашим представлениям, – эмоциональная и САС, явилась источником творческих озарений великого мыслителя. Следуя за Ф. Ницше в его

утверждении об активном влиянии тела на дух (психику), уместно вспомнить научные данные по этому вопросу.

В своей статье «Эмоции как источник силы» [см.: 9] В. С. Дерябин приводит примеры того, как сильные эмоции являются источником высокой физической выносливости и психической активности. При этом он подчеркивает, что в основе такого «динамогенного действия эмоций» лежит адаптационно-трофическая функция СНС, установленная исследованиями ученика И. П. Павлова Л. А. Орбели и его школы. Согласно исследованиям Л. А. Орбели, вся высшая нервная деятельность (ВНД), выражающаяся в выработке новых, приобретенных связей, индивидуальных рефлексов, в переоценке нашего отношения к внешнему миру, – все эти сложные процессы, лежащие в основе нашей психической деятельности, находятся под непосредственным регулирующим влиянием СНС [см.: 23]. Подтверждением тонизирующего влияния СНС на кору головного мозга, которое способствует осуществлению ВНД и психической нервной деятельности, являются данные А. А. Асратяна [см.: 2]. Согласно этим данным, удаление у собак верхних шейных симпатических ганглиев, через которые осуществляются центростремительные влияния СНС на головной мозг, вызывало резкое нарушение ВНД, проявившееся в быстром угасании ранее выработанных условных рефлексов, нарушении баланса между возбуждением и торможением в сторону превалирования торможения, которое сохранялось в течение многих месяцев.

В данном изложении речь не шла о сведении высказываний Заратустры и творческой активности Ф. Ницше, его чувств и мыслей, определяемых социальной средой, к удовлетворению биологических потребностей. Представляется, что эндогенные влияния, поддерживающие и активирующие психическую деятельность, – нервные, гуморальные и гормональные, хотя и не определяли содержания сознания Ф. Ницше и круг его мыслей, но создавали для них психофизиологическую основу, снабжали энергией его творческую активность.

Психофизиологический комментарий к книге Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла»

В письме к издателю книги «По ту сторону добра и зла», в Примечании к ней, Ф. Ницше писал: «С другой стороны, было бы не менее полезно привлечь к этим вопросам физиологов и врачей. На самом деле прежде всего надо, чтобы все таблицы ценностей, все императивы, о которых говорит история и этнологические науки, были освещены и объяснены *с точки зрения физиологической* (курсив автора – О. З.), прежде чем пытаться объяснить их с помощью психологии...» [5, с. 247].

Зависимость психики, творческой активности от тела, состояния организма Ф. Ницше отмечал на самом себе. Он был крайне чувствителен к переменам погоды, атмосферного давления, внешней температуры, к ветру. Это заставляло его часто менять места своего пребывания: Ниццу, Геную, Энгадин. Об этом уже писал, ссылаясь на исследователя личности и творчества

Ф. Ницше, Стефан Цвейг [31, с. 236–237].

Сам Ф. Ницше в своей книге отмечал, что мышление философов, формирование философских понятий происходит не под влиянием абстрактного мышления, а определяется «инстинктом» и различного рода чувствами, вплоть до социальных, в том числе – моральными чувствами. Такого рода чувства (уместно их отнести к аффективности) делают мышление догматическим, односторонним.

В нашу задачу не входил анализ всего текста книги. Номера подотделов книги, в которых прослеживаются психофизиологические воззрения Ф. Ницше, в последующем изложении выделены жирным шрифтом.

Отдел первый: о предрассудках философов

Ф. Ницше объявляет войну догматической философии, базирующейся на абстрактных понятиях: самосознание, знание, истина и воля к истине, свобода воли. При этом он задался вопросом: «Что собственно *в нас хочет* (курсив мой – О. З.) “истины” и в чем ее ценность?» [22, с. 3].

Для него не остается неопровержимых понятий: «душа» – это лишь народное суеверие, чему у современных философов соответствуют понятия субъект и Я. Как природный диалектик, он опровергает веру метафизиков в незыблемость противоположных по значению ценностей, в существование противоположностей вообще.

2. «Как *могло бы нечто возникнуть из своей противоположности?* Например, истина из заблуждения? Или воля к истине из воли к обману? Или бескорыстный поступок из своекорыстия? Или чистое, солнцеподобное, созерцание мудреца из ненасытного желания?» [22, с. 8]. «Возможно даже, что и сама ценность этих хороших и почитаемых вещей заключается как раз в том, что они состоят *в фатальном родстве с этими дурными, мнимо противоположными вещами, связаны, сплочены, может быть, даже тождественны с ними по существу*» (курсив мой – О. З.) [22, с. 9].

Надо думать, что такое смелое высказывание должно было вызвать сильный моральный протест как ученых, так и обывателей. Представляется, что Ф. Ницше – диалектик, усматривает «снятие» приведенных им противоречий (противоположностей) в их *развитии* (курсив мой – О. З.) от отрицательного явления к положительному.

3. Этот подотдел отдела I имеет принципиальное значение, так как в нем обосновывается зависимость мышления от инстинкта (аффективности – чувств, влечений и эмоций).

«После довольно долгих наблюдений над философами и чтения их творений между строк я говорю себе, что *большую часть сознательного мышления нужно еще отнести к деятельности инстинкта, и даже в случае философского мышления... большей частью сознательного мышления философа тайно руководят его инстинкты, направляющие это мышление определенными путями*» (курсив мой – О. З.) [22, с. 10].

И далее: «Да и позади всей логики, кажущейся самодержавной в своем движении, *стоят расценки ценностей, точнее говоря, физиологические*

требования, направленные на поддержание определенного жизненного вида» (курсив мой – О. З.) [22, с. 10].

Таким образом, в основе логики – мышления, по Ф. Ницше, находятся расценки ценностей (в современном понимании – влечения-мотивации). В основе органических влечений, биологических мотиваций (голода, жажды, полового влечения) лежит поддержание постоянства внутренней среды организма – гомеостаза [см.: 11; 17; 27].

5. «Если что побуждает нас смотреть на всех философов отчасти недоверчиво, отчасти насмешливо, так это... как в сущности они с помощью подтасованных оснований защищают какое-нибудь предвзятое положение, внезапную мысль, “внушение”, большей частью абстрагированное и профильтрованное *сердечное желание*» (курсив мой – О. З.).

6. «Мало-помалу для меня выяснилось, чем была до сих пор всякая великая философия: как раз *самоисповедью ее творца, чем-то вроде memoirs, написанных им помимо воли и незаметно для самого себя*; равным образом для меня выяснилось, что *нравственные (или безнравственные) цели* составляют в каждой философии подлинное жизненное зерно, из которого каждый раз вырастает целое растение... (весь курсив мой – О. З.). Поэтому я не думаю, чтобы “позыв к познанию” был отцом философии, а полагаю, что здесь, как и в других случаях, какой-либо иной *инстинкт пользуется познанием (и незнанием!) только как орудием* (курсив мой – О. З.). А кто приглядится к основным инстинктам человека (влечениям-мотивациям – О. З.), исследуя, как далеко они могут простирать свое влияние именно в данном случае, в качестве *вдохновляющих* гениев (или демонов и кобольдов), тот увидит, что все они уже занимались некогда философией и что каждый из них очень хотел бы представлять *собой* последнюю цель существования и изображать *управомоченного господина* всех остальных инстинктов» (социальных чувств – О. З.) [22, с. 13–14].

8. «В каждой философии есть пункт, где на сцену выступает “убеждение” философа, или, говоря языком одной старинной мистерии: *adventavit asinus pulcher et fortissimus*» (лат. – явился прекрасный и сильный осёл – О. З.) [22, с. 16].

«Убеждение», «убежденность», эмоциональная заряженность (аффективность) определяют ход мыслей, отбор ассоциаций в пользу выдвигаемой гипотезы, теории, «логику» философа.

11. «...настало время понять, что *для целей поддержания жизни существ нашего рода* такие суждения (априорные суждения Канта – курсив и примечание мои – О. З.) должны быть *считаемы истинными*» [22, с. 22].

13. В этом подотделе Ф. Ницше выступает против взгляда физиологов на инстинкт самосохранения как на кардинальный инстинкт органического существа: «Прежде всего нечто живое хочет *проявлять* свою силу – сама жизнь есть воля к власти: самосохранение есть только одно из косвенных и многочисленных *следствий этого*» [22, с. 25].

Представляется, что в основе инстинкта самосохранения лежит чувство страха. Поэтому философ наряду с этим кардинальным инстинктом признает

более важный для него инстинкт развития и овладения (например – природой, условиями существования). Аффективность, по В. С. Дерябину, источник не только самосохранения, но и развития [см.: 11, с. 209–210]. Подобным образом высказывался и известный исследователь эмоций академик П. В. Симонов: «Хотя способность к сохранению особи, потомства и вида представляет необходимое условие самого существования живого на нашей планете, оно служит лишь фоном для реализации тенденций роста, развития, совершенствования живых систем, тенденций заполнения и освоения окружающего пространства...» [25, с. 147–148].

19. В нижеследующей цитате Ф. Ницше, вопреки метафизическому представлению о воле как едином психологическом феномене, раскрывает ее сложные механизмы.

«Философы имеют обыкновение говорить о воле как об известнейшей в мире вещи... Но мне постоянно кажется, что и Шопенгауэр сделал в этом случае лишь то, что обыкновенно делают философы: принял *народный предрассудок* и еще усилил его. Мне кажется, что хотение есть прежде всего нечто *сложное*, нечто имеющее единство только в качестве слова – и как раз в выражении его одним словом сказывается народный предрассудок... в каждом хотении есть, во-первых, множество чувств, именно: чувство состояния, от которого мы стремимся *избавиться* (отрицательный чувственный тон ощущений – О. З.), чувство состояния, которого мы стремимся *достигнуть* (положительный чувственный тон ощущений – О. З.), чувство самих этих стремлений (потребность – О. З.), затем еще сопутствующее мускульное чувство, возникающее, раз мы “хотим”, благодаря некоторого рода привычке и без приведения в движение наших “рук и ног”» [22, с. 31].

В соответствии с гипотезой Джеймса-Ланге, центростремительная нервная импульсация, поступающая с периферии тела (в частности, от скелетных мышц) в головной мозг, способствует формированию эмоций, или же, по другим взглядам, их усиливает [см.: 11].

Такое психофизиологическое толкование Ф. Ницше воли как сложного психического явления представляется более научным, чем определения ее, даваемые нынешними психологами. Их определения отличаются чистой описательностью, не раскрывают сложного содержания воли. Википедия дает такое определение: «Воля – способность человека принимать решения на основе мыслительного процесса и направлять свои мысли и действия в соответствии с принятым решением»; другое определение: «Воля – способность к сознательной регуляции поведения». В этих дефинициях нет «хотения» – доминирующих чувств, влечений и эмоций (аффективности), которые движут человеком и не позволяют ему уклониться от поставленной цели.

Такие психологические определения воли, как и многих других базовых определений психологии, могли бы дать умудренные опытом носители обыденного сознания, не будучи психологами-специалистами. Эти определения недалеки от тех, которые критиковал Ф. Ницше.

«Во-вторых, подобно тому, как ощущения – и именно разнородные ощущения – нужно признать за ингредиент воли, так же обстоит дело и с мышлением: *в каждом волевом акте есть командующая мысль; однако нечего и думать, что можно отделить эту мысль от “хотения”* (курсив мой – О. З.) и что будто тогда останется еще воля. В-третьих, воля есть не только комплекс ощущения и мышления, но прежде всего еще и *аффект* (курсив Ф. Н. – О. З.) – и к тому же аффект команды. *То, что называется “свободой воли”, есть в сущности превосходящий аффект по отношению к тому, который должен подчиниться: “я свободен, “он” должен повиноваться”, – это сознание кроется в каждой воле* (курсив мой – О. З.) так же, как и то напряжение внимания, тот прямой взгляд, фиксирующий исключительно *одно*, та безусловная оценка положения “теперь нужно это и ничто другое”, та внутренняя уверенность, что повинование будет достигнуто, и все, что еще относится к состоянию повелевающего. Человек, который хочет, – приказывает чему-то в себе, что повинуется или о чем он думает, что оно повинуется» [22, с. 31–32].

В свете учения А. А. Ухтомского [см.: 28] о доминанте можно судить о том, что Ф. Ницше тут говорит о доминирующем эмоциональном возбуждении, которое подавляет все субдоминантные эмоциональные и интеллектуальные возбуждения. Согласно А. А. Ухтомскому, очаги возбуждения, возникающие в ЦНС, привлекают к себе вновь возникающие волны возбуждения, тормозят работу других центров и могут тем самым в значительной степени изменять работу нервной системы. В. С. Дерябин [см.: 11], развивая учение о доминанте применительно к аффективности, впервые выдвинул положение о единой психофизиологической доминанте при влечениях (мотивациях). *Ф. Ницше стихийно пришел к выводу о том, что доминирующая сильная эмоция (аффект) определяет мысли и поведение человека, находящие выражение в понятии «воля», опередив тем самым научные представления о доминанте.*

«Но обратим теперь внимание на самую удивительную сторону воли, этой столь многообразной вещи, для которой у народа есть только *одно* слово: поскольку в данном случае мы являемся одновременно приказывающими и повинующимися и, как повинующимся, нам знакомы чувства принуждения, напора, давления, сопротивления, побуждения, возникающие обыкновенно вслед за актом воли; поскольку, с другой стороны, мы привыкли не обращать внимания на эту двойственность, обманчиво отвлекаться от нее при помощи синтетического понятия *Я...* хотящий полагает с достаточной степенью уверенности, что воля и действие каким-то образом составляют одно, – он приписывает самой воле еще и успех, исполнение хотения и наслаждается при этом приростом того чувства мощи, которое несет с собою всяческий успех. “Свобода воли” – вот слово для этого многообразного состояния удовольствия хотящего, который повелевает и в то же время сливается в одно существо с исполнителем, – который в качестве такового наслаждается совместно с ним торжеством над препятствиями, но втайне думает, будто в сущности это сама его воля побеждает препятствия» [22, с. 32–33].

Можно видеть, что Ф. Ницше выступает против обманчивого понимания «свободы воли» как результата произвольного акта «мыслительный приказ – действие» и рассматривает волю как синтез, включает в качестве определяющего звена «хотение», то есть аффективность.

По поводу свободы воли Б. Спиноза писал: «Люди только по той причине считают себя свободными, что свои действия они сознают, а причин, которыми они определяются, не знают...» [26, с. 86].

23. «Сила моральных предрассудков глубоко внедрилась в умственный мир человека, где, казалось бы, должны царить холод и свобода от гипотез, – и, само собою разумеется, она действует вредоносно, тормозит, ослепляет, искажает. Истой *физиопсихологии* (курсив мой – О. З.) приходится бороться с бессознательными противодействиями в сердце исследователя, ее противником является “сердце”: уже учение о взаимной обусловленности “хороших” и “дурных” инстинктов (как более утонченная безнравственность) удручает даже сильную, неустрашимую совесть, – еще более учение о выводимости всех хороших инстинктов из дурных. Но положим, что кто-нибудь принимает даже аффекты ненависти, зависти, алчности, властолюбия за аффекты, обуславливающие жизнь, за нечто принципиально и существенно необходимое в общей экономике жизни, что, следовательно, должно еще прогрессировать, если должна прогрессировать жизнь, – тогда он будет страдать от такого направления своих мыслей, как от морской болезни» [22, с. 40–41].

Психолог, который встанет на эту точку зрения, *«вправе требовать за это, чтобы психология была снова признана властительницей наук, для служения и подготовки которой существуют все науки. Ибо психология стала теперь снова путем к основным проблемам»* (курсив мой – О. З.) [22, с. 41].

Это высказывание Ф. Ницше о психологии – «науке всех наук», близко воззрению К. Маркса на синтетическую науку о человеке: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука» [19, с. 596].

Отдел второй: свободный ум

26. «И где только кто-нибудь без раздражения, а скорее добродушно говорит о человеке как о брюхе с двумя потребностями и о голове – с одной, всюду, где кто-нибудь видит, ищет и *хочет* видеть подлинные пружины людских поступков только в голоде, половом вожделении и тщеславии; словом, где о человеке говорят дурно, но совсем не *злобно*, – там любитель познания должен чутко и старательно прислушиваться, и вообще он должен слушать там, где говорят без негодования. *Ибо негодующий человек и тот, кто постоянно разрывает и терзает собственными зубами самого себя (или взамен этого мир, или Бога, или общество), может, конечно, в моральном отношении стоять выше смеющегося и самодовольного сатира, зато во всяком другом смысле он представляет собою более обычный, менее значительный, менее поучительный случай. И никто не лжет так много, как негодующий»* (курсив мой – О. З.) [22, с. 47–48].

В этой афористической форме ярко выражена зависимость мышления от аффективности, направляющей его с целью удовлетворения актуализированной потребности (в данном конкретном случае – потребности доказать свое, справедливость своего негодования).

30. «Есть книги, имеющие обратную ценность для души и здоровья, смотря по тому, пользуется ли ими низкая душа, низменная жизненная сила или высшая и мощная: в первом случае это опасные, разъедающие, разлагающие книги, во втором – клич герольда, призывающий самых доблестных к *их* доблести» [22, с. 53].

Это высказывание Ф. Ницше допустимо приложить и к книгам самого философа, которые были интерпретированы идеологами фашизма в своих целях. Разумеется, сам философ не предполагал такую метаморфозу.

31. «Мы чтим и презираем в юные годы еще без того искусства оттенять наши чувства, которое составляет лучшее приобретение жизни, и нам по справедливости приходится потом жестоко платить за то, что мы таким образом набрасывались на людей и на вещи с безусловным утверждением и отрицанием... Гнев и благоговение, два элемента, подобающие юности, кажется, не могут успокоиться до тех пор, пока не исказят людей и вещи до такой степени, что будут в состоянии излиться на них: юность есть сама по себе уже нечто искажающее и вводящее в обман. Позже, когда юная душа, измученная сплошным рядом разочарований, наконец становится недоверчивой к самой себе, все еще пылкая и дикая даже в своем недоверии и угрызениях совести, – как негодует она тогда на себя, как нетерпеливо она себя терзает, как мстит она за свое долгое самоослепление, *словно то была добровольная слепота!*» (курсив мой – О. З.) [22, с. 53–54].

Повышенная эмоциональность юности, еще лишенной жизненного опыта, не тормозимая корой головного мозга, определяет оценку людей, зачастую несправедливую, так как искажает восприятие, подчиняя его внешнему впечатлению. Как отмечает философ, такое влияние аффективности на мышление происходит независимо от сознания (самоослепление, добровольная слепота).

32. «...среди нас, имморалистов, зародилось подозрение, что именно в том, что *непреднамеренно* в данном поступке, и заключается его окончательная ценность и что вся его намеренность, все, что в нем можно видеть, знать, «сознавать», составляет еще его поверхность и оболочку, которая, как всякая оболочка, открывает нечто, но еще более *скрывает?*» [22, с. 56].

С позиций учения об аффективности, под непреднамеренностью следует понимать неосознаваемое влияние актуализированной потребности, которая проявляет себя в чувствах, влечениях и эмоциях, ставящих интеллекту цель – «намеренность», которая остается, в отличие от аффективности, на поверхности сознания.

36. «Допустим, что нет иных реальных “данных”, кроме нашего мира вожделений и страстей, что мы не можем спуститься или подняться ни к какой иной “реальности”, кроме реальности наших инстинктов – ибо мышление есть только взаимоотношение этих инстинктов, – не позволительно ли в таком

случае сделать опыт и задаться вопросом: не *достаточно* ли этих “данных”, чтобы понять из им подобных и так называемый механический (или “материальный”) мир? Я разумею, понять его... как нечто, обладающее той же степенью реальности, какую имеют сами наши аффекты, – как более примитивную форму мира аффектов (чувственный тон наших ощущений – О. З.), в которой еще замкнуто в могучем единстве все то, что потом в органическом процессе ответвляется и оформляется (а также, разумеется, становится нежнее и ослабляется), как род жизни инстинктов (влечений, эмоций – О. З.), в которой все органические функции, с включением саморегулирования, ассимиляции, питания, выделения, обмена веществ, еще синтетически вплетены друг в друга, – как *праформу* жизни?» [22, с. 60–61].

41. «Нужно дать самому себе доказательства своего предназначения к независимости и к повелеванию; и нужно сделать это своевременно... Не привязываться к личности, хотя бы и к самой любимой, – каждая личность есть тюрьма, а также угол. Не привязываться к отечеству, хотя бы и к самому страждущему и нуждающемуся в помощи, – легче уж отворотить свое сердце от отечества победоносного. Не прилепляться к состраданию, хотя бы оно и относилось к высшим людям, исключительные мучения и беспомощность которых мы увидели случайно. Не привязываться к науке, хотя бы она влекла к себе человека драгоценнейшими и, по-видимому, для *нас* сбереженными находками. Не привязываться к собственному освобождению, к этим отрадным далям и неведомым странам птицы, которая взмывает все выше и выше, чтобы все больше и больше видеть под собою, – опасность летающего. Не привязываться к нашим собственным добродетелям и не становиться всецело жертвою какого-нибудь одного из наших качеств, например нашего “радушия”, – такова опасность из опасностей для благородных и богатых душ, которые относятся к самим себе расточительно, почти беспечно и доводят до порока добродетель либеральности. Нужно уметь *сохранять себя* – сильнейшее испытание независимости» [22, с. 66–67].

Итак, отказ от всех человеческих эмоций: от любви к близкому человеку, от привязанностей к родным, к отечеству, к страждущему человеку, к науке с ее «драгоценнейшими» открытиями, от постановки высоких целей в будущем; не растрчивать себя для других – и все это – для сохранения себя, для *предназначения* (курсив мой – О. З.) – к независимости и повелеванию. Однако повелевание – над кем? Сохранение – для чего? – ответа на эти вопросы автор не дает. Да и термин «воля к власти» пока не раскрыт им. В другом месте он пишет, что воля к власти не аналогична инстинкту самосохранения, но направлена на развитие и овладение (но чем – средой обитания или человечеством для его просвещения, для сохранения вида и рода?). Ниже [см.: 22, с. 250] он пишет о «моей *серьезной* проблеме», «европейской проблеме», как он понимает ее, воспитании новой господствующей над Европой касты.

Отдел четвертый: афоризмы и интермедии

68. «Я это сделал», – говорит моя память. «Я не мог этого сделать», – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает» [22, с. 102].

Память уступает стремлению избежать переживаний отрицательного чувственного тона (например, стыда), неприятного. Сам термин «неприятный» – буквально непринимаемый, неприемлемый, то, что не хочет приниматься, подобно тому, как человек, стремясь избежать боли, рефлекторно отдергивает руку при уколе или ожоге. Поэтому у большинства, но далеко не у всех, людей, переживания, носящие негативную окраску, забываются – охранительная реакция психики.

83. «*Инстинкт.* – Когда горит дом, то забывают даже об обеде. – Да – но его наверстывают на пепелище» [22, с. 105].

При пожаре возникает сложное переживание: в первую очередь – основное базовое чувство – инстинкт самосохранения, в основе которого – страх, вместе с ним – чувство потери дорогих по воспоминаниям и ценных по стоимости вещей. Это создает в коре головного мозга доминантный очаг возбуждения, который по закону доминанты подавляет другое базовое чувство – чувство голода. Кроме того, при сильных эмоциях, в частности, при страхе, выделяется адреналин мозгового слоя надпочечников, который подавляет желудочные секрецию и моторику и угнетает аппетит [см.: 10].

85. «Одинаковые аффекты у мужчины и женщины все-таки различны в темпе – поэтому-то мужчина и женщина не перестают не понимать друг друга» [22, с. 105].

Это высказывание можно объяснить следующим образом. Известно, что эмоции у женщин более сильные, «бурные», но зачастую непродолжительные. Эмоции у мужчин менее сильные и выраженные внешне, однако более длительные, оставляющие после себя продолжительный след (в частности, обиду).

117. «Воля к победе над одним аффектом в конце концов, однако, есть только воля другого или множества других аффектов».

В свете учения А. А. Ухтомского о доминанте [см.: 28], очаги возбуждения, возникающие в центральной нервной системе, притягивают к себе другие очаги возбуждения и тормозят работу нервных центров (в последнем случае – отрицательная индукция, по И. П. Павлову).

Отдел пятый: к естественной истории морали

191. «Старая теологическая проблема “веры” и “знания” – или, точнее, вещей инстинкта и разума, – стало быть, вопрос, заслуживает ли инстинкт при оценке большего авторитета, нежели разум, ставящий вопрос “почему?”, требующий оснований, стало быть, целесообразности и полезности, – это все та же старая моральная проблема, которая явилась впервые в лице Сократа и еще задолго до христианства произвела умственный раскол... Но к чему, сказал он себе, освободиться из-за этого от инстинктов! Нужно дать права им, а также и разуму, – нужно следовать инстинктам, но убедить разум, чтобы

он при этом оказывал им помощь вескими доводами... (курсив мой – О. З.) но разум есть только орудие» [22, с. 138].

Подобным же образом, уже на научной основе, высказывался и В. С. Дерябин: «Интересные данные для выяснения работы головного мозга принесло изучение новой болезни летаргического энцефалита. Здесь нередко оказывается изолированное поражение эмоционально-волевой сферы. Экспериментально-психологическое исследование показывает, что с интеллектом у больного дело обстоит нередко благополучно, но у него нет ни тоски, ни радости, ни гнева, ни надежды и нет целей. Получается живой труп. Этот естественный эксперимент с особенной яркостью показал, что движущей силой являются эмоции, что интеллект сам по себе бесплоден. Ум, освобожденный от влияний эмоций, похож на механизм, из которого вынута пружина, приводящая его в действие. Разум только рабочий аппарат» [см.: 8; 13, с. 1318].

Отдел шестой: мы ученые

206. «По сравнению с гением, то есть с существом, которое *производит* или *рождает*, беря оба слова в самом обширном смысле, – ученый, средний человек науки всегда имеет сходство со старой девой: ибо ему, как и последней, незнакомы два самых ценных отправления человека... Рассмотрим подробнее: что такое человек науки? Прежде всего это человек незнатной породы, с добродетелями незнатной, то есть негосподствующей, не обладающей авторитетом, а также лишенной самодовольства породы людей: он трудолюбив, умеет терпеливо стоять в строю, его способности и потребности равномерны и умеренны, у него есть инстинкт чужь себе подобных и то, что потребно ему подобным, – например, та частица независимости и клочок зеленого пастбища, без которых не может быть спокойной работы, то притязание на почет и признание (которое предполагает прежде всего и главным образом, что его можно узнать, что он заметен), – тот ореол доброго имени, то постоянное скрепление печатью своей ценности и полезности, которому непрерывно приходится побеждать внутреннее *недоверие*, составляющее коренную черту зависимого человека и стадного животного. Ученому, как и подобает, свойственны также болезни и дурные привычки незнатной породы: он богат мелкой завистью и обладает рысьими глазами для низменных качеств таких натур, до высоты которых не может подняться. Он доверчив, но лишь как человек, который позволяет себе идти, а не *стремиться*; и как раз *перед человеком великих стремлений* (курсив мой – О. З.) он становится еще холоднее и замкнутее, – его взор уподобляется тогда строптивому гладкому озеру, которого уже не рябит ни восхищение, ни сочувствие. Причиной самого дурного и опасного, на что способен ученый, является инстинкт посредственности, свойственный его породе: тот иезуитизм посредственности, который инстинктивно работает над уничтожением необыкновенного человека и старается сломать или – еще лучше! – ослабить каждый натянутый лук. Именно ослабить – осмотрительно, осторожной рукой, конечно, – *ослабить* с доверчивым состраданием: это подлинное искусство

иезуитизма, который всегда умел рекомендовать себя в качестве религии сострадания» [22, с. 168–169].

Целый подотдел понадобился для освещения подробного и малоутешительного образа ученого, в основе которого лежит ограниченный интеллект, лишенный подлинно творческого начала, «великих стремлений», связанных с аффективностью.

207. Еще яркий пример ученого или, в широком смысле, «объективного человека», неумолимого накопителя фактов, лишенного творческого личностного начала, обладающего слабой аффективностью.

«Какую бы благодарность ни возбуждал в нас всегда *объективный ум*, – а кому же не надоело уже до смерти все субъективное с его проклятым крайним солипсильюбием (*Ipsissimosität*)! – однако в конце концов нужно научиться быть осторожным в своей благодарности и воздерживаться от преувеличений, с которыми нынче прославляют отречение от своего *Я* и духовное обезличение... Объективный человек, который уже *не проклинает и не бранит* (курсив мой – О. З.), подобно пессимисту, *идеальный* ученый, в котором научный инстинкт распускается и достигает полного расцвета после тысячекратных неудач и полунудач, без сомнения, представляет собою одно из драгоценнейших орудий, какие только есть, – но его место в руках более могущественного. Он только орудие, скажем: он *зеркало*, – он вовсе не “самоцель”. Объективный человек, в самом деле представляет собою зеркало: привыкший подчиняться всему, что требует познания, не знающий иной радости, кроме той, какую дает познание, “отражение”... Все, что еще остается в нем от “личности”, кажется ему случайным, часто произвольным, еще чаще беспокойным: до такой степени сделался он в своих собственных глазах приемником и отражателем чуждых ему образов и событий. Воспоминания о “себе” даются ему с напряжением, они часто неверны; он легко смешивает себя с другими, он *ошибается в том, что касается его собственных потребностей* (курсив мой – О. З.) и единственно в этом случае бывает непроницательным и нерадивым... Он потерял способность серьезно относиться к себе, а также досуг, чтобы заниматься собой: он весел не от отсутствия нужды, а от отсутствия пальцев, которыми он мог бы ощупать *свою нужду*» [22, с. 171].

Под такого рода «щупами» в данном случае уместно понимать эмоции, которые сигнализируют о неудовлетворенной для данного человека потребности.

«Привычка идти навстречу каждой вещи и каждому событию в жизни; лучезарное, наивное гостеприимство, с которым он встречает всё, с чем сталкивается; свойственное ему неразборчивое благожелательство, опасная беззаботность относительно Да и Нет: ах, есть достаточно случаев, когда ему приходится раскаиваться в этих своих добродетелях! – и, как человек вообще, он слишком легко становится *caput mortuum* (бранными останками – О. З.) этих добродетелей. Если от него требуется любовь и ненависть, как понимают их Бог, женщина и животное, – он сделает что может и даст что может. Но нечего удивляться, если это будет немного, – если именно в этом случае он выкажет себя поддельным, хрупким, сомнительным и дряблым. Его любовь деланая, его

ненависть искусственна и скорее похожа на un tour de force (ловкую штуку – О. З.), на мелкое тщеславие и аффектацию. Он является неподдельным лишь там, где может быть объективным: лишь в своем безмятежном тотализме он еще представляет собою “натуру”, еще “натурален”. Его отражающая, как зеркало, и вечно полирующаяся душа уже не может ни утверждать, ни отрицать; он не повелевает; он также и не разрушает... Он также не может служить образцом; он не идет ни впереди других, ни за другими; он вообще становится слишком далеко от всего, чтобы иметь причину брать сторону добра или зла. Если его так долго смешивали с *философом*, с этим цезаристским насадителем и насильником культуры, то ему оказывали слишком много чести и проглядели в нем самое существенное – он орудие, некое подобие раба, хотя, без сомнения, наивысший вид раба, сам же по себе – ничто... Объективный человек есть орудие; это дорогой, легко портящийся и тускнеющий измерительный прибор, художественной работы зеркало, которое надо беречь и ценить; но он не есть цель, выход и восход, он не дополняет других людей, он не человек, в котором получает оправдание все *остальное* бытие, он не заключение, еще того менее начало, зачатие и первопричина; он не представляет собою чего-либо крепкого, мощного, самостоятельного, что хочет господствовать: скорее это нежная, выдутая, тонкая, гибкая, литейная форма, которая должна ждать какого-либо содержания и объема, чтобы “принять вид” сообразно с ними, – обыкновенно это человек без содержания и объема, “безличный” человек» [22, с. 171–173].

Мы видим удивительно яркий и подробный портрет человека, лишенного потребностей (кроме потребности констатации фактов) и чувств, влечений и эмоций (аффективности). Такому человеку трудно понять (почувствовать!), что есть польза или вред для него, трудно принять решение, сказать «Да» или «Нет» (эмоционально-волевые нарушения). Он может «изображать» эмоции, как принято, в соответствии с обстановкой, не переживая их, тем более, что мимический аппарат для низших и высших эмоций одинаков [см.: 11, с. 117]. Вместе с аффективностью у него отсутствует собственное Я, в формировании которого аффективности принадлежит ведущая роль [см.: 12, с. 67]. Описанная Ф. Ницше психологическая картина «человека без свойств» представляется бледным отражением клинической картины больного эпидемическим энцефалитом, у которого эмоционально-волевая сфера нарушена благодаря поражению патологическим процессом стволовой части мозга, с которой связано формирование эмоций [см.: 8, 13].

211. «Я настаиваю на том, чтобы наконец перестали смешивать философских работников и вообще людей науки с философами, – чтобы именно здесь строго воздавалось “каждому свое” и чтобы на долю первых не приходилось слишком много, а на долю последних – слишком мало. Для воспитания истинного философа, быть может, необходимо, чтобы и сам он стоял некогда на всех тех ступенях, на которых остаются и *должны* оставаться его слуги, научные работники философии; быть может, он и сам должен быть критиком и скептиком, и догматиком, и историком, и, сверх того, поэтом и собирателем, и путешественником, и отгадчиком загадок, и моралистом, и

прорицателем, и «свободомыслящим», и почти всем, чтобы пройти весь круг человеческих ценностей и разного рода чувств ценности, чтобы *иметь возможность* смотреть различными глазами и с различной совестью с высоты во всякую даль, из глубины во всякую высь, из угла во всякий простор. Но все это только предусловия его задачи; сама же задача требует кое-чего другого – она требует, чтобы он *создавал ценности...* *Подлинные же философы суть повелители и законодатели*; они говорят: “Так должно быть!”, они-то и определяют “куда?” и “зачем?” человека и при этом распоряжаются подготовительной работой всех философских работников, всех победителей прошлого, – они простирают творческую руку в будущее, и все, что есть и было, становится для них при этом средством, орудием, молотом. Их “познавание” есть *созидание*, их созидание есть законодательство, их воля к истине есть *воля к власти*» [22, с. 183–185].

Представляется, что, когда Ф. Ницше пишет о ступенях, которые следует пройти истинному философу, чтобы стать созидателем истинных ценностей, то он имел ввиду в первую очередь самого себя. Прослеживается четкая градация между «повелителями и законодателями» – философами, заряженными творческой энергией, аффективностью, и их слугами – философскими работниками – людьми науки, занятыми лишь лишенной эмоций подготовительной работой для созидания, осуществляемого философами.

213. «Так, например, истинно философская совместность смелой, необузданной гениальности, которая мчится presto, и диалектической строгости и необходимости, не делающей ни одного ложного шага, не известна по собственному опыту большинству мыслителей и ученых... Они представляют себе всякую необходимость в виде нужды, в виде мучительного подчинения и принуждения, и само мышление считается ими за нечто медленное, томительное, почти что за тяжелый труд, и довольно часто за труд, “достойный *пота* благородных людей”, – а вовсе не за нечто легкое, божественное и близко родственное танцу, резвости!» [22, с. 188–189].

В этом подразделе автор продолжает сопоставление мышления философа, заряженного эмоциями, вдохновением, сочетающимися со строгой рациональностью, и мышления ученых, лишенного должной аффективности и потому совершающегося как бы по принуждению. Аффективность, связанная с заряженностью идеей, повышает внимание, ускоряет ход ассоциаций и мыслительный процесс в целом, порождает положительные эмоции.

Хотя анализ отделов, в которых психофизиологические воззрения философа не нашли непосредственного отражения, не входил в задачу исследования, знакомство с ними показывает, что и в них автор творческие силы, величие духа философа, обладающего волей к власти, к овладению, «хотением», аффектом, определяющим «командующую мысль» (в целом – аффективностью), противопоставляет человеку науки и, тем более, обывателю, лишенным этих психофизиологических качеств.

Сопоставление содержания книги «По ту сторону добра и зла» с основными положениями учения об аффективности показывает, что Ф. Ницше опередил время в понимании роли «инстинктов» (чувств) – аффективности в

созидательной активности философа, в отличие от холодного научного мышления, лишено творческого начала и обреченного путем проб и ошибок к накоплению фактов, гениальное обобщение которых доступно лишь философам будущего.

Список литературы

1. Абуладзе К. С. Деятельность коры больших полушарий головного мозга у собак, лишенных трех дистантных рецепторов: зрительного, слухового и обонятельного // Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова. – 1936. – Т. 21. – № 5–6. – С. 784–785.

2. Асратян Э. А. Влияние экстирпации верхних шейных симпатических узлов на пищевые условные рефлексy // Архив биологических наук. – 1930. – Т. 30. – № 2. – С. 243–265.

3. Беритов И. С. Об основных формах нервной и психонервной деятельности. – М.: АН СССР, 1947. – 116 с.

4. Блейлер Э. Аффективность, внушаемость, паранойя. – Одесса: Полиграф, 1929. – 140 с.

5. Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. – Рига: СПРИДИТИС, 1991. – 272 с.

6. Галкин В. С. О значении рецепторных аппаратов для работы высших отделов центральной нервной системы // Архив биологических наук. – 1933. – Т. 33. – № 1–2. – С. 27–53.

7. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений // Иркутский медицинский журнал. – 1927. – Т. 5. – № 6. – С. 5–14.

8. Дерябин В. С. Эпидемический энцефалит в психопатологическом отношении // Сибирский архив теоретической и клинической медицины. – 1928. – Т. 3. – № 4. – С. 317–323.

9. Дерябин В. С. Эмоции как источник силы // Наука и жизнь. – 1944. – № 10. – С. 21–25.

10. Дерябин В. С. Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1951. – Т. 1. – № 6. – С. 889–901.

11. Дерябин В. С. Чувства, влечения, эмоции: о психологии, психопатологии и физиологии эмоций. – М.: ЛКИ, 2013. – 224 с.

12. Дерябин В. С. Психология личности и высшая нервная деятельность (психологические очерки «О сознании», «О Я», «О счастье»). – М.: ЛКИ, 2010. – 202 с.

13. Дерябин В. С. О закономерности психических явлений (публичная вступительная лекция) // Психофармакология и биологическая наркология – 2006. – Т. 6. – № 3. – С. 1315–1321.

14. Дерябин В. С. Замечания по поводу брошюры академика И. С. Беритова «Об основных формах нервной и психонервной деятельности» // Психофармакология и биологическая наркология. – 2006. – Т. 6. – № 4. – С. 1397–1403.

15. Дерябин В. С. Психофизиологическая проблема и учение И. П. Павлова о «слитии» субъективного с объективным // Психофармакология и биологическая наркология. – 2007. – Т. 7. – № 3–4. – С. 2202–2207.
16. Забродин О. Н. Психофизиологическая проблема и проблема аффективности: Викторин Дерябин: Путь к самопознанию – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 208 с.
17. Кеннон В. Физиология эмоций. – М.–Л.: Прибой, 1927. – 173 с.
18. Корячкин В. А. Клинические, функциональные и лабораторные тесты в анестезиологии и интенсивной терапии. – СПб.: Санкт-Петербургское медицинское издательство, 2004. – 139 с.
19. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 517–642.
20. Мэгун Г. Бодрствующий мозг. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 211 с.
21. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – М.: МГУ, 1990. – 304 с.
22. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: АСТ, 2018. – 319 с.
23. Орбели Л. А. Обзор учения о симпатической иннервации скелетных мышц, органов чувств и центральной нервной системы // Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: АН СССР, 1962. – С. 148–168.
24. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения животных). – М.: Наука, 1973. – 659 с.
25. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. – М.: Наука, 1981. – 215 с.
26. Спиноза Б. Этика, доказанная в геометрическом порядке и разделенная на пять частей. – М.–Л.: Госсоцэкгиз, 1932. – 223 с.
27. Судаков К. В. Биологические мотивации. – М.: Медицина, 1971. – 304 с.
28. Ухтомский А. А. Принцип доминанты // Собрание сочинений. Т. 1. – Л.: ЛГУ, 1950. – С. 197–201.
29. Шарапов Б. И. К вопросу о взаимоотношении двух корковых сигнальных систем после выключения многих периферических анализаторов // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова. – 1954. – Т. 4. – № 1. – С. 80–84.
30. Штрюмпель А., Зейфарт К. Частная патология и терапия внутренних болезней. Т. 3: болезни нервной системы – М.: Государственное медицинское издательство, 1932. – 624 с.
31. Цвейг С. Борьба с демоном: Гёльдерлин. Клейст. Ницше. – М.: Республика, 1992. – 304 с.

References

1. Abuladze K. S. Activity of the Cerebral Cortex in Dogs Deprived of Three Distant Receptors: Visual, Auditory and Olfactory [Deyatel'nost kory bolshikh polushariy golovnogo mozga u sobak, lishennykh trekh distantnykh retseptorov: zritel'nogo, slukhovogo i obonyatel'nogo]. *Fiziologicheskiiy zhurnal SSSR imeni I. M. Sechenova* (Sechenov Physiological Journal of the USSR), 1936, vol. 21, no. 5–6, pp. 784–785.

2. Asratyan E. A. The Effect of Extirpation of the Upper Cervical Sympathetic Nodes on Food Conditioned Reflexes [Vliyanie ekstirpatsii verkhnikh sheynykh simpaticheskikh uzlov na pischevye uslovnye refleksy]. *Arhiv biologicheskikh nauk* (Archive of Biological Sciences), 1930, vol. 30, no. 2, pp. 243–265.

3. Beritov I. S. On the Main Forms of Nervous and Psycho-Nervous Activity [Ob osnovnykh formakh nervnoy i psikhonervnoy deyatelnosti]. Moscow: AN SSSR, 1947, 116 p.

4. Bleuler E. Affectivity, Suggestibility, Paranoia [Affektivnost, vnushaemost, paranoya]. Odessa: Poligraf, 1929, 140 p.

5. Halevi D. The Life of Friedrich Nietzsche [Zhizn Fridrikha Nitsshe]. Riga: SPRIDITIS, 1991, 272 p.

6. Galkin V. S. On the Importance of Receptor Apparatus for the Work of the Higher Parts of the Central Nervous System [O znachenii retseptornykh apparatov dlya raboty vysshikh otdelov tsentralnoy nervnoy sistemy]. *Arhiv biologicheskikh nauk* (Archive of Biological Sciences), 1933, vol. 33, no. 1–2, pp. 27–53.

7. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena [O zakonomernosti psikhicheskikh yavleniy]. *Irkutskiy Meditsinskiy Zhurnal* (Irkutsk Medical Journal), 1927, vol. 5, no. 6, pp. 5–14.

8. Deryabin V. S. Epidemical Encephalitis in the Psychopathological Relation [Epidemicheskii entsefalit v psikhopatologicheskom otnoshenii]. *Sibirskiy arkhiv teoreticheskoy i klinicheskoy meditsiny* (Siberian Archive of Theoretical and Legal Medicine), 1928, vol. 3, no. 4, pp. 317–323.

9. Deryabin V. S. Emotions as a Source of Power [Emotsii kak istochnik sily]. *Nauka i zhizn* (Science and Life), 1944, no. 10, pp. 21–25.

10. Deryabin V. S. Affectivity and Regularities of Higher Nervous Activity [Affektivnost i zakonomernosti vysshey nervnoy deyatelnosti]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatelnosti imeni I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity), 1951, vol. 1, no. 6, pp. 889–901.

11. Deryabin V. S. Feelings, Inclinations, Emotions: About Psychology, Psychopathology and Physiology of Emotions [Chuvstva, vlecheniya, emotsii: o psikhologii, psikhopatologii i fiziologii emotsiy]. Moscow: LKI, 2013, 224 p.

12. Deryabin V. S. Psychology of the Personality and Higher Nervous Activity (Psycho Physiological Essays “About Consciousness”, “About I”, “About Happiness”) [Psikhologiya lichnosti i vysshaya nervnaya deyatelnost (psikhologicheskie ocherki “O soznanii”, “O Ya”, “O schaste”)]. Moscow: LKI, 2010, 202 p.

13. Deryabin V. S. About Regularity of the Mental Phenomena (Public Introductory Lecture) [O zakonomernosti psikhicheskikh yavleniy (publichnaya vstupitelnaya lektsiya)]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, vol. 6, no. 3, pp. 1315–1321.

14. Deryabin V. S. Remarks Concerning the Brochure of the Academician I. S. Beritov “About the Main Forms of Nervous and Psychoneural Activity” [Zamechaniya po povodu broshyury akademika I. S. Beritova “Ob osnovnykh formakh nervnoy i psikhonervnoy deyatelnosti”]. *Psikhofarmakologiya i*

biologicheskaya narkologiya (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2006, vol. 6, no. 4, pp. 1397–1403.

15. Deryabin V. S. Psycho-Physiological Problem and I. P. Pavlov's Doctrine about "Conjointery" of Subjective with Objective [Psikhofiziologicheskaya problema i uchenie I. P. Pavlova o "slitii" subektivnogo s obektivnym]. *Psikhofarmakologiya i biologicheskaya narkologiya* (Psychopharmacology and Biological Narcology), 2007, vol. 7, no. 3–4, pp. 2002–2007.

16. Zabrodin O. N. Psycho-Physiological Problem and the Problem of Affectivity: Victorin Deryabin: The Way to Self-Knowledge. [Psikhofiziologicheskaya problema i problema affektivnosti: Viktorin Deryabin: Put k samopoznaniyu]. Moscow: LENAND, 2017, 208 p.

17. Cannon W. B. Physiology of Emotions [Fiziologiya emotsiy]. Moscow – Leningrad: Priboy, 1927, 173 p.

18. Koryachkin V. A. Clinical, Functional and Laboratory Tests in Anesthesiology and Intensive Care [Klinicheskie, funktsionalnye i laboratornye testy v anesteziologii i intensivnoy terapii]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe meditsinskoe izdatelstvo, 2004, 139 p.

19. Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. [Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda]. Marks K., Engels F. *Iz rannikh proizvedeniy* (Marx K., Engels F. From Early Writings). Moscow: Gospolitizdat, 1956, pp. 517–642.

20. Megun G. Awake Brain [Bodrstvuyuschiy mozg]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1960, 211 p.

21. Nietzsche F. Thus Spoke Zarathustra [Tak govoril Zuratustra]. Moscow: MGU, 1990, 304 p.

22. Nietzsche F. Beyond Good and Evil [Po tu storonu dobra i zla]. Moscow: AST, 2018, 319 p.

23. Orbeli L. A. A Review of the Teachings on the Sympathetic Innervation of Skeletal Muscles, Sensory Organs, and the Central Nervous System [Obzor ucheniya o simpaticheskoy innervatsii skeletnykh myshts, organov chuvstv i tsentralnoy nervnoy sistemy]. *Izbrannye trudy. Tom 2 (Selected Works. Vol. 2)*. Moscow–Leningrad: AN SSSR, 1962, pp. 148–168.

24. Pavlov I. P. Twenty Years Experience of Objective Study of Higher Nervous Activity (Animal Behavior) [Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya zhivotnykh)]. Moscow: Nauka, 1973, 659 p.

25. Simonov P. V. Emotional Brain [Emotsionalnyy mozg]. Moscow: Nauka, 1981, 215 p.

26. Spinoza B. Ethics, Demonstrated in Geometrical Order [Etika, dokazannaya v geometricheskom poryadke i razdelennaya na pyat chastey]. Moscow – Leningrad: Gossotsekgiz, 1932, 223 p.

27. Sudakov K. V. Biological Motivation [Biologicheskies motivatsii]. Moscow: Meditsina, 1971, 304 p.

28. Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominantny]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

29. Sharapov B. I. To the Question of the Relationship of Two Cortical Signal Systems after Turning Off Many Peripheral Analyzers [K voprosu o vzaimootnoshenii dvukh korkovykh signalnykh sistem posle vyklyucheniya mnogikh perifericheskikh analizatorov]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti imeni I. P. Pavlova* (I. P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity), 1954, vol. 4, no. 1, pp. 80–84.

30. Strumpel A., Seyfart K. Private Pathology and Therapy of Internal Diseases. Vol. 3: Nervous System Diseases [*Chastnaya patologiya i terapiya vnutrennikh bolezney. T. 3: bolezni nervnoy sistemy*]. Moscow: Gosudarstvennoe meditsinskoe izdatel'stvo, 1932, 624 p.

31. Zweig S. Holderlin, Kleist, and Nietzsche: The Struggle with the Daemon [*Borba s demonom: Gelderlin. Kleyst. Nitsshe*]. Moscow: Respublika, 1992, 304 p.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Прием в аспирантуру ГУАП по направлению «Философия науки и техники» в 2020 году

[Кафедра истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения](#) приглашает специалистов и магистров в [аспирантуру](#) по направлению «Философия науки и техники».

Возможны очное и заочное обучение:

– очное обучение: стоимость – 120 000 рублей за семестр, срок обучения 3 года;

– заочное обучение: стоимость 35 000 рублей за семестр, срок обучения 3 года, 10 месяцев.

[Приём документов](#) проводится с 17 августа по 3 сентября 2020 года. Вступительные экзамены состоятся с 7 по 18 сентября 2020 года.

По окончании обучения аспирантам выдаётся диплом исследователя-преподавателя. В случае успешной защиты диссертации аспирант получает учёную степень кандидата философских наук.

Контактная информация:

– электронная почта кафедры истории и философии: hiph@hf-guar.ru,

– ответственный за образовательную программу, доктор философских наук, профессор [Орлов Сергей Владимирович](#): orlov5508@rambler.ru.

Прием в бакалавриат и магистратуру ГУАП по направлению «Политология» в 2020 году

[Кафедра истории и философии](#) гуманитарного факультета [Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения](#) объявляет набор в бакалавриат по направлению подготовки «[Политология](#)» направленности «Политическое управление». ЕГЭ, необходимые для поступления: русский язык, обществознание, история. Срок обучения 4 года. По окончании бакалавриата выдаётся диплом бакалавра политологии. Обучение осуществляется на контрактной основе, стоимость – 90 000 рублей за семестр. По вопросам, связанным с поступлением в бакалавриат, можно обращаться к руководителю направления «Политология» (бакалавриат) – доценту [Стерликовой Арине Анатольевне](#) по электронной почте: arinast@mail.ru или в деканат гуманитарного факультета по электронной почте secretariat@hf-guap.ru

Также осуществляется набор в магистратуру по направлению подготовки «[Политология](#)» направленности «Россия в мировой политике». Заявления принимаются у лиц, имеющих диплом бакалавра или специалиста по любому направлению подготовки. Срок обучения 2 года. По окончании магистратуры выдаётся диплом магистра политологии. Имеется 8 бюджетных мест, также возможно обучение на контрактной основе, стоимость обучения – 100 000 рублей за семестр. По вопросам, связанным с поступлением в магистратуру, можно обращаться к руководителю направления «Политология» (магистратура) – профессору [Исаеву Борису Акимовичу](#) по электронной почте isaevboris@yandex.ru или в деканат гуманитарного факультета по электронной почте secretariat@hf-guap.ru.

Документы следует подавать в [приёмную комиссию](#) Государственного университета аэрокосмического приборостроения ([ГУАП](#)) с 29 июня 2020 года.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Шаблон для оформления статьи можно скачать по ссылке: [шаблон](#). Более подробная информация о требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. Редакция журнала не принимает статьи, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других журналах, а публикуемая статья должна обладать научной новизной и актуальностью. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Редакторы имеют право вносить в статьи исправления, не меняющие их смысл.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf

- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет
- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,25 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации (не аббревиатура), место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание, город, страна. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – коды автора (при наличии): SPIN, ResearcherID, ORCID, ScopusID. Далее приводятся авторское резюме (обычно 100-250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Данная информация, кроме УДК и кодов автора, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ 7.32–2017. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной

Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом <https://translit.ru>: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow: Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya. Tom 1* (Works. Vol. 1). Moscow: Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*K kritike politicheskoy ekonomii*]. *Sochineniya. T. 13* (Works. Vol. 13). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [*Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh*]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. III. Kn. 2* (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [*Printsip dominanty*]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, no. 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SpbGU, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – URL: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. URL: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [*Транслитерированное название статьи курсивом*]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, vol. 41, pp. 309–329. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без дополнительных скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, pp. 102–254.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в

заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки

зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме также необходимо указать дополнительный способ связи с автором (например, телефон).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovip@aanet.ru
SPIN: 0000-1111,
ORCID: 0000-1111-2222-3333.

Иванов Пётр Иванович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов (см. п. 7).

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovip@aanet.ru

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...



Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

Email: fikio@rambler.ru



Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».



© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2020.